Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„Народная мысль“.

Танъ.

Духоборы въ Канадѣ.

ОЧЕРКИ.

Изданiе, исправленное и дополненное.

Съ 8 рисун. и картой.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.
1906.

КНИГИ СОЮЗА ИЗДАТЕЛЕЙ:

Изданія «Новаго Товарищества».

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. 12. Тел. 120—20.

В. Черновъ. Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. Второе изданіе, 15 коп.

С. Закъ. Земля и капитализмъ, второе изд., 25 коп.

Н. Черненковъ. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства (распродано), 80 коп.

И. Гильдебрандъ. Ѳома Мюнцеръ, 20 коп.

Ф. Бейерлейнъ. Вечерняя заря, 35 коп.

Ф. Гардинсъ. Почему я соціалистъ? 4 коп.

Библіотека подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

С. Ан—скій. Крестьянскій вопросъ во Франціи, 2-е изд. 7 коп.

В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство, 20 к.

В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ, 25 коп.

В. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи, 3-е изд., 15 коп.

А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соціаль-демократы «деревенской бѣднотѣ», 2-е изданіе, 10 коп.

Л. Какъ крестьянамъ дали волю, 4 коп.

Ф. Гардинсъ. Почему я соціалистъ, 4 коп.

Б. Баксъ и Квенчъ. Соціалист. катехизисъ. Г. Лазаревъ. Аграрный катехизисъ, 20 коп.

Протоколы делегатскаго съѣзда крестьянскаго союза, 30 к.

Ш. Ристъ. Профессіональные союзы въ Англіи, 1 коп.

Ж. Ренаръ. Письма изъ деревни, 2 коп.

Изданія «Земли и воли».

С.-Петербургъ, Невскій 42.

Л. Шишко. Разсказы изъ русской исторіи въ 2-хъ частяхъ 22 коп. (распр.).

О налогахъ, 3 коп. (распр.).

Мироновъ. Солдатскій подвигъ, 3 коп. (распр.).

Бесѣды о землѣ, 2 коп. (распр.)

Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ, 3 коп. (распр.).

Протоколы учредительнаго съѣзда Всероссійскаго крестьянскаго союза 10 коп.

Новоторжскій.—Что такое правовое государство. 10 коп.

В. Черновъ.—Памяти Михайловскаго. 25 коп.

С. Швецовъ.—Крестьянская община, схема ея возникновенія и развитія. 5 коп.

А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. Шишко, 50 коп.

А. Макаровъ. Наши предшественники, 8 коп.

По Беллами. Черезъ 100 лѣтъ, 25 коп.

Изданія Н. Ф. Новожилова.

Спб., Спасскій п., 5.

Проектъ основного закона о землѣ, 6 к.

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„Народная мысль“.

Танъ.

Духоборы въ Канадѣ.

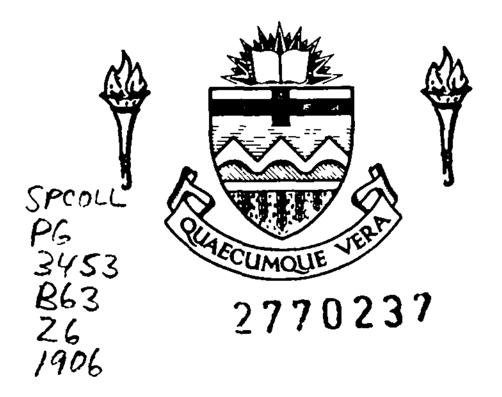
ОЧЕРКИ.

Изданіе, исправленное и дополненное.

Съ 8 рисун. и картой.

Цѣна **20** коп.

МОСКВА.
1906.

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русскомъ народѣ рядомъ съ православной вѣрой существуетъ множество другихъ христіанскихъ исповѣданій. Иныя изъ нихъ откололись отъ православія еще двѣсти лѣтъ тому назадъ, при патріархѣ Никонѣ. Таковы старообрядцы, которые раздѣляются на пріемлющихъ священство и безпоповцевъ. Всѣ они совершаютъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и кладутъ знакъ креста двухперстнымъ сложеніемъ Но изъ нихъ безпоповцы не имѣютъ священниковъ и замѣняютъ ихъ начетчиками и уставщиками изъ мірянъ, по избранію каждой молитвенной общины

Другія исповѣданія и секты возникли позднѣе. Изъ нихъ вредной сектой могутъ считаться только скопцы, потому что они подвергаютъ тѣлесному увѣчью самихъ себя и другихъ, нерѣдко несовершеннолѣтнихъ.

Напротивъ, всѣ другія секты часто объединяютъ лучшую часть русскаго народа. Вѣроученіе многихъ сектъ сходится въ томъ, что онѣ отрицаютъ внѣшніе обряды, не имѣютъ иконъ, парчевыхъ ризъ и священническихъ облаченій, не поклоняются святымъ, не строятъ пышныхъ и раззолоченыхъ храмовъ, а имѣютъ вмѣсто того скромные молитвенные дома. Онѣ не признаютъ церковныхъ преданій и писаній Святыхъ Отцевъ, но въ основу всего своего ученія кладутъ евангеліе Христа, извлекаютъ изъ евангелія законъ жизни и стараются жить по этому закону.

Евангеліе Христа велитъ жить въ дружбѣ и братскомъ согласіи, помогать бѣднымъ и убогимъ или, что еще лучше, устраиваться такъ, чтобы бѣдныхъ совсѣмъ не было, не обманывать, не насильничать, не убивать, не дѣлать на своихъ друзей и сосѣдей ложныхъ доносовъ.

Для того, чтобы знать и читать евангеліе, нужно быть грамотнымъ и трезвымъ человѣкомъ.

Сектанты, которые стараются слѣдовать евангельскимъ правиламъ, живутъ зажиточнѣе и лучше православныхъ.

Они пьютъ меньше и питаются лучше, уклоняются отъ разврата, а потому сами они и дѣти ихъ здоровѣе тѣлесно и чище нравственно... Они почти всѣ грамотны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стариковъ и старухъ. Бѣдныхъ между ними мало. Въ нуждѣ помогаетъ община, помогаютъ и сами другъ другу. Помогаютъ даже бѣднымъ изъ православныхъ.

Въ числѣ такихъ русскихъ сектъ нужно назвать молоканъ, баптистовъ и штундистовъ, и въ особенности духоборовъ. Молокане считаются сотнями тысячъ, а баптисты, быть можетъ, милліонами. Духоборы не такъ многочисленны. Въ 1896 году духоборовъ считалось около двадцати тысячъ. Изъ этого числа восемь тысячъ переселилось въ Канаду, около десяти тысячъ осталось въ Россіи. Около двухъ тысячъ погибло отъ усиленной смертности во время тяжелой ссылки половины духоборовъ, по горнымъ кавказскимъ ущельямъ въ 1896—1898 годахъ.

Изъ всѣхъ христіанскихъ вѣроученій русскаго народа ученіе духоборовъ наиболѣе приближается къ истинному духу ученія Христа. Оно напоминаетъ то древнее христіанство, которое существовало во время римскихъ гоненій, пока союзъ епископовъ съ императорами и управителями еще не исказилъ Христова завѣта и къ евангельскому ученію не прибавилъ языческой жестокости и многихъ языческихъ обрядовъ и поклоненій.

Ученіе духоборовъ во многомъ приближается также къ ученію соціализма, которое нынѣ распространилось по всему земному шару, и корни котораго отчасти исходятъ изъ евангелія Христа.

Въ отличіе отъ молоканъ и баптистовъ, духоборы придерживаются не буквы святого писанія, а самого духа его. Они считаютъ, что духъ Божій, духъ Христа, духъ живой, почіетъ на всѣхъ живыхъ людяхъ и что человѣку для того данъ разумъ, чтобы отличать правду отъ неправды въ духѣ и истинѣ. Въ спорахъ съ миссіонерами разныхъ вѣръ, русскими и англійскими, духоборскіе толкователи не принимаютъ ссылокъ на букву евангелія.—Ты намъ про чужое писаніе не расписывай,— говорили при мнѣ духоборы англійскому миссіонеру,—а говори отъ собственнаго ума. У тебя что на плечахъ, голова или дыня? Кажи намъ, что у тебя подъ коркою?—Дальнѣйшая особенность духоборскаго ученія состоитъ въ томъ, что они считаютъ преступнымъ отнимать у живыхъ существъ жизнь. Поэтому они, во-первыхъ, отвергаютъ всякое участіе въ войнѣ, а во-вторыхъ—принимаютъ вегетаріанство, то есть отри-

цаютъ убой скота, не потребляютъ мяса и питаются растительной пищей. Духоборы часто называютъ свое вегетаріанство постничествомъ.

Во многихъ отношеніяхъ духоборское ученіе совпадаетъ съ ученіемъ Льва Николаевича Толстого. Нужно сказать, что духоборское ученіе и толстовство выросли изъ одного и того же корня и вліяли взаимно другъ на друга.

И въ настоящее время Духоборія питаетъ глубокое почтеніе къ дѣдушкѣ Толстову, приравниваетъ его къ семи древнимъ мудрецамъ и называетъ его «большимъ столпомъ, которымъ подперта вся духовная слобода».

Начало духоборскаго ученія въ Россіи не вполнѣ извѣстно. Первыя свѣдѣнія о немъ относятся ко второй половинѣ 18 вѣка. Это свѣдѣнія о жестокихъ пыткахъ, мучительствахъ и наказаніяхъ, которымъ подверглись духоборы. Ихъ били кнутомъ, вырѣзывали имъ ноздри, клеймили ихъ раскаленнымъ желѣзомъ и ссылали въ каторгу. Несмотря на это, духоборское ученіе распространялось, преимущественно въ смежныхъ частяхъ Воронежской и Тамбовской губерній и Донской области. Духоборы подбирались семейство къ семейству, человѣкъ къ человѣку,— «по единому къ единому», какъ говорятъ сами духоборы.

Въ началѣ 19 вѣка, въ царствованіе Александра 1-го, преслѣдованіе временно прекратилось, но духоборовъ выселили въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи. Здѣсь духоборы обосновались на Молочныхъ Водахъ, и скоро, благодаря своему трудолюбію и братскому духу, достигли значительнаго благосостоянія.

Климатъ въ Таврической губерніи мягкій. Духоборы имѣли значительныя запашки, развели стада овецъ и фруктовые сады. Число духоборовъ достигало 8000. Свое главное село они назвали «Терпѣніе». Въ Терпѣніи были большіе общественные амбары, наполненные хлѣбомъ и такъ называемый Сиротскій Домъ, окруженный прекраснымъ паркомъ. Въ паркѣ протекалъ ручей и были устроены два фонтана и образцовый фруктовый питомникъ. При Сиротскомъ домѣ состояло обширное общественное хозяйство, имѣлись косяки лошадей, стада овецъ и большой денежный капиталъ. Гоненія на духоборовъ, впрочемъ, прекратились не вполнѣ, и многіе изъ нихъ и въ это болѣе снисходительное время попадали въ ссылку на Кавказъ и даже въ сибирскую каторгу. Наказывали ихъ, во-первыхъ, за то, что ихъ ученіе и жизненный примѣръ отвлекаютъ людей отъ православія, и во-вторыхъ, за то, что они стали

отказываться отъ военной службы, считая войну несовмѣстимой съ истиннымъ христіанствомъ.

Въ царствованіе императора Николая Перваго гоненія на духоборовъ обострились, и въ 1839 г. они были внезапно сосланы изъ Таврической губерніи въ самыя глухія и дикія мѣста Закавказья. Духоборамъ пришлось продать за безцѣнокъ все свое имущество и стада, и они изъ зажиточныхъ людей стали нищими. Прекрасныя духоборскія земли отошли въ казну, дома были брошены на произволъ судьбы за отсутствіемъ покупателей. Послѣ этого духоборовъ погнали подъ конвоемъ казаковъ за двѣ тысячи верстъ къ самой персидской границѣ. Въ это время духоборовъ было уже 12.000.

Въ Закавказьѣ духоборовъ раздѣлили на двѣ части и поселили въ губерніяхъ Елисаветопольской и Тифлисской. Послѣ турецкой войны часть перешла во вновь завоеванную Карскую область. Ихъ земли лежали на значительной горной высотѣ и вслѣдствіе суроваго климата были мало пригодны для земледѣлія. Несмотря на это, духоборы, благодаря своей общинной жизни, и здѣсь скоро достигли значительнаго благосостоянія. На своихъ горныхъ лугахъ они развели большія стада рогатаго скота и лошадей, стали заниматься извозомъ. Устроили также новый Сиротскій домъ и при немъ большое общинное хозяйство. Число ихъ все увеличивалось и въ 1886 г. достигло 20.000 человѣкъ.

Подъ вліяніемъ постоянныхъ гоненій духоборы стали считать себя малымъ, но избраннымъ народомъ, вмѣщающимъ въ себѣ всю земную святость.

Многія секты и ученія, подвергаясь гоненіямъ и мученичеству, приходятъ къ тому же преувеличенію собственной святости.

Зато въ послѣднее время переселеніе въ Америку встряхнуло духоборскую душу до самой глубины. Духоборы перестали думать о собственной святости и, быть можетъ, потому, дѣйствительная святость ихъ ученія выросла. Они заговорили о братствѣ всѣхъ народовъ и даже рѣшили отнынѣ называться христіанами всемірнаго братства.

Во главѣ духоборской общины съ самаго начала стояли особые духовные руководители, мужчины и женщины. Руководитель занималъ свое мѣсто пожизненно, а передъ смертью избиралъ себѣ замѣстителя изъ наиболѣе способныхъ.

Такими руководителями Духоборіи были одинъ за другимъ: Побирохинъ, Капустинъ, Калмыковъ и потомъ жена его Лукерья Васильевна

Калмыкова. Лукерья Васильевна избрала себѣ замѣстителемъ молодого Петра Веригина и умерла въ 1886 году.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ духоборской жизни на Кавказѣ основы духоборскаго ученія стали временно слабѣть. Явилось большое неравенство въ имуществѣ между богатыми и бѣдными. Духоборы употребляли въ пищу мясо, для чего убивали скотъ. Они служили въ военной службѣ и даже во время русско-турецкой войны принимали дѣятельное участіе въ перевозкѣ военныхъ припасовъ закавказской арміи и нажили на этомъ хорошія деньги.

Веригинъ задумалъ возродить духоборское ученіе, расширить общинный духъ и уравнять имущество между богатыми и бѣдными. Вслѣдствіе этого въ Духоборіи началась распря. Большая часть, такъ называемая «Большая Партія», пристала къ Веригину; меньшинство, или «Малая Партія», противилась планамъ Веригина и стала писать на него доносы губернатору. При помощи начальства и полиціи «Малая партія» захватила Сиротскій домъ, имущество и капиталъ... Около ста тысячъ рублей пошло на взятки чиновникамъ. Веригинъ и нѣсколько его ближайшихъ сотрудниковъ были административно сосланы сперва въ Архангельскъ, а потомъ въ Сибирь. Веригинъ попалъ въ Обдорскъ къ Ледовитому Морю, а другіе—въ Якутскую область. Тѣмъ не менѣе, даже изъ ссылки, Веригинъ поддерживалъ духъ своихъ приверженцевъ длинными и обстоятельными письмами, «Большая Партія» стояла на своемъ. Она отказалась отъ мяса, водки и табаку и старалась во всемъ жить сообща. По своему отказу отъ мяса, водки и табаку «Большая Партія» стала называться «постниками». Въ 1895 году духоборы Большой Партіи рѣшили отказаться отъ военной службы и отъ всякаго употребленія оружія.

На Пасху передъ самымъ парадомъ 11 духоборскихъ солдатъ въ городѣ Елисаветполѣ заявили своему офицеру отказъ отъ участія въ военной службѣ, и были потомъ приговорены къ двухлѣтнему заключенію въ дисциплинарномъ батальонѣ.

Осенью 1896 года духоборы «Большой Партіи» рѣшили собрать свое оружіе и сжечь его на площади въ знакъ своего отказа отъ совершенія убійствъ. Это было исполнено въ день Петра и Павла во всѣхъ трехъ губерніяхъ, гдѣ живутъ духоборы. Правительство рѣшило жестоко наказать духоборовъ.

Въ духоборскія села были отправлены казачьи отряды, которые били мужчинъ плетьми, часто до смерти, насиловали женщинъ, грабили

имущество. Послѣ того значительная часть духоборовъ «Большой Партіи» была сослана въ самыя глухія горныя ущелья Кавказа. Изъ одного Ахалкалакскаго уѣзда Тифлисской губерніи было сослано 464 семейства. Духоборы во второй разъ потеряли все свое имущество, какъ 50 лѣтъ тому назадъ при ссылкѣ изъ Крыма на Кавказъ. Они снова стали нищими и зарабатывали себѣ скудное пропитаніе поденной работой у грузинъ и татаръ. Явился голодный тифъ и изнурительная лихорадка. Женщины, дѣти и старики стали умирать сотнями.

Жестокость властей и бѣдственное положеніе духоборовъ привлекли вниманіе добрыхъ и образованныхъ людей въ Россіи и за границей. Русскія газеты тогда не смѣли писать ничего о дѣйствіяхъ властей, но заграничныя газеты подняли шумъ, особенно въ Англіи и Америкѣ. Въ пользу духоборовъ стали собирать деньги, которыя передавались имъ черезъ Льва Толстого и его учениковъ: Черткова, Хилкова и другихъ. Наконецъ, весною 1898 года ссыльные духоборы получили позволеніе выселиться изъ Россіи. Впрочемъ, тѣ духоборы, которые были сосланы въ Сибирь, не получили разрѣшенія на отъѣздъ. Веригинъ былъ отпущенъ черезъ три года, въ 1901 году. Остальные сибирскіе ссыльные отпущены только недавно, въ короткій срокъ нашей свободы и вѣротерпимости.

Люди, желавшіе переселиться, стали распродавать остатки своего имущества. Въ Россіи и за границей начался новый сборъ пожертвованій.

Особенно живое участіе къ духоборамъ проявили англійскіе и американскіе **к в а к е р ы**, сами себя называющіе также **д р у з ь я м и**. Квакеры—это христіанская секта, ученіе которой во многомъ сходно съ духоборскимъ. Квакеры тоже принимаютъ святое писаніе не по буквѣ, а по духу, они отвергаютъ участіе въ войнѣ, но мясную пищу употребляютъ. Двѣсти лѣтъ тому назадъ квакеры претерпѣли большія гоненія и въ большомъ числѣ переселились въ Америку, гдѣ ихъ поселенія, разрослись и пріобрѣли большія богатства.

Квакеры не только собирали деньги въ пользу духоборовъ, но содѣйствовали также въ пріисканіи мѣста, куда направить ихъ переселеніе.

Первая партія духоборовъ около 1,100 человѣкъ была перевезена на большомъ пароходѣ на островъ Кипръ, лежащій въ Средиземномъ морѣ и принадлежащій англичанамъ. Но климатъ Кипра и условія жизни оказались не подходящими для духоборовъ.

Поэтому для дальнѣйшаго переселенія была избрана западная часть Канады по ту сторону Атлантическаго океана.

Канада лежитъ въ сѣверной Америкѣ. Къ югу отъ Канады, но тоже въ Сѣверной Америкѣ, лежатъ Соединенные Штаты. Эти двѣ обширныя страны населены народами, которые говорятъ по-англійски. Ихъ обычаи, образъ жизни и управленіе во многомъ одинаковы. Но Соединенные Штаты управляются самостоятельно, а Канада подчинена англійскому королю.

Площадь Соединенныхъ Штатовъ въ полтора раза больше европейской Россіи, а населенія—ровно 80 милліоновъ. Самый большой городъ Нью-Іоркъ имѣетъ до четырехъ милліоновъ жителей. Два другіе города болѣе, чѣмъ по милліону. Площадь Канады немногимъ меньше Соединенныхъ Штатовъ, а населеніе только семь милліоновъ. Зато климатъ Канады гораздо холоднѣе и напоминаетъ Сибирь.

Пришельцы изъ Европы переселяются одинаково и въ Соединенные Штаты и въ Канаду. Въ Соединенные Штаты переселяется ежегодно около милліона, а въ Канаду—около двухсотъ тысячъ человѣкъ. Соединенные Штаты богаче,—тамъ легче найти заработокъ. Но въ Канадѣ больше свободной земли. Почти всѣ переселенцы — бодрые молодые, хорошіе работники. Слабый человѣкъ, который не надѣется на себя, не поѣдетъ въ чужую страну черезъ широкій океанъ.

Западная часть Канады,—это плодородная черноземная степь. Она лежитъ далеко отъ морского берега и потому заселена еще слабѣе, чѣмъ Восточная Канада.

Духоборы переѣхали въ Канаду осенью 1898 года тремя крупными партіями на трехъ большихъ морскихъ пароходахъ. Кипрскіе духоборы не хотѣли остаться сзади, и послѣдовали за другими черезъ океанъ, составивъ четвертую партію. Всего переселилось въ Канаду до 8,000 духоборовъ. Остальные духоборы изъ партіи Веригина устрашились переселенія, остались на Кавказѣ, подчинились правительству и «Малой Партіи». Всего въ Закавказьѣ осталось около 10,000 духоборовъ. Вмѣстѣ съ духоборами на каждомъ пароходѣ отправились нѣсколько провожатыхъ изъ интеллигенціи—студенты, фельдшерицы, молодые доктора. Они помогали имъ во время труднаго морского переѣзда, раздавали пищу, свѣжую воду и лѣкарства.

Часть этихъ людей послѣдовала за духоборами и въ Западную Канаду. Надо замѣтить, что земли, отведенныя духоборамъ, лежали за 3,000 верстъ отъ морского берега. И послѣ парохода имъ пришлось еще ѣхать пять дней по желѣзной дорогѣ.

Интеллигентные спутники духоборовъ принесли имъ большую пользу въ первое время ихъ жизни въ Канадѣ.

— Мы сюда вышли, какъ будто въ лѣсъ,—разсказывали мнѣ потомъ духоборы,—не знаемъ ни языка, ни порядковъ, и насъ никто не знаетъ и не вѣритъ намъ. Много хлопотъ тогда они съ нами приняли, находили намъ работу и мѣста, возились съ нами, какъ съ дѣтьми.

———

Особенно благодарную память оставилъ по себѣ г. Сулержицкій. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ духоборовъ, какъ только зашла рѣчь о Сулержицкомъ, сразу вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Ангелы, а не люди,—быстро заговорилъ онъ,—столько они старались, что, можетъ, мы и не стоимъ того. Кажется, палъ бы на землю, убился отъ одной благодарности.

— А потомъ, когда уѣзжалъ Сулержицкій, всѣ говорили, просили его еще остаться. А онъ сказалъ: «Я вамъ уже не нуженъ. Напримѣръ, въ Россіи много бѣдныхъ и темныхъ людей, и я лучше поѣду въ Россію».

Другіе студенты и фельдшерицы тоже уѣхали одни за другими. Къ тому времени духоборы уже приспособились и не нуждались въ чужой помощи.

Надо прибавить, что духоборы, оставшіеся въ Закавказьѣ, потомъ выражали большое сожалѣніе о томъ, что отстали отъ передовой половины своего народа и даже писали Канадскимъ духоборамъ, прося ихъ помощи для собственнаго поселенія. Но Канадскіе духоборы сами только что основывали свое хозяйство и не имѣли личныхъ средствъ.

Земли, отведенныя духоборамъ въ Канадѣ, состоятъ въ четырехъ участкахъ. Одинъ участокъ лежитъ далеко въ сторонѣ, у города Принца Альберта.

Три другіе участка находятся въ сорока верстахъ отъ города Іорктона. Они лежатъ такъ близко другъ къ другу, что въ сущности составляютъ одинъ общій округъ, между тѣмъ, какъ участокъ Принца Альберта отстоитъ отъ нихъ на 400 верстъ. По мѣсту своего расположенія три вмѣстѣ лежащіе участка называются, Сѣверный или участокъ у Громовой горы, Средній, или Бѣлопесочный по рѣкѣ Бѣлопесочной, и Западный, или участокъ у озера Добраго Духа. Въ промежуткахъ между участками лежитъ узкая полоса земли, принадлежащая кочевымъ индѣйцамъ, и нѣсколько англійскихъ хуторовъ.

На участкѣ у Принца Альберта расположено 13 духоборскихъ селе-

ній, а въ тройномъ общемъ округѣ около 60 селеній. Два главныхъ своихъ селенія духоборы по воспоминаніямъ о Молочныхъ Водахъ, назвали село Потерпѣвшее и село Терпѣніе, но потомъ переименовали Потерпѣвшее въ Отрадное, а Терпѣніе въ Надежду, въ знакъ того, что страданія духоборскаго народа кончились, и начинается время отрады и надежды.

Всего духоборы получили отъ Канадскаго земельнаго управленія 1,800 надѣловъ, по числу своихъ взрослыхъ мужчинъ. Въ каждомъ надѣлѣ 160 американскихъ акровъ, что составляетъ 52 десятины. Тройной округъ, занятый главной частью канадскихъ духоборовъ, составляетъ площадь въ пятьдесятъ верстъ длины и столько же ширины.

Однако изъ-за земли почти тотчасъ же начались недоразумѣнія. По канадскому закону каждый переселенецъ получаетъ надѣлъ въ личную собственность. Онъ обязанъ выстроить на своемъ надѣлѣ домъ и потомъ въ теченіе трехъ лѣтъ жить въ этомъ домѣ и обрабатывать, по крайней мѣрѣ, десятую часть своего надѣла. Соотвѣтственно этому закону англичане и всѣ другіе переселенцы живутъ хуторами, каждый отдѣльно, на своемъ собственномъ участкѣ.

Духоборы, во-первыхъ, по русскому обычаю построились вмѣстѣ селами. Во-вторыхъ, они отказались принимать землю въ частную собственность, и захотѣли принять ее на имя всей общины. Въ-третьихъ, духоборы и обработку завели сообща въ одномъ полѣ. Такимъ образомъ нѣсколько участковъ были распаханы сплошь, другіе же цѣликомъ оставались подъ выгонъ и подъ луга. Все это было противно канадскому закону. Правительство уступать не хотѣло, оно желало разъединить духоборовъ и разбить ихъ хозяйство по отдѣльнымъ дворамъ. Духоборы, напротивъ, не желали отказаться отъ своей общинной жизни. Споры продолжались три года и чуть не привели къ полному крушенію Канадской духоборіи, какъ объ этомъ будетъ разсказано потомъ.

Въ 1903 году земельныя недоразумѣнія духоборовъ съ канадскимъ правительствомъ окончились соглашеніемъ, и духоборы получили возможность устроить свою жизнь по собственному усмотрѣнію. Въ короткое время они создали въ самомъ сердцѣ Западной Канады русскій сельскій околотокъ. Но когда я путешествовалъ между ихъ селами, я видѣлъ, что это какая-то новая, еще неизвѣстная намъ Россія. Окружавшее меня населеніе состояло поголовно изъ землевладѣльцевъ, которые жили, какъ братья, и занимались мирнымъ трудомъ на плодородныхъ поляхъ Канады. Нигдѣ не было ни урядника, ни сотскаго, ни даже сель-

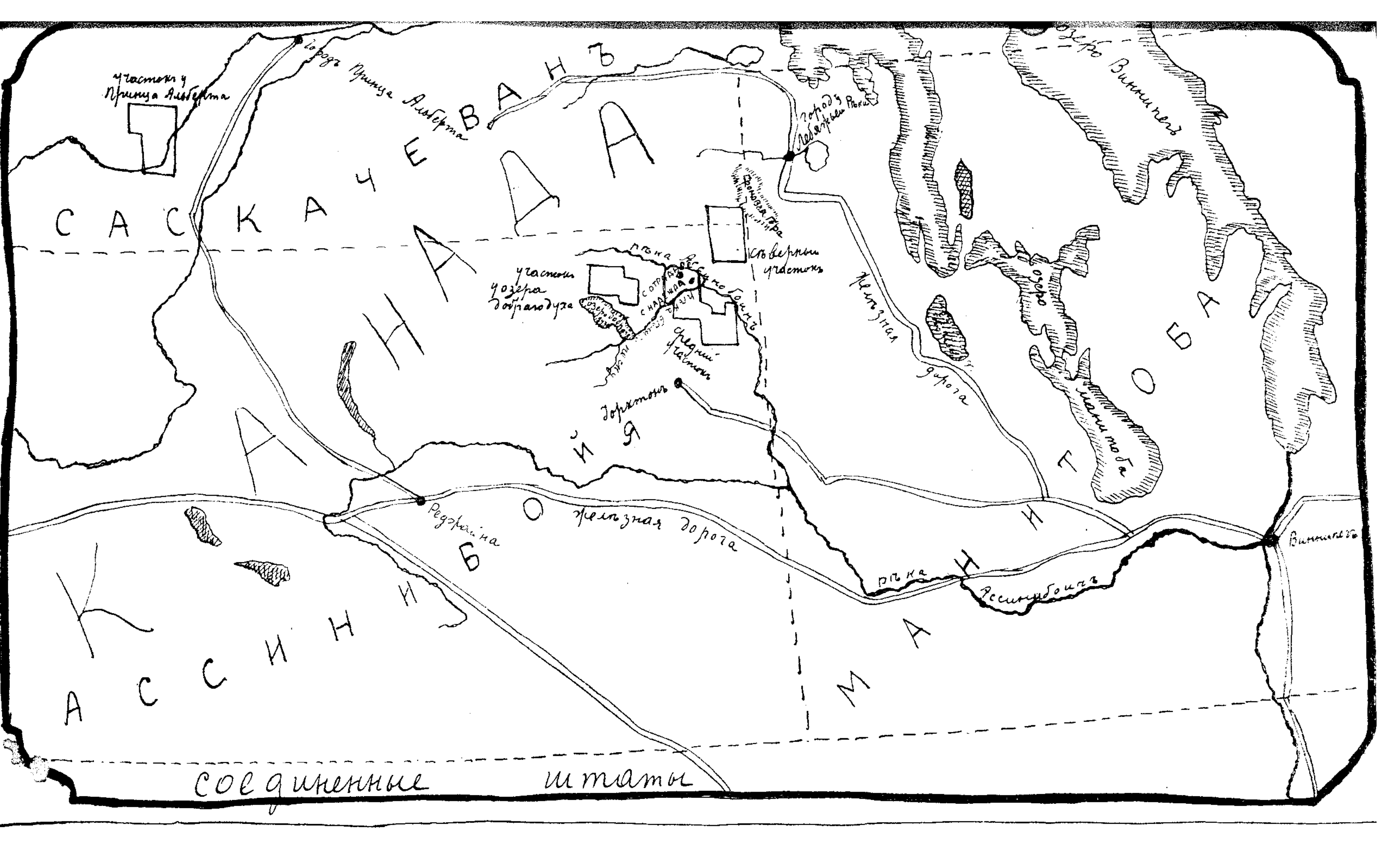
скаго старосты, ибо духоборская деревня исправляетъ свои дѣла безъ всякихъ особыхъ управителей. Иногда въ деревенской толпѣ, собравшейся на улицѣ, глаза мои невольно искали мундира или мѣдной бляхи съ надписью, но ихъ нигдѣ не было видно. Молодые парни по старой памяти носили кафтаны казацкаго покроя и суконныя шапки съ красным кантомъ, но вмѣсто кокарды онѣ были украшены свѣжими цвѣтами, только что сорванными съ поля.

Общинное устройство духоборовъ въ Западной Канадѣ поучительно тѣмъ, что указываетъ, какъ могли бы устроиться русскіе крестьяне и вообще русскіе люди, если бы въ ихъ владѣніи было достаточно земли и если бы притѣсненія властей не подкапывали въ корнѣ всѣ основы ихъ жизни.

Если бы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали...

Будемъ надѣяться, что зима кончится придетъ весна, и жизнь русскаго народа расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ.

Духоборская община — это первый цвѣтокъ русскаго народа, который распустился еще зимой и былъ побитъ морозомъ, но снова расцвѣлъ пересаженный на чужую почву за океанъ.

Поселенія духоборовъ въ Канадѣ.

I.

Городъ Виннипегъ.

Канадская степь разстилалась по обѣ стороны желѣзной дороги, широкая, ровная и сухая, какъ будто укатанная каткомъ, вымощенная пластами чернозема и накрытая сверху желто-зеленымъ, слегка волнистымъ ковромъ пшеницы. Картина была открытая, степная, хорошо знакомая мнѣ съ дѣтства. На краю небосклона синѣли холмы, похожіе на наши донскіе курганы, — тѣ же желтые суслики выглядывали изъ норъ у дороги, тяжелый степной ястребъ-шуликъ низко парилъ надъ травой, отыскивая себѣ добычу.

Широкія полосы нивъ и луговъ непрерывно смѣняли другъ друга. Мѣстами пшеница уходила изъ глазъ, ощетинивъ во всѣ стороны свои перепутанные колосья, какъ нечесанные волосы, и обѣщая обильный урожай, какіе бываютъ только на такихъ дѣвственныхъ, едва тронутыхъ плугомъ мѣстахъ. Вмѣсто неуклюжихъ деревянныхъ изгородей она была опоясана тонкой и щетинистой проволокой, воздушно перекинутой по столбамъ, какъ телеграфный проводъ. Луга были оставлены безъ ограды, и на нихъ повсюду пасся скотъ безъ пастуха и безъ призора. Въ промежуткахъ между нивами то-и-дѣло встрѣчались усадьбы, большія, крѣпко обстроенныя, съ высокой каменной ригой и цвѣтникомъ у передняго крыльца. Но иногда въ болѣе уединенномъ мѣстѣ попадался одинокій хуторъ, весь закутанный въ солому и съ подсолнухами вмѣсто цвѣтовъ. У глинянаго крылечка стояла женская фигура, въ цвѣтной плахтѣ и съ краснымъ монистомъ на шеѣ и, приложивъ руку къ глазамъ, глядѣла на пробѣгавшій поѣздъ. И тогда мнѣ опять начинало казаться, что я гдѣ-нибудь въ Екатеринославской или Таврической губерніи.

А между тѣмъ это была Западная Канада, страна, отдаленная отъ Новороссіи на 30 тысячъ верстъ и мало извѣстная даже во Франціи или Германіи. Эта необозримая американская степь только теперь открывалась для человѣческихъ поселеній. Она была еще дѣвственна и пуста, и распаханныя поля тянулись только у самой желѣзной дороги. Это была совсѣмъ новая американская страна, и только соломенный хуторъ былъ, дѣйствительно, перенесенъ изъ Восточной Европы, съ

австрійской границы изъ-подъ галицкаго [1]) Перемышля или изъ-подъ русскаго Богуслава на Днѣпрѣ.

Уже десять лѣтъ переселенческій потокъ льется въ эту страну широкой и ровною струей и все расширяется и возрастаетъ въ объемѣ. Европейскіе народы перемѣшиваются здѣсь, какъ зерна на мельницѣ. Бывшіе англійскіе ткачи и рудокопы и шотландскіе арендаторы селятся бокъ-о-бокъ съ рыбаками изъ Исландіи и пастухами съ венгерскаго Дуная. Славяне всѣхъ племенъ занимаютъ видное мѣсто, и однихъ галицкихъ русиновъ насчитывается до 60-ти тысячъ человѣкъ. Года три тому назадъ начали появляться русскіе хохлы,—баптисты и православные,—и въ двухъ-трехъ мѣстахъ уже успѣли образовать довольно большіе поселки.

Изъ этихъ разнородныхъ племенъ дѣятельно составляется новый народъ, и, вѣроятно, черезъ двадцать лѣтъ эта плодородная страна будетъ имѣть огромныя богатства и двадцать милліоновъ населенія.

Поѣздъ безостановочно несся и несся впередъ. Одинокіе поселки стали гуще и чаще. Нивы смѣнились огородами. Съ лѣвой стороны появился длинный кирпичный заводъ. Желѣзнодорожное полотно расширилось и заблистало новыми рядами рельсъ. Мы подъѣзжали къ городу Виннипегу, который составляетъ для этой страны столицу и средоточіе торговли. Здѣсь перекрещиваются пять желѣзнодорожныхъ линій, по которымъ развозятся переселенцы и свозится хлѣбъ и скотъ, идущій отсюда къ Атлантическому океану для перевозки въ Европу.

Виннипегъ—совсѣмъ новый городъ. Первые дома его построены 35 лѣтъ тому назадъ. Теперь въ немъ 50 тысячъ жителей. Онъ прекрасно вымощенъ, освѣщенъ электричествомъ и покрытъ цѣлою сѣтью электрическихъ трамваевъ. Двѣ главныя улицы застроены многоэтажными домами и бойкими магазинами. Въ Виннипегѣ четыре большихъ политическихъ газеты и около полусотни низшихъ среднихъ школъ. Новыя лавки, конторы и фабрики возникаютъ чуть не ежедневно, и заработки попрежнему очень высоки. Чернорабочій на земляной работѣ или по переноскѣ тяжестей получаетъ 2 доллара въ день, плотникъ или слесарь—4—5 долларовъ. [2]) Благосостояніе города все-таки основано на торговлѣ хлѣбомъ и скотомъ, и жизненные припасы очень дешевы. Однимъ словомъ, это благодатное мѣсто, которое притягиваетъ къ себѣ не только переселенцевъ изъ-за океана, но также сотни молодыхъ людей изъ Восточной Канады и Соединенныхъ Штатовъ, которые приходятъ сюда на поиски наживы и сѣраго счастья.

---

[1]) Галичане, галиціане, или Галицкіе русины—вѣтвь малорусскаго племени, живетъ въ австрійской области Галиціи по границѣ съ нашими Волынской и Подольской губерніями. Русиновъ больше трехъ милліоновъ. Въ послѣдніе годы они усиленно переселяются въ Америку.

[2]) Долларъ на русскія деньги около 2 рублей. Въ долларѣ сто центовъ. 45 долларовъ выходитъ около 8—10 рублей.

II.

Русскіе баптисты.

Черезъ часъ я уже стоялъ на деревянной платформѣ среди густой толпы пассажировъ, пробиравшихся къ выходу. Люди ходили взадъ и впередъ по платформѣ, таскали свои чемоданы и мѣшки, толкались и задѣвали другъ друга. Я прошелъ въ переселенческое управленіе, которое помѣщалось въ двухъ шагахъ отъ станціи, и черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи русскаго переводчика Деррика отправился осматривать эмигрантскій домъ, гдѣ наиболѣе бѣдные изъ пришельцевъ получаютъ даровой пріютъ на первыя недѣли.

Деррикъ былъ родомъ русинъ, но жилъ въ Канадѣ лѣтъ десять. По-малорусски онъ говорилъ хорошо, а по-русски—плохо. Онъ получалъ жалованье отъ казны. Въ виду наплыва русинскихъ и русскихъ переселенцевъ канадское правительство завело русскихъ переводчиковъ во многихъ городахъ по линіи желѣзной дороги.

Эмигрантскій домъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ бараковъ. Одинъ—побольше и почище—назначался для переселенцевъ изъ Англіи и Скандинавскихъ государствъ. Въ немъ стояли кровати, застланныя простынями, и деревянные столы. Жильцовъ, однако, не было, ибо среди англо-скандинавскихъ переселенцевъ полные бѣдняки рѣдки. Кромѣ того, и англичане и скандинавы питаютъ закоренѣлую ненависть ко всякаго рода казеннымъ помѣщеніямъ.

Другой баракъ назначался для восточныхъ варваровъ. Онъ былъ очень грязенъ, и вся мебель его состояла изъ деревянной лавки со сломанной ногой, которая была прислонена къ стѣнѣ и укрѣплена подставленнымъ снизу чурбаномъ. Груда соломенныхъ тюфяковъ была свалена въ углу. Полъ, навѣрное, не былъ мытъ со времени постройки, и досчатыя стѣны были испещрены слѣдами раздавленныхъ клоповъ. Къ моему удивленію, все населеніе барака состояло изъ малороссовъ изъ-подъ Полтавы, которые пріѣхали сюда нѣсколько дней тому назадъ и пока пріютились въ эмигрантскомъ домѣ. Ихъ было три семьи. Мужчинъ не было, они ушли на работу. Одна изъ задачъ переселенческаго управленія—отыскивать работу бѣднымъ пріѣзжимъ, и оно исполняетъ эту задачу чрезвычайно быстро и успѣшно. Такимъ образомъ, черезъ двѣ-три недѣли переселенецъ уже получаетъ возможность занять собственную квартиру, и держать его въ казенномъ клоповникѣ нѣтъ болѣе основанія.

Кучка женщинъ сидѣла на полу, собравшись въ кружокъ, и пила чай. Скатертью имъ служилъ головной платокъ одной изъ нихъ, которая сидѣла простоволосая, съ чайникомъ въ рукахъ и ребенкомъ на

колѣняхъ. Рядомъ сидѣла другая, молодая, подобравъ ноги и сгорбившись надъ своей грубой глиняной чашкой.

Множество ребятишекъ, маленькихъ, грязныхъ, полунагихъ, ползало во всѣхъ углахъ и кувыркалось на грудѣ рухляди.

— Чьи же эти дѣти?—невольно спросилъ я, когда нѣсколько оборванцевъ, свившись въ живой клубокъ, скатились съ груды тюфяковъ прямо мнѣ подъ ноги, не переставая на ходу тузить и щипать другъ-друга.

Женскій кружокъ тотчасъ же вывелъ меня изъ недоумѣнія.

— У меня шестеро,—сказала простоволосая баба,—тутай въ Мелигранѣ. Та двое на улици, та одинъ съ батькомъ ушелъ.

— Та и у меня тоже девьять,—сказала ея сосѣдка съ лѣвой стороны, толстая, съ краснымъ лицомъ, одѣтая въ длинную холщевую рубаху, подпоясанную шерстянымъ гайтаномъ. — У Дуни тоже девять,—прибавила она.—Вси здисяй въ Телеграмѣ.

Она ткнула пальцемъ въ грудь третью участницу кружка, маленькую сморщенную старушенку, потомъ указала рукой въ уголъ на группу копошившихся ребятишекъ. Мелигранъ и Телеграмъ, очевидно, составляли видоизмѣненіе непривычнаго слова эмигрантъ и обозначали переселенческій баракъ.

Молодуха помолчала не поднимая глазъ съ земли.

— А у мене нема ни едного,—наконецъ, сказала она.— Ни дітей, ни чоловіка!.. Я сама една!..

— Ото!—сказала простоволосая.—Тожъ тобі ладнійше одъ насъ (тебѣ лучше, чѣмъ намъ)!..

— Бѣда съ дѣтьми на чужой сторонѣ! — пояснила она, обращаясь ко мнѣ.—Да еще и въ дорогѣ, на чугункѣ той... Кто плаче, кто гомонитъ, кто исти проситъ. А я имъ кажу: цытьте, дѣти, бо вкину подъ рейки, тутъ васъ машина и задавитъ (молчите, дѣти, не то кину подъ рельсы, тутъ васъ машина и задавитъ)!

— Ні!—сказала молодуха упрямо и просто.—Чоловікъ да дитина-то наймыльше одъ усего (мужъ и дитя милѣе всего)!..

— А на суднѣ еще хуже, — продолжала простоволосая перебирать свои воспоминанія.—Блюютъ. Судно качае: бухъ, бухъ, бухъ! А я имъ кажу: цытьте, діти, бо вкину въ воду,—то воны и замовчатъ!

— У меня бувъ чоловікъ, — сказала молодуха, продолжая думать о своемъ,—да его въ москаляхъ спекли, въ Палтантурѣ, въ китайской войнѣ. Потомъ того, кажутъ, ступай домой! Тамъ духъ легкій,—вылѣчишься! А вотъ же не вылѣчился, померъ.

Въ комнатѣ стало какъ-то тоскливо послѣ этихъ немногихъ словъ.

— А что, не скучно вамъ объ родномъ мѣстѣ?—спросилъ я по невольной связи мыслей.

— Сумно?—переспросила простоволосая. — Зачѣмъ намъ сумовать? Можетъ, здѣсь лучше будетъ.

— Вездѣ Божья земля!—подхватила баба въ холщевой рубахѣ.— Насъ вонъ сосѣди съ села не пускали. Куда, говорятъ, ѣдете? На гибель

ѣдете! И агентъ жидовскій... Вкинутъ васъ жиды въ воду, не довезутъ до мѣста... А все же таки довезли!

Молодуха не сказала ничего и вдругъ заплакала тихо и уныло, и эти молчаливыя слезы были краснорѣчивѣе самаго подробнаго отвѣта.

Пятая женщина, одѣтая нѣсколько получше, сидѣла съ другого края. Это была гостья, жившая на вольной квартирѣ и пришедшая въ «Мелигранъ» навѣстить своихъ товарокъ.

— Христина!.. Ильпинская!..— укоризненно заговорила она. — Та яка-жъ ты дурна!.. Здѣсь вѣдь, правду лучше...—Вотъ я портомойница, платья мою,—продолжала она,—полтретья доляра на два дні заробляю... Да еще пойду, а барыня спроситъ: «А паляница (хлѣбъ) у тебе есть?» Я скажу: «Нема», то она паляницу дастъ. А потомъ снова спроситъ: «А молоко у тебе есть?» А я опять скажу: «Нема». То она и молока дастъ.

Часы пробили шесть. Рабочій день былъ оконченъ, и мужчины одинъ-по-одному стали собираться въ переселенческій баракъ. Пришелъ баптистскій проповѣдникъ, рыжій и приземистый, въ башмакахъ, огромныхъ, какъ лодки, и въ высокой сѣрой шляпѣ, похожей на печную трубу. Онъ былъ нѣмецкій переселенецъ изъ-подъ Саратова и немного говорилъ по-русски. Онъ разсказалъ мнѣ, что живетъ въ деревнѣ, въ тридцати верстахъ отъ города. Онъ пріѣхалъ въ городъ на воскресенье, чтобы проповѣдывать въ баптистской молельнѣ, куда сходились для молитвы всѣ русскіе переселенцы. Вслѣдъ за нѣмцемъ пришелъ какой-то старый полякъ или литвинъ, пьяный, истерзанный, безъ сюртука и съ бутылкой рома въ карманѣ. Голова у него была бѣлая, какъ лунь, но, онъ держался пѣтушкомъ и даже отпускалъ довольно вольныя шутки. Женщины относились къ нему съ неистощимымъ терпѣніемъ.

— Выпилъ, старый!—добродушно говорили онѣ и очень скоро уложили его спать въ углу на тюфякахъ, прикрывъ его какой-то пестрой попоной вмѣсто одѣяла.

Большая часть пришедшихъ были русскіе. Они явились, какъ были на работѣ, въ грязныхъ холщевыхъ рубахахъ и съ руками, запачканными въ глинѣ. Все это были, очевидно, новички; даже ихъ рабочая одежда выглядѣла по-русски и отличалась отъ американской. Картузы у нихъ были русскіе съ кожанымъ козырькомъ и ватнымъ подбоемъ. Нѣкоторые были совсѣмъ безъ шапокъ. У одного на головѣ красовался бѣлый гречневикъ изъ валяной шерсти.

Въ баракѣ, впрочемъ, не на чемъ было даже присѣсть.

— Пойдемъ лучше къ намъ!—предложилъ Капустинскій, рослый и костлявый портной, который жилъ въ Виннипегѣ уже третій годъ и имѣлъ квартиру и даже вывѣску.

Жилище Капустинскаго было на другомъ концѣ главной улицы. Онъ занималъ нижній этажъ полуразрушеннаго дома, а въ верхнемъ этажѣ находился складъ старой мебели. Внизу было такъ сыро и темно, что мы даже не подумали войти внутрь и усѣлись на дворѣ, на обрубкахъ бревенъ, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ.

И здѣсь было много ребятишекъ. Они копошились у задней стѣны, на кучѣ песку за бревнами.

На мой вопросъ Капустинскій объяснилъ, что у него тоже девять дѣтей. Кромѣ собственныхъ дѣтей у Капустинскаго были два племянника и два пріемыша, и вся семья состояла изъ пятнадцати человѣкъ.

Гости продолжали подходить. Иные изъ нихъ только-что побывали на рѣкѣ, чтобы смыть рабочую грязь, и волосы ихъ лоснились отъ сѣраго мыла. Мало-по-малу во дворъ собралось около тридцати человѣкъ.

— Какъ это вы пріѣхали сюда?—задалъ я вопросъ этой русской толпѣ, успѣвшей перебраться на совсѣмъ новую почву.

— А такъ и пріѣхали!—отозвался приземистый человѣкъ въ холщевыхъ штанахъ съ мотней и въ короткомъ жилетѣ, составленномъ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ.—Изъ-подъ Полтавы... Тѣсно въ Полтавщинѣ. Затѣсненная земля...

— А на какія деньги?—спрашивалъ я.

Пестрый жилетъ не отвѣчалъ.

— Скажи ты, Грынь,—обратился Капустинскій къ своему сосѣду, небольшему человѣку съ бѣлокурой бородкой и свѣтло-голубыми глазами. Онъ держалъ въ рукахъ пилу, какъ признакъ своего ремесла.

— Какія наши деньги?—сказалъ Грынь.—Помогали одинъ другому, у кого чѣмъ было... Кто штамокъ земли продалъ. Въ Полтавщинѣ каждый лоскутъ земли—сто—двѣсти карбованцевъ, не такъ, какъ здѣсь. У кого хата была, у кого корова,—все деньги.

— Мнѣ вотъ братья помогли,—прибавилъ онъ.—Ты, говорятъ, холостой человѣкъ, испытай тую Америку, какая она для людей. Если понравится тебѣ, напиши,—пріѣдемъ и мы...

— Что же вы, написали?—спросилъ я.

— Я еще денегъ не заробивъ!—отозвался Грынь.—Надо долги отдати, а то на-слово не повѣрятъ.

— Мы тоже другъ-другу помогали!—сказалъ пестрый жилетъ.

Очевидно, тутъ было нѣсколько группъ, пріѣхавшихъ въ разное время.

— А то... Въ Писаніи сказано: помогай ближнему до семи разъ и еще семь разъ семь. Кто есть ближній? Перво—своя родина (собственные родные), потомъ—своя вѣра, потомъ—всѣ люди. То мы и помогали поэтому.

— А ни?—возразила портомойница. Она вмѣстѣ съ Христиной послѣдовала за мужчинами.—Надо всякаго миловать ровно. Вотъ съ нами на пароходѣ жиды ѣхали, пять семей. Какія были деньги, все отдали на машину да на билетъ. А потомъ, какъ засѣли въ казенномъ домѣ, исти нечего у нихъ. То мы имъ по доляру на день давали отъ своего имѣнія. Только бы не засохли они съ голода. Ой, бѣдненькіе, даже взгадывать худо такую бѣду! Плачутъ, руки цѣлуютъ, въ ноги кланяются. А мы имъ говоримъ: «Не намъ кланяйтесъ, а Тому, Кто дае и вамъ и намъ, на общую долю».

— А гдѣ лучше жизнь?— задалъ я другой вопросъ.

— Та що жь?—отозвался съ другой стороны двора мрачный голосъ. —Бѣдному человѣку вездѣ худо, хоть сквозь землю пройди. Да и въ Канадѣ этой работай, какъ черный волъ, даже рубашка не обсыхаетъ.

— Опять закаркалъ!—съ неудовольствіемъ возразилъ человѣкъ въ пестромъ жилетѣ.—Прировнявъ злото до блота... Какая намъ жизнь была, какъ воробью при дорогѣ. Кто схативъ, тотъ и сдушивъ. А здѣсь наша заработка два доляра за день!

— А земля крѣпкая, какъ глей,—настаивалъ мрачный голосъ.— Ее и лопата не беретъ. Въ Полтавѣ нѣту такой крѣпкой земли. Работа легче...

— Легче!—съ негодованіемъ передразнилъ пестрый жилетъ. А курицу выгнать негдѣ. Вотъ она какая легкость. А здѣсь заплати десять доляровъ и бери пятьдесятъ десятинъ, еще съ прибавой.

— А за четвертакъ — лѣса на постройку и топку! — подхватилъ другой голосъ.—Гдѣ еще есть на свѣтѣ такая благодать?

Они говорили объ отводѣ казенныхъ участковъ. Въ Канадѣ, дѣйствительно, казна отводитъ каждому способному основать хозяйство 52 десятины земли и необходимое количество лѣса, со взносомъ десяти долларовъ за участокъ.

— А порядокъ какой!—продолжалъ пестрый жилетъ.—Сомнѣваешься въ чемъ, такъ вонъ полисманъ стоитъ, подойди и спроси. Онъ тебя не ударитъ, не обругаетъ.

— А мы не пойдемъ на землю!—отозвался одинъ изъ молодыхъ Капустинскихъ изъ своего угла.

— А лысый съ вами, не ходите!—сказалъ пестрый жилетъ.

— А отчего?

— Вонъ Ванька говоритъ,—вмѣшался старый Капустинскій безпристрастнымъ голосомъ,—намъ и въ городѣ хорошо... У насъ вѣдь шесть человѣкъ на работу ходятъ,—прибавилъ онъ уже самъ отъ себя.—Вѣдь это цѣлый капиталъ!

— А на землѣ будешь самъ себѣ хозяинъ! — возразилъ пестрый жилетъ.

— Я и здѣсь буду хозяинъ!—сказалъ Капустинскій.—Вотъ куплю себѣ участокъ земли и построю домъ. Хлѣбъ, мясо здѣсь дешевы. Можно жить да Бога хвалить.

Это было раздѣленіе деревенскихъ и городскихъ жителей. Капустинскій уже накопилъ денегъ и выбиралъ для себя болѣе легкую жизнь въ городѣ.

— Въ деревнѣ пыль, жара!—сказалъ Ванька.—А у насъ дома какъ прохладно!..

— А я пойду на село, я пойду!—громко заговорила Ильпинская. —Землю искать пойду! Мои братья фермы[1]) побрали. Я къ нимъ пойду, тоже фармисткой (фермершей) стану.

---

[1]) Ферма—участокъ, хуторъ. Фермеръ—владѣлецъ участка.

— Какая это земля?—продолжала она по адресу человѣка, порицавшаго твердость канадской почвы.—Глей? Ты знаешь? Это—золотая земля. Брось въ нее, что хочешь, хоть картошку вареную, она все родитъ!..

— Братики,—продолжала она, обращая свои слова къ другимъ слушателямъ,—я была тутъ у Галиціанки на фермѣ. Ухъ, грекъ ее бей! Вотъ хозяйство! Одного маку цѣлый загонъ. Въ полтавщинѣ хлѣба столько не сѣютъ. Рѣдька—по человѣчьей головѣ. Картошку не могли всю выкопать...

Хозяйка собрала ужинъ для своей семьи, и гости одинъ за другимъ стали расходиться. На завтра было воскресенье, и Капустинскій пригласилъ меня посѣтить русскую молельню, но я отговорился недосугомъ. На слѣдующее утро вождь духоборовъ, Петръ Веригинъ, долженъ былъ проѣхать черезъ Виннипегъ, и я намѣревался провести этотъ день съ духоборами, которые живутъ въ Виннипегѣ своимъ кругомъ, отдѣльно отъ малорусскихъ баптистовъ.

III.

Духоборы въ Виннипегѣ.

Когда въ воскресенье утромъ я вышелъ изъ дома, было еще очень рано. День былъ тихій и теплый. Воздухъ былъ ясенъ и неподвиженъ. Даже молодыя деревья на бульварѣ стояли, не шевелясь, и лѣниво подставляли свои листья подъ возрастающіе потоки свѣта и тепла.

Торжественная тишина стояла надъ бойкимъ Виннипегомъ. Это было начало воскреснаго отдыха, сонпаго, лѣниваго, безмолвнаго, который, повидимому, совершенно необходимъ рабочей Америкѣ, послѣ лихорадочнаго напряженія недѣльной работы. Прохожихъ на улицѣ было совсѣмъ мало. Я постоялъ на углу, дожидаясь конки, но ни одинъ вагонъ не показывался на этомъ обыкновеннно столь оживленномъ перекресткѣ. Я обратился съ вопросомъ къ одинокому старику, который медленно переходилъ съ одного угла на другой, но вмѣсто отвѣта онъ неодобрительно покачалъ головой.

— Мы въ Канадѣ всѣ любимъ отдыхать,—сказалъ онъ, наконецъ, въ видѣ объясненія,—и мы очень довольны этимъ!

Я пересталъ дожидаться конки, и пошелъ по тротуару рядомъ со старикомъ.

— Господь Богъ создалъ воскресенье для всѣхъ,—строго продолжалъ старикъ,—а въ томъ числѣ и для машинистовъ на трамваѣ.

Улица свернула влѣво и привела насъ на берегъ рѣки къ огромному парку, составляющему лучшее украшеніе города Виннипега. Я прошелъ по узкой дорожкѣ, протоптанной въ толстомъ слоѣ опавшихъ

листьевъ, и вышелъ на рѣку. Она катилась широко и красиво, въ своихъ лѣсистыхъ берегахъ.

На рѣкѣ было много оживленія. У каждой стрѣлки были привязаны лодки, увѣшанныя рыболовными удочками и ручными сѣтями рыбной ловли, оставленными съ вечера; мелкіе островки, лѣпившіеся у береговъ, были привязаны къ нимъ узкими деревянными мостками и даже проволокой телефона, переброшенной взадъ и впередъ. Я взглянулъ впередъ и сталъ понимать, почему городъ Виннипегъ выглядѣлъ такъ уединенно въ это воскресное утро. По всей безконечной полосѣ прибрежнаго парка были разбросаны палатки, вперемежку съ утлыми избушками, сколоченными изъ барочныхъ досокъ. Это былъ настоящій дачный городъ, населенный рабочими, приказчиками и другими мелкими людьми. Они

Духоборская молодежь.

вели здѣсь деревенскую жизнь, выбирая себѣ на городской землѣ облюбованный участокъ и устраиваясь на немъ по собственному благоусмотрѣнію.

Нѣкоторые изъ дачниковъ, видимо, старались устроиться поудобнѣе. Деревянныя стѣны ихъ жилищъ были окружены чистенькими полотняными навѣсами. Впереди, на расчищенной площадкѣ, стояла американская чугунная плита съ высокой трубой и со всѣми новѣйшими приспособленіями. Около печки помѣщалась полѣнница сосновыхъ дровъ, даже груда угля; цвѣтные гамаки висѣли на деревьяхъ, и на самомъ видномъ мѣстѣ красовался высокій національный флагъ.

Другіе дачники устроились попроще. Просторныя палатки были укрѣ-

плены на грубо отесанныхъ кольяхъ. Предъ входомъ было мѣсто для костра, съ деревяннымъ треногомъ для котла, и даже топливо состояло изъ груды хвороста, котораго было много въ этомъ прибрежномъ лѣсу.

Двѣ линіи желѣзныхъ рельсовъ проходили сквозь этотъ полотняный поселокъ, и жители его могли съ удобствомъ ѣздить въ Виннипегъ для работы и покупокъ. Впрочемъ, въ дачномъ городѣ были собственныя лавки и даже лѣтній театръ, передѣланный изъ стараго сарая.

Дачный городъ раскинулся такъ широко, что я предпочелъ вернуться съ полдороги и отправился обратно въ Виннипегъ вдоль того же рѣчного берега. Населеніе стало просыпаться. Въ одномъ углу мужчина рубилъ дрова, а женщина раскатывала на желѣзномъ листѣ тѣсто для блиновъ. Въ другомъ углу жарили шашлыкъ, пекли картофель въ золѣ, перепекали зерно на чугунной сковородкѣ. На берегу рѣки веселая компанія пекла на палочкахъ мелкую, повидимому, только-что пойманную рыбу. Стаи ребятишекъ купались или возились на пескѣ. Другая веселая компанія, вся безъ сюртуковъ и жилетовъ, уже пила пиво на открытомъ воздухѣ, черпая его ковшикомъ изъ деревяннаго боченка. Всѣ эти люди нарочно старались жить проще и послѣ недѣльной работы въ пыльныхъ мастерскихъ и конторахъ находили особенное удовольствіе жить по-деревенски на мирномъ лонѣ подгородной природы.

Паркъ заканчивался широкимъ пустыремъ, на которомъ паслись лошади и коровы. Дальше начиналась желѣзнодорожная область. Стояли ненужные вагоны, валялись заржавленныя части какихъ-то машинъ, старое желѣзо и тому подобный хламъ. Я перешелъ по мосту черезъ рѣку Ассинибоинъ. Внизу, подъ откосомъ, на небольшой площадкѣ, поросшей чахлою травой, бѣлѣло еще нѣсколько палатокъ. Передъ ними тоже теплились костры, возились люди, приготовляя пищу.

Это была духоборская молодежь, занятая въ городѣ Виннипегѣ на лѣтнихъ заработкахъ. Ихъ было около пятидесяти человѣкъ, и, вмѣсто того, чтобы ютиться въ городѣ по англійскимъ харчевнямъ, они предпочли послѣдовать примѣру дачниковъ и отабориться всѣмъ вмѣстѣ на вольномъ воздухѣ. Они выбрали себѣ мѣсто вблизи своихъ работъ, не желая тратить ежедневно по гривеннику на конку.

Это была вторая группа русскихъ людей, которую я встрѣтилъ въ Виннипегѣ, но они рѣзко отличались отъ хохлацкихъ земляковъ, бѣжавшихъ очертя голову изъ утѣсненной полтавщины и запачканныхъ до самой шеи въ канадскую глину. Здѣсь все были молодцы на подборъ, красивые, крѣпкіе, одѣтые въ чистое платье городского покроя. Это были родные братья того новаго племени, которое недавно родилось на Руси, провѣялось изъ русскаго сырого хлѣба, подъ буйнымъ вѣтромъ революціи въ свѣжемъ дыханіи весны и вольнаго воздуха. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Канадѣ они выглядѣли совсѣмъ старожилами и хлопотали вокругъ своего лагеря подъ мостомъ съ такою увѣренностью, какъ будто это мѣсто было занято еще ихъ дѣдами и отцами. Палатки у нихъ были такія же бѣлыя и большія, какъ и у англійскихъ дачни-

ковъ. Внутри земля была подкопана, умощена досками и укрыта одѣялами и простынями, такъ что образовались довольно удобныя кровати.

Завтракъ былъ готовъ. Духоборы немедленно усадили меня за столъ и сунули мнѣ въ руки точеную деревянную ложку издѣлія собственныхъ мастерскихъ Канадской Духоборіи.

— Поѣшь съ нами борща!—настойчиво говорили они.—Полно тебѣ англійскимъ прѣснымъ хлебовомъ брюхо ополаскивать.

Духоборскій борщъ былъ горячій и густой, биткомъ набитый различными овощами и обильно заправленный коровьимъ масломъ. Я свелъ съ нимъ потомъ близкое знакомство во время своихъ путешествій по духоборскимъ селеніямъ.

— Чѣмъ намъ жить у англиковъ [1]) да платить по полудолеру на день, лучше же намъ варить себѣ по-своему, — говорили духоборы. — Наше брюхо требуетъ другую пищу,—борщъ, квасъ, кашу, крутой хлѣбъ, все кислое да прочное.

Очевидно, духоборское брюхо не хотѣло мириться съ американскимъ сладкимъ картофелемъ и слоенымъ пирогомъ изъ тыквы.

— Бѣда!—жаловались мнѣ потомъ члены духоборскаго комитета.— Приходится намъ по общественнымъ дѣламъ переѣзжать изъ города въ городъ. Конечно, заѣзжаемъ въ гостиницу; между прочимъ ѣда ихняя очень для насъ неподходящая. Мяса мы не ѣдимъ, одинъ хлѣбъ да картошку. Только деньги переводимъ зря. Пробовали мы уговаривать ихъ.—Берите съ насъ только за ночлегъ, а объ ѣдѣ нашей не пекитесь. Мы себѣ будемъ свой борщъ варить, хотя въ полѣ на таганѣ. Не хотятъ ни за что. Подавай имъ по два доляра въ день съ каждаго человѣка. Теперь стали мы знакомцевъ заводить по городамъ. Такъ много легче!..

Мы разговорились съ духоборами, какъ будто старые пріятели, знающіе другъ друга уже, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ.

Отъ этой русской простонародной молодежи, закинутой на другую сторону земного шара, на меня пахнуло яркимъ и простымъ очарованіемъ, какъ отъ полевыхъ цвѣтовъ, растущихъ среди степи, которая открыла для нихъ свои гостепріимные предѣлы. Они, дѣйствительно, походили на цвѣты или на молодые плоды, еще покрытые первымъ дѣвственнымъ пушкомъ. Всѣ они были такіе славные, чистые, прозрачные, какъ стекло. Никто изъ нихъ не пилъ водки и не курилъ табаку. Уста ихъ не раскрывались для крѣпкихъ словъ. За три года ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ столкновенія съ канадской полиціей, не сидѣлъ въ участкѣ, не судился у мирового судьи, и однимъ словомъ, не продѣлывалъ всѣхъ тѣхъ прелестей, которыми такъ богата наша всероссійская улица. Зато эти мужицкія дѣти, таскавшія землю и ворочавшія бревна въ канадскомъ городѣ, живо напомнили мнѣ нашу студенческую молодежь. У нихъ были такіе же чуткіе ко всему, интеллигентные души и умы, хотя около половины изъ нихъ были малограмотны, а другіе тоже

[1]) Англикъ—англичанинъ.

не пошли дальше хрестоматіи и Родного Слова. Но учиться и мыслить можно не только по книжкамъ, но и прямо изъ жизни.

Они разсказали мнѣ много любопытнаго про устройство духоборской жизни. Сорокъ семь селъ Іорктонскаго округа соединились всѣ въ одну большую общину, составили общую кассу и одно огромное хозяйство и для управленія имъ выбрали комитетъ изъ трехъ лицъ съ Петромъ Веригинымъ во главѣ. У новой общины были самые широкіе планы насчетъ покупки машинъ и племенного скота, устройства общинныхъ складовъ, мастерскихъ и даже фабрикъ. Многое было уже осуществлено или на пути къ осуществленію. Главною помѣхой служилъ недостатокъ въ наличныхъ средствахъ, ибо духоборы не привезли съ собой въ Канаду ничего, кромѣ долговъ. Чтобы сколько-нибудь пополнить свои нужды, община рѣшила отправить на заработки двѣ трети своего взрослаго мужского населенія, что составляло больше тысячи человѣкъ. Остальная треть вмѣстѣ съ женщинами взяла на себя всѣ домашнія и полевыя работы. Часть отхожихъ работниковъ была занята на подрядѣ, который община сняла на постройкѣ желѣзной дороги отъ Лебяжьей Рѣки къ городу Принцъ-Альберту. Другіе разошлись по ближайшимъ округамъ на три сотни верстъ въ окружности, занимаясь земляными работами, выдѣлкой кирпичей, постройкой домовъ, а въ страдную пору—также уборкой хлѣбовъ. Всѣ деньги поступали въ общую кассу,—и соединенная сумма заработковъ къ осени должна была достигнуть до ста тысячъ долларовъ.

Эти юные подвижники именно затѣмъ и жили въ палаткахъ, сами варили себѣ щи и разсчитывали каждый центъ, чтобы сдѣлать свой взносъ по возможности побольше. Однако, обязательности никакой не было. Кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ, покупалъ себѣ платье, часы, даже гостинцы домашнимъ. Никто никого не усчитывалъ, по единодушіе было поразительное. Единственное соперничество, которое существовало, состояло въ томъ, кто кого обгонитъ заработкомъ.

Надо сказать, что оживленное время для заработковъ въ Канадѣ—весна и лѣто. Зимою все замираетъ, даже желѣзная дорога перестаетъ строиться. Молодые духоборы со вздохомъ разсказывали, что за всѣ четыре года они ни разу не видали, какъ растетъ трава на ихъ деревенскихъ поляхъ.

— Уйдемъ черно и придемъ черно!—жаловались они,—какъ-будто и не росло ничего,—или же бѣло. Наши деревенскіе уже стали кой которую картошку и рѣпу въ землѣ оставлять до нашего прихода. Потѣшьтесь, говорятъ, вы, свѣжій овощъ выдернете изъ гряды своими руками.

— Хорошо у насъ по деревнямъ!—мечтательно вспоминали молодые духоборы.—Теперь капуста уже завилась, дѣвки сѣно гребутъ, поютъ, должно быть. Такъ поютъ у насъ,—прибавляли они,—поле вздымается, небо на землю хочетъ упасть. Вотъ поѣдешь, самъ услышишь!..

Несмотря на эти жалобы, они были настроены радостно и возбу-

жденно и надѣялись, что благосостояніе общины скоро встанетъ на прочную основу.

— Ничего!—утѣшали они сами себя,—только бы это лѣто намъ дотерпѣть. Сей годъ у насъ такіе посѣвы, что, если дастъ Богъ, создастся урожай, на будущую весну перестанемъ уходить, станемъ лучше прибавлять свое поле.

Я спросилъ у молодыхъ людей, въ которомъ часу долженъ пріѣхать Веригинъ.

— А вотъ кончимъ завтракъ и пойдемъ вмѣстѣ!—сказали они.— Пожалуй, что они уже пріѣхали, квартира то ихняя на другомъ концѣ города. Молокане тутъ есть Казабовы, изъ армянъ, Петюшка къ нимъ всегда заѣзжаютъ!

Они говорили о своемъ руководителѣ во множественномъ числѣ, но въ то же время называли его уменьшительнымъ ласкательнымъ именемъ. Впрочемъ, они относились и другъ къ другу съ такими же ласкательными именами. Черезъ полчаса они передѣлали соотвѣтственно и мое имя и стали называть меня Володя и братецъ. О Веригинѣ они отзывались съ неутомимою охотой и любовью.

— Какой человѣкъ,—неустанно повторяли они.—Ласковый, учительный, словоохотливый, ко всякому съ привѣтомъ, для всякаго съ помощью. Такого другого нѣту во всѣхъ духоборахъ.

Разговоръ перешелъ на Канадскія дѣла.

Больше всѣхъ говорилъ Миша Казаковъ, стройный, бѣлокурый, съ вьющимися кудрями и румянцемъ во всю щеку, поминутно вспыхивавшимъ и пропадавшимъ безъ всякой причины. Ему не могло быть больше весемнадцати или девятнадцати лѣтъ, онъ походилъ на дѣвушку, переодѣтую мальчикомъ. Тѣмъ не менѣе, Миша завѣдывалъ паровиками на большомъ кирпичномъ заводѣ и зарабатывалъ больше ста долларовъ въ мѣсяцъ.

— И въ Канадѣ-то не все ровное!—говорилъ Миша.—Есть одно хорошее, а другое—худое... Вотъ, къ примѣру, англики нарекаютъ на насъ, что мы хотимъ жить селами на обчинѣ. По-ихнему каждый человѣкъ долженъ жить на своемъ участкѣ. А по-нашему это—самое звѣрство. Потому что живетъ человѣкъ въ пустынномъ мѣстѣ одинъ въ родѣ звѣря... Еще другое. Семьистому человѣку поодиночкѣ жить не бѣда, а малосемейнымъ—худо. Захвораетъ если, никто, пожалуй, и не навѣдается.

— Вотъ я вамъ случай разскажу,—продолжалъ онъ.

— Здѣсь фермы нарастаютъ въ родѣ, какъ пчелиный сотъ, рядышкомъ, одна подлѣ другой. Кто позже всѣхъ пришелъ, тотъ садится съ краю, а дальше, конечно, лѣсъ, либо степь.

Въ прошломъ году выѣхалъ англикъ одинъ тоже на ферму, бѣдненькій такой, маломочный, жена у него молодая и одинъ ребеночекъ грудной. Денегъ у нихъ нѣту, надо на работу итти. Вотъ онъ побился недѣли три, уладилъ для нихъ хибарку, изъ хвороста плетеную, самъ ушелъ на дорогу копать землю. Близко работу не нашелъ, послали его

за триста верстъ на сторону. Написалъ домой письмо, отвѣта нѣтъ. Думаетъ: видно къ моему участку еще почта не прошла. А заработокъ хорошій.

А дома у него тѣмъ временемъ хозяйка захворала или попричтилось чего. Никому, конечно, и горя нѣтъ, что вотъ не показывается человѣкъ. Да и не знаетъ никто. Этакъ недѣли черезъ три индѣи мимо шли ассинобойскіе, одна индѣйка зашла хлѣба вымѣнять. Перье они утиное собираютъ, да на печеный хлѣбъ мѣняютъ, индѣи эти. Дикіе они, кочующіе, въ родѣ русскихъ цыганъ или калмыковъ. Смотрятъ, а хозяйка-то ужъ холодная лежитъ, да и ребенокъ холодный, съ голоду видно замеръ... Вотъ какъ выходитъ, ежели въ степѣ поодиночкѣ жить,—закончилъ Миша.—Наши живутъ гуртомъ, цѣпляются другъ за дружку, какъ репешочки.

— У нихъ, напримѣръ, кто получаетъ отъ казны участокъ, долженъ самъ расписаться и держать его, какъ свою собственность. А наши не схотѣли, сказали: «Будемъ держать землю въ общемъ владѣніи и бумагу напишемъ на всѣхъ одну». — А правительство не согласилось. Такой изъ за этого вышелъ споръ, чуть вся наша жизнь не нарушилась.

— И въ городахъ у нихъ по-всякому,—продолжалъ Миша.

Съ непорочной высоты своихъ девятнадцати лѣтъ онъ подвергалъ окружающій міръ самой безпощадной критикѣ.

— Лучше, конечно, чѣмъ т а м ъ, на Русѣ, а выходитъ одно на одно. Я же еще тамошняго не помню хорошо,—вставилъ онъ,—больше слыхалъ отъ старшихъ... А про здѣшнее скажу. Если у кого денегъ нѣтъ, того считаютъ хуже грязи. А компанейщикъ Сипіаровъ всю округу въ рукахъ держитъ.

— Какой Сипіаровъ?—переспросилъ я съ удивленіемъ.

— C. P. R. Company,—объяснилъ Миша по-англійски.

Первыя три буквы означаютъ Canadian Pacific Railway (Канадская Тихоокеанская дорога) и произносятся по-англійски си пи аръ. Духоборы безцеремонно передѣлали эти безличныя буквы въ жаднаго компанейщика Сипіарова.

— А вы говорите по-англійски?—спросилъ я мимоходомъ.

— Понимаю! — скромно отвѣтилъ Миша — Я въ школѣ учился двѣ зимы, а кой-чему занялся отъ англійскихъ ребятъ.

Лица его товарищей покрылись улыбками.

— Ты говоришь по-англійски?—обращались они ко мнѣ наперерывъ.

— А ну, поговори-ка съ нимъ!

Мы заговорили по-англійски.

— И съ Мишенькой Козаковымъ!—поощряла публика.—Мишенька, ты чего!

— И ты, Вася,—поощряли духоборы другого юношу, по виду совсѣмъ подростка, еще моложе Миши.—Ты чего, Вася, валяй!..

Вася тоже вмѣшался въ разговоръ. Къ моему великому изумленію и даже стыду, эти духоборскіе ребятки, прожившіе въ Канадѣ неполныхъ четыре года, говорили по-англійски лучше меня. Они употребляли

болѣе правильные обороты, и въ особенности произношеніе ихъ было гораздо чище и ближе къ настоящему англійскому.

— Видишь, какъ вы говорите, — не удержался я, — гдѣ это вы набрались?

— Отчего же намъ не говорить! — просто возразилъ Миша. — Англійскіе же ребята говорятъ.

Онъ, видимо, даже не понималъ моего удивленія Но другой изъ его товарищей, высокій брюнетъ, съ лицомъ худощавымъ и смуглымъ, какъ у кавказца, понялъ.

— Правда,—сказалъ онъ,—есть изъ духоборскихъ ребятъ такіе, что имѣютъ умъ липкій. Охотятся учиться. Что увидятъ или услышатъ, перенимаютъ до разу.

— Мы что!—возразилъ Миша очень просто и скромно.—Мы всегда съ англиками имѣемъ случай. А вотъ по селеніямъ есть тоже шустрые ребятенки, ухъ азартные учиться. Зимой придемъ домой, какъ они начнутъ приставать, даже плачутъ иные. Учите насъ, чему сами знаете.

— Вотъ поѣдешь, увидишь самъ!—прибавилъ онъ въ заключеніе.

IV.

Веригинъ.

Домъ Казабовыхъ былъ маленькій деревянный, съ свѣтелкой наверху и цвѣтникомъ въ палисадникѣ у крылечка. Кругомъ были все такіе же небольшіе деревянные дома, и спокойный переулокъ очень напоминалъ русскій уѣздный городъ. Мы застали, впрочемъ, у крыльца цѣлую толпу народа. Это были духоборы, которые работали въ разныхъ мѣстахъ на другомъ концѣ города и для которыхъ лагерь подъ мостомъ лежалъ слишкомъ далеко. Всѣ они тоже собрались посмотрѣть на «Петюшку».

Когда мы приближались къ воротамъ, съ другой стороны подошелъ высокій статный человѣкъ, который опередилъ насъ на нѣсколько шаговъ и тотчасъ же поднялся вверхъ по лѣстницѣ. Сзади него шелъ молодой парень въ широкополой соломенной шляпѣ и съ узелкомъ въ рукѣ. Наружность его настолько выдавалась изъ толпы, что ошибиться было бы невозможно. Онъ былъ высокъ и крѣпокъ, какъ дубъ, и общимъ складомъ тѣла напоминалъ фигуру Петра Великаго, какъ его представляютъ на картинкахъ и статуяхъ. У него были большіе каріе глаза и красивыя, твердыя черты лица. Даже въ походкѣ его и въ осанкѣ головы сказывалась крупная, увѣренная въ себѣ и уравновѣшенная сила.

Почти вслѣдъ за ними я тоже поднялся наверхъ, но молодой человѣкъ, въ соломенной шляпѣ, встрѣтилъ меня въ кухнѣ и довольно сурово преградилъ мнѣ путь.

— Что тебѣ надо?—спросилъ онъ меня коротко.

Я скромно объяснилъ, что хочу видѣть Веригина.

— Нельзя, — рѣшительно возразилъ молодой человѣкъ.—Петръ Васильевичъ теперь спать будутъ. Они двѣ ночи не спали. Да къ тому же они нездоровы.

Молодой человѣкъ былъ Сеня Рыбинъ, присяжный переводчикъ, постоянный спутникъ и, я бы сказалъ, тѣлохранитель Веригина, если бы этотъ восемнадцатилѣтній мальчикъ не выглядѣлъ такимъ тщедушнымъ сравнительно съ огромнымъ вождемъ Духоборіи. Впрочемъ, Сеня Рыбинъ, видимо, относился серьезно къ своимъ обязанностямъ и грудью охранялъ спокойствіе Петра Васильевича. Въ оправданіе его надо сказать, что къ Веригину во все время его пребыванія въ Виннипегѣ постоянно приходили разные люди,—англичане, галичане и хохлы,—и отнимали у него послѣднія минуты отдыха.

Для собственнаго оправданія я объяснилъ Сенѣ, что пріѣхалъ изъ Петербурга и долженъ скоро уѣхать изъ Виннипега.

— Ну, посиди здѣсь, — сказалъ Сеня нѣсколько смягченнымъ голосомъ,—я спрошу Петюшку.

Я усѣлся на опрокинутомъ ушатѣ рядомъ со столомъ, на которомъ хозяйка чистила картофель.

Веригинъ не заставилъ меня долго ждать.

— Что же вы его тамъ держите? — раздался черезъ минуту изъ-за двери густой, бархатный голосъ.—Пускай онъ идетъ сюда.

Половина, занятая Веригинымъ, состояла изъ небольшой клѣтушки, болѣе похожей на табакерку, чѣмъ на комнату. Глубина ея была заставлена постелью, и единственный стулъ, стоявшій впереди, былъ совсѣмъ прижатъ къ двери для того, чтобы оставить мѣсто для прохода. Веригинъ сидѣлъ на кровати въ одномъ бѣльѣ, спустивъ на полъ ноги, обутыя въ туфли. Его крупная фигура казалась еще больше въ тѣсной и бѣдной рамкѣ, и лицо его показалось мнѣ теперь еще красивѣе, чѣмъ прежде. Особенно хороши были глаза, постоянно мѣнявшіе выраженіе,— то задумчивые, то ласково убѣдительные, часто насмѣшливо-остроумные, потомъ вдругъ заглядывавшіе прямо въ душу такимъ пытливымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

Смолоду Веригинъ, должно-быть, былъ замѣчательнымъ красавцемъ. Теперь виски его подернула сѣдина пятнадцати зимъ обдорской ссылки, вокругъ глазъ лучились сѣти морщинъ, наложенныхъ долгими размышленіями сибирскаго досуга. Ему было теперь сорокъ четыре года отъ роду, но въ Канадѣ онъ былъ совсѣмъ недавно, немногимъ больше полугода.

Веригинъ возвращался теперь съ запада, изъ города Реджайны, куда ѣздилъ покупать лошадей для общины. Ихъ должны были пригнать съ юга изъ Дакотской степи, но табунъ задержался въ дорогѣ. Духоборы вмѣстѣ съ англичанами попробовали отправиться навстрѣчу, но послѣ двухдневнаго путешествія по ненаселенной степи рѣшили вернуться обратно. Въ концѣ-концовъ, духоборскій вождь не выдержалъ и, оставивъ

на мѣстѣ одного изъ своихъ товарищей по комитету, укатилъ въ обратный путь.

— Стосковался я по дому, — простодушно признавался онъ, — по матушкѣ, по сродникамъ и всѣмъ братьямъ...

За эти полгода онъ, видно, не успѣлъ еще насытиться радостью встрѣчи со своимъ родомъ и племенемъ.

— Я ихъ порядкомъ и разсмотрѣть не успѣлъ,—жаловался онъ.— Все въ разъѣздахъ... А народъ совсѣмъ новый. Мелкіе ребятишки большіе стали, другіе наново народились. Такъ что приходятъ ко мнѣ дѣвчонки, цѣлуютъ меня: «Здравствуй, дядюшка». А я ихъ отъ роду не видѣлъ.

Онъ, видимо, былъ занятъ все время мыслью о близкихъ людяхъ.

— Эхъ, поскорѣй бы! — произносилъ онъ иногда даже вслухъ.— Доѣхать бы поскорѣе!..

Надо замѣтить, что Духоборія платила ему такою же любовью. На третій день послѣ нашей встрѣчи Веригинъ получилъ телеграмму изъ Реджайны и долженъ былъ отправиться за покупкой лошадей обратно. Возвращеніе его было отложено на двѣ недѣли. Когда въ теченіе этого времени я странствовалъ по духоборскимъ селеніямъ, жители признавались мнѣ почти въ такихъ же словахъ: «Стосковались мы по Петюшкѣ. Почто долго не ѣдетъ? Осиротѣли совсѣмъ!»

Я нѣсколько затрудняюсь, какъ описать наши разговоры съ Веригинымъ. Первый разговоръ длился восемь часовъ почти безъ всякаго перерыва.

Веригинъ началъ съ обвиненія противъ современной городской жизни.

— Большіе города исказили все лицо человѣчества, — говорилъ онъ.— Посмотрите на нихъ: въ нихъ все поддѣльно, отъ сгущеннаго молока для младенцевъ до фальшивыхъ зубовъ для старости. Даже воздухъ надъ городомъ отравленъ, вода въ рѣкѣ загрязнена. Работы городовъ почти совершенно безполезны. Пройдите мимо магазиновъ,—что въ нихъ выставлено? Ненужные наряды, роскошная мебель, зеркала. Для того, чтобы сотня семействъ имѣла эти ненужныя вещи, городъ обираетъ деревню и весь свѣтъ.

— А машины какъ?—возразилъ я вопросомъ.—Деревня получаетъ ихъ отъ города и не можетъ жить безъ нихъ.

Я, конечно, имѣлъ въ виду земледѣліе американскаго образца, съ которымъ Веригину теперь пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу, и которое работаетъ при помощи множества машинъ.

— Будто бы машины нельзя приготовлять въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ?—сказалъ Веригинъ. — Все это можно бы устроить иначе... Я думаю, люди могли бы легко перестроить свою жизнь. Они сами виноваты. На свѣтѣ такъ много свободнаго мѣста, зелени, воздуха. Если вамъ жить тѣсно, бросьте, отойдите отъ грѣха. Найдите себѣ гдѣ-нибудь пустой уголъ, да и устраивайтесь по-своему, а пуще всего раскопайте побольше земли...

— Вамъ хорошо говорить!—возразилъ я снова.—Конечно, земле-

дѣльцы могутъ уйти, да еще общиной. А куда пойдетъ городской портной или слесарь? Онъ и заступа взять не умѣетъ въ руки... Къ тому же онъ одинъ...

— Къ намъ пусть идутъ,—настаивалъ Веригинъ.—Мы въ деревнѣ найдемъ мѣсто для всѣхъ.

— Развѣ вы не знаете, что это неосуществимо?—возразилъ я.—Никуда они не пойдутъ, да и для всѣхъ не хватитъ мѣста... Лучше бы намъ сдѣлать такъ, чтобы каждому на его собственномъ мѣстѣ жилось немного получше.

— Мы этого тоже желаемъ,—живо сказалъ Веригинъ. — Особенно для тѣхъ, которые тяжело работаютъ... Знаете, когда наши пошли «слободный путь» отыскивать, они говорили еще и такъ: «Идемъ отыскивать слободу для всѣхъ братьевъ, особливо для тѣхъ, которые работаютъ въ рудникахъ и на желѣзныхъ фабрикахъ».

Онъ говорилъ о крестовомъ походѣ 1902 г., когда полторы тысячи духоборовъ вслѣдствіе споровъ съ канадскимъ правительствомъ изъ-за земельной общины двинулись всей толпой отыскивать свободный путь и вести «проповѣдь».

Незамѣтно для насъ самихъ разговоръ на минуту коснулся Россіи.

— Русскій народъ — великій народъ, — говорилъ Веригинъ. — Изъ этой дали его можно лучше оцѣнить. Какой размахъ и какой просторъ! Къ тому же прямой народъ, простодушный. Живетъ въ бѣдности, а тоскуетъ о правдѣ... Вѣрите ли,—прибавилъ онъ, — посмотришь когда кругомъ на это богатство, да и подумаешь: лучше бы мы остались среди тамошней бѣдноты. Тамъ наше мѣсто. Этакъ бы всѣ убѣжали...

Послѣ этого разговоръ перешелъ къ текущимъ дѣламъ. Веригинъ говорилъ почти одинъ, а я больше слушалъ и старался ограничиваться только самыми необходимыми словами. Молодые духоборы смирно сидѣли по угламъ и глядѣли оратору въ ротъ.

Веригинъ пріѣхалъ въ Канаду въ самое трудное время, вскорѣ послѣ того, какъ «искатели свободы» были возвращены силой на ихъ старыя мѣста. Все населеніе Духоборіи раздѣлилось на двѣ партіи, одна изъ которыхъ оставалась дома, а другая разрушила свое хозяйство, отпустила скотъ на волю и сама отправилась «отыскивать слободу». Обѣ партіи взаимно упрекали другъ-друга. Хозяйственные люди стремились къ «благоустройству жизни», а наиболѣе крайніе изъ искателей въ своемъ отрицаніи тѣлесныхъ удобствъ дошли даже до отмѣны физическаго труда и одежды. Сосѣди смотрѣли недружелюбно на этихъ странныхъ людей, которые не хотѣли сидѣть смирно на мѣстѣ и причинили всему околотку столько безпокойства.

— Дуки [1]) — какъ бараны, — сказалъ мнѣ потомъ цирюльникъ въ г. Іорктонѣ,—Ихъ безъ кнута не загонишь въ загородку.

Газеты печатали о духоборахъ всевозможныя небылицы, которыя потомъ распространялись по всему свѣту. Черезъ три мѣсяца послѣ

---

[1]) Дуки—англійское сокращенное слово Духоборы.

пріѣзда Веригина, благодаря его уму и огромному вліянію, обѣ духоборскія партіи примирились и соединились въ одну большую общину. Села, сохранившія свой скотъ, послали часть его искателямъ «слободнаго пути». Вся Духоборія наполнилась новою жизнью и закипѣла, какъ пчелиный улей, въ который вернулась матка.

Весною въ селеніи Отрадномъ была созвана «съѣздка уполномоченныхъ» отъ всѣхъ селеній. Съѣздка установила новое устройство и выбрала распорядительный комитетъ Для обсужденія дальнѣйшихъ дѣлъ съѣздки уполномоченныхъ будутъ собираться дважды въ годъ—весною и осенью.

Еще поразительнѣе были успѣхи, достигнутые Веригинымъ въ отношеніяхъ съ канадскимъ правительствомъ.

Столичные чиновники изъ главнаго города Оттавы какъ будто только и ожидали его пріѣзда, чтобы сдать ему на руки попеченіе объ этихъ непонятныхъ пришельцахъ, все время толковавшихъ о «слободѣ» и о «душѣ». Прежде всего ему поставили въ заслугу, что онъ немедленно сбрилъ бороду и надѣлъ короткій пиджакъ англійскаго покроя и шляпу котелкомъ.

Веригинъ говорилъ мнѣ по этому поводу:

— Вся наша община рѣшила принять платье англійскаго покроя. Съ будущаго года начнемъ шить мужчинамъ пиджаки, а женщинамъ юбки и кофточки, какъ у сосѣднихъ фермеровъ. А для праздника выпишемъ вагонъ готовой одежды. Мы рѣшили, чтобы по внѣшности и по разнымъ пустякамъ не отличаться отъ другого населенія.

Даже Земельное Управленіе спохватилось, что зашло слишкомъ далеко, и предложило покончить спорный вопросъ о землѣ полюбовнымъ соглашеніемъ. Прежнее требованіе, чтобы каждый домохозяинъ принялъ самъ на себя отдѣльный участокъ, было отмѣнено. Вмѣсто того духоборскій комитетъ представилъ въ Управленіе поименный списокъ всѣхъ взрослыхъ духоборовъ и получилъ соотвѣтственное количество участковъ въ общей межѣ и на имя всей общины. Между прочимъ, это сберегло расходъ въ нѣсколько тысячъ долларовъ, неизбѣжный при отдѣльной записи каждаго участка.

Однимъ словомъ, Веригинъ сдѣлался уважаемымъ лицомъ въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Оттавѣ. Чиновники даже говорили мнѣ, когда я проѣзжалъ черезъ Оттаву: «Имѣйте въ виду, что Веригинъ—духоборскій пророкъ, и что онъ хочетъ вести свой народъ къ правильному благоустройству. Правительство не хочетъ, чтобъ ктонибудь мѣшалъ Веригину».

Мнѣ приходилось оправдываться и увѣрять ихъ, что я не имѣю намѣренія основывать среди духоборовъ свою собственную секту.

Веригинъ много разсказывалъ объ новомъ устройствѣ общины.

— Затѣй у насъ много, а денегъ нѣтъ.— говорилъ Веригинъ.— Вонъ выписали машинъ изъ Чикаго почти на 40 тысячъ. Положимъ, въ цѣнахъ большое сбереженіе, процентовъ на 30. Въ Іорктонѣ косилка стоитъ 165 долларовъ, а какъ по выпискѣ—120.

— А каково работаютъ ваши машинами?

— А чего ею работать?—усмѣхнулся Веригинъ.—Она сама работаетъ. Хлѣбная жнея даже снопы вяжетъ и выкидываетъ... Вотъ сестры жалуются: говорятъ, машины работу отбили,—прибавилъ онъ шутливо.—Кромѣ шутокъ, я получилъ сегодня письмо отъ своихъ. «Просятъ,—говорятъ,—сестрицы наши, купи, молъ, намъ хоть съ тысячу серповъ. Пожали бы мы хлѣбушекъ». А гдѣ я имъ возьму серповъ?—докончилъ онъ.—Во всемъ Виннипегѣ ста серповъ не сыщешь. Не держатъ англичане... Вотъ мы купили четыре локомобиля паровыхъ, — продолжалъ Веригинъ,—да четыре большія молотилки съ автоматическою нагрузкой мѣшковъ... Теперь ставимъ четыре паровыхъ мельницы съ этими локомобилями, а на молотьбу будемъ ихъ развозить по гумнамъ, а зимой, пожалуй-что, станемъ ихъ приспосабливать для лѣсопильни... Опять же хотимъ развести собственный лошадиный табунъ. Отъ прошлогодняго похода у насъ очень скотъ убавился, а потомъ пришлось дѣлить его на части, и тутъ мы отдѣлили немного на общину, сдѣлали начинъ. Пожалуй, сотенка будетъ безъ малаго. Теперь, если удастся купить лошадей по мыслямъ нашимъ, еще сотню отдѣлимъ,—пускай бѣгаютъ, да плодятся. Восточная часть нашей земли—сплошной лугъ, и даже жить тамъ пока некому, кромѣ лошадей. Потомъ заведемъ еще овецъ кошару,—пускай плодится около насъ живность. Здѣсь земля самая пригодная для того, чтобы скотъ водить. Отъ овецъ станемъ шерсть брать. А то пришлось недавно вагонъ шерсти выписать. Сестрицы у насъ очень мастерицы ткать; пожалуй, мы поставимъ фабрику небольшую.

Онъ объяснилъ мнѣ, что «сестрицы» прядутъ шерсть на самопрялкахъ и вяжутъ чулки, варежки и шарфы, а также ткутъ сукно на станкахъ собственнаго издѣлія. Квакеры прислали имъ въ подарокъ сотню самопрялокъ изъ пенсильванскихъ деревень, но сестрицы находятъ, что русская прялица сподручнѣе.

— Опытное поле хотимъ устроить, — разсказывалъ Веригинъ, — и огородъ,—пробовать, не подойдутъ ли какіе новые овощи подъ здѣшній климатъ. На Громовой горѣ попробуемъ развести садъ, фрукты... Славная такая гора на нашемъ участкѣ есть, вся обросла лѣсомъ, ягодникомъ, такъ вотъ на южномъ склонѣ хотимъ дѣлать опытъ. Быть можетъ, какія-нибудь раннія скороспѣлки преодолѣютъ и канадскій холодъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, насколько партія «проповѣдниковъ» отказалась отъ своего стремленія «снять ярмо со скота и дать вздохъ всей живущей твари».

Веригинъ покачалъ головой.

— Духоборы—упрямые мужики,—сказалъ онъ.—Они ни отъ чего не отказываюся. Я вотъ недавно говорилъ съ Николаемъ Зибаровымъ. «Нужно,—говоритъ,—на будущій годъ купить паровые плуги».

— А косилки и жнеи какъ?—возразилъ я.—Они, кажется, не приспособлены къ работѣ паромъ.

— Я ему тоже указывалъ,—сказалъ Веригинъ.—А онъ говоритъ: «Не приспособлены, такъ мы приспособимъ. Тоже ихъ люди выдумывали!.. Налогъ, — говоритъ, — дорожный не будемъ платить, изладимъ свои дороги, какъ мы сами знаемъ. Потомъ заведемъ автомобили [1]) и лошадей окончательно по-боку».

— Неужели это возможно у васъ?—спросилъ я.

— Кто знаетъ?—задумчиво сказалъ Веригинъ.—Пускай они дѣлаютъ опытъ... Если удастся имъ, мы, пожалуй, и всѣ за ними послѣдуемъ... А пока-что, хозяйственные-то мужики говорятъ совсѣмъ иначе,—продолжалъ Веригинъ, — съ Планидинымъ Павломъ. «Скотъ, — говорятъ они,—помощникъ человѣку, все равно товарищъ въ работѣ. Только надо миловать его, а не тиранить».

Николай Зибаровъ и Павелъ Планидинъ были наиболѣе выдающіеся люди обѣихъ духоборскихъ партій. Оба они попали въ комитетъ вмѣстѣ съ Веригинымъ. Впрочемъ, самъ Веригинъ старался держаться внѣ этихъ разногласіи.

— Потому и послали насъ лошадей покупать,—продолжалъ Веригинъ.—Павлуша-то Планидинъ и теперь въ Реджайнѣ остался. Хотимъ купить штукъ 400 опять тысячъ на 40. Такъ, чтобы когда подѣлимъ, въ каждомъ селеніи было по десяти паръ. Они говорятъ: мы тогда для лошадей двѣ смѣны заведемъ въ страдную пору,—до обѣда и послѣ обѣда. Работа лошадиная—тяжелая. Пускай не работаютъ больше пяти часовъ...

Эта была попытка установить нормальный рабочій день не для людей, а для лошадей.

— Всѣ товары мы выписываемъ оптомъ,—продолжалъ Веригинъ прерванную нить разсказа,—кои изъ Виннипега, кои дальше съ востока... Тоже большое сбереженіе въ цѣнахъ... Наши купцы іорктонскіе стали ужъ нарекать на насъ. «Мы, - говорятъ,—думали, что съ пріѣздомъ Веригина духоборскія дѣла устроятся, и будетъ польза для всего края. «Для чего же,—говорятъ,—наше правительство и пустило ихъ въ страну, какъ не для роста торговыхъ дѣлъ, а выходитъ совсѣмъ иначе»... Есть у насъ въ Іорктонѣ лавочникъ одинъ, мистеръ Мередитъ,—продолжалъ Веригинъ съ улыбкой.—Такъ онъ прямо приставать сталъ ко мнѣ: «Какъ же,—говоритъ,—господинъ Веригинъ! Я,—говоритъ,—выписалъ 300 кожаныхъ половинокъ, думалъ, что духоборы разберутъ ихъ, а теперь съ вашей выпиской онѣ должны остаться у меня на рукахъ»... Дѣйствительно, сапожники наши раньше у него брали кожи... Я и говорю Сенѣ: «Переведи ты ему, что, по-моему, этакъ вправду худо, но это дѣло можно легко устроить».—Какъ, какъ?—говоритъ и даже изъ лица раскраснѣлся.—Говорийте прямо по-русску, мой понимай!».. Уже онъ научился отъ духоборовъ... «Очень просто,—говорю.—Развѣ же духоборы такіе плохіе сосѣди, что стали бы обходить вашу лавку? Да и къ чему бы имъ безпокоиться выписывать изъ Виннипега, если то-

[1]) Автомобиль—самодѣйствующій экипажъ, движущійся безъ лошадей.

варъ ужъ тутъ, подъ бокомъ». А онъ только такаетъ въ отвѣтъ.— Такъ, такъ!..

— Только надо,—говорю,—объ цѣнѣ сговориться, чтобы никому не было обидно. Вы,—говорю,—сочтите расходъ и съ перевозкой, да еще накиньте хоть пять процентовъ за свой трудъ и хлопоты. Духоборы не такіе люди, чтобы резоновъ не понимать. Я увѣренъ, что они сейчасъ же возьмутъ весь вашъ товаръ... Конечно, онъ такъ и сдѣлалъ. А только ушелъ онъ отъ меня, такъ лицо такое красное, будто былъ въ банѣ. «Теперь,—говоритъ,—не стану больше выписывать товаръ на духоборскую руку».

Широкая улыбка Веригина отразилась на лицахъ сидѣвшихъ передъ нимъ слушателей.

— А мы еще хуже хотимъ сдѣлать,—сказалъ онъ.—Хотимъ въ селѣ Отрадномъ оптовый складъ завести. И выписывать товаръ не то что на духоборскую руку, а вообще для окольныхъ жителей. Англикъ придетъ или галиціанецъ, мы не будемъ отказывать. Это не по-сосѣдски, а, конечно, отдавать будемъ по своей цѣнѣ, чего стоитъ самимъ. Только, пожалуй, лавочники наши на насъ прошеніе подадутъ тогда. Скажутъ, что мы у нихъ покупателей отбиваемъ.

Много разсказывалъ мнѣ Веригинъ о духоборскихъ спорахъ съ правительствомъ по поводу школъ. Въ Восточной Канадѣ введено всеобщее обязательное обученіе на счетъ казны. Западная Канада еще не считается устроенной страной, и вообще школьное обученіе тамъ еще не стало обязательнымъ. Правительство, однако, всячески содѣйствуетъ общинамъ и даже самымъ мелкимъ поселкамъ въ заведеніи собственныхъ школъ и, между прочимъ, оказываетъ имъ денежную помощь въ размѣрѣ двухъ третей необходимыхъ издержекъ. Но гдѣ школа уже устроена, жители обязаны содержать ее и посылать туда своихъ дѣтей. Англійскіе и нѣмецкіе фермеры тотчасъ же заводятъ первоначальныя школы для своихъ дѣтей. Духоборы съ перваго года пріѣзда также завели по всѣмъ селамъ маленькія школы грамоты, гдѣ мальчики и дѣвочки обучались чтенію и пѣнію духоборскихъ псалмовъ.

Они думали также о томъ, чтобы устроить настоящія школы, русскія и англійскія, съ платными учителями и подъ контролемъ общины, но пока у нихъ не хватало средствъ.

Правительство было готово оказать имъ помощь, но вопросъ о направленіи школъ съ самаго начала привелъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ. А когда я говорилъ по этому поводу въ Іорктонѣ съ моими духоборскими знакомцами и доказывалъ, что въ спорѣ съ правительствомъ изъ-за устройства школъ они наносятъ ущербъ собственнымъ дѣтямъ, одинъ изъ нихъ вмѣсто отвѣта показалъ мнѣ пукъ канадскихъ школьныхъ тетрадокъ. Онѣ были въ цвѣтныхъ обложкахъ. На оборотѣ у каждой красовались изображенія двухъ генераловъ во всѣхъ регаліяхъ и съ мечемъ въ рукѣ. Одинъ генералъ обязательно былъ англійской крови, а другой—французской, чтобы ни одному изъ двухъ главныхъ племенъ Канады не было обидно. Краткое описаніе внизу, сама-

го свирѣпаго патріотическаго содержанія, разсказывало, какъ храбро каждый генералъ сражался за канадское отечество, и какое множество враговъ онъ успѣлъ истребить. Врагами являлись преимущественно тоже американцы, жители Соединенныхъ Штатовъ, а также къ югу отъ Канады африканскіе буры и даже русскіе по Крымской войнѣ, въ которой добровольцы изъ Канады принимали участіе въ рядахъ англичанъ.

— Наука—дѣло хорошее,—сказалъ духоборъ,—а это зачѣмъ же? Да еще ребятишекъ обучать... И если намъ учиться про генеральскія

Духоборскіе школьники.

храбрости, такъ этого добра и въ Россіи много. Не стоило для этого черезъ океанъ переплывать...

Веригинъ разсказывалъ мнѣ очень интересный случай, связанный съ школьнымъ вопросомъ. На окраинѣ духоборскаго округа, на озерѣ Добраго Духа, два селенія расположились черезполосно съ англійскими фермерами въ одной и той же общинѣ. Англичанъ, впрочемъ, было только два семейства. Главнымъ жителемъ былъ нѣкій Смитъ, скотоводъ, владѣлецъ большихъ стадъ, которыя вольно паслись на окружаю-

щей степи. Скотоводы не любятъ землевладѣльцевъ, ибо съ наплывомъ новыхъ переселенцевъ стада должны отступать вглубь страны на еще незанятую землю. Понятно поэтому, что англійскій скотоводъ не могъ смотрѣть дружелюбными глазами на новообразовавшіяся села. Чтобы выжить духоборовъ, онъ попробовалъ пустить въ ходъ казенную школу. Такъ какъ казенное пособіе дается въ Западной Канадѣ только на пять дѣтей школьнаго возраста, то Смитъ помогъ переселиться въ общину еще одному англійскому семейству. Тогда правительство выдало имъ 900 долларовъ на устройство школы. Смитъ построилъ небольшой домъ возлѣ своей усадьбы, пригласилъ учителя и былъ избранъ въ совѣтѣ трехъ жителей попечителемъ новой школы. Черезъ годъ, по канадскому закону, Смитъ обратился къ духоборамъ, какъ къ жителямъ той же общины, съ требованіемъ посылать своихъ дѣтей для обученія, а, главное, принять участіе въ необходимыхъ издержкахъ. Духоборы, разумѣется, отказались наотрѣзъ отъ того и отъ другого. Тогда Смитъ захватилъ пару духоборскихъ лошадей, одна изъ которыхъ очень скоро была продана съ аукціоннаго торга въ пользу школы. Духоборія заволновалась. Но Веригинъ предложилъ Смиту, прежде чѣмъ доводить дѣло до офиціальной жалобы, сдѣлать попытку полюбовнаго соглашенія.

— Собрались мы,—разсказывалъ Веригинъ,—у школьной же избы. Духоборовъ больше половины пришло изъ обоихъ селеній; Смитъ, конечно, тутъ же съ батракомъ и два другихъ англичанина. Я сперва и сказалъ: «Я, молъ, говорю, здѣсь чужой, даже и въ околицѣ здѣшней не живу. Конечно, я могу высказать мое мнѣніе, но почемъ я знаю, можетъ, вы и слушать меня не захотите». А они говорятъ: «Какъ же, какъ же, говорите. Мы знаемъ, что вы—благоразумный человѣкъ, мы сдаемся на ваше мнѣніе». Я опять и говорю: «По-моему, чѣмъ господину Смиту судиться съ духоборами, такъ лучше бы присоединить ихъ къ школьному совѣту, да чтобы они тоже дали за него голоса. Недалеко ваша школа уйдетъ на арестованныхъ лошадяхъ». А Смитъ и подхватилъ: «Какъ же,—говоритъ,—это всего лучше. Я бы согласенъ былъ даже въ общину вступить и жить съ духоборами, какъ съ братьями. Ихній скотъ пусть ходитъ по моей землѣ, а мой по ихней». «Нѣтъ,— говорю, — это будетъ господину Смиту обидно. Потому у духоборовъ земли большія, такъ если его скотъ пройдетъ по нимъ, это не будетъ замѣтно, а если весь духоборскій скотъ согнать, говорю, съ обѣихъ деревень на ферму господина Смита, на ней, пожалуй, ни листа не останется».

Вижу, разсердился Смитъ. Говоритъ: «Давайте собирать школьный совѣтъ!»

— А какъ, — говорю, — по закону, могутъ ли они избрать другого попечителя, ежели захотятъ?

— Ну нѣтъ,—говоритъ, — я, говоритъ, на три года утвержденъ, вамъ меня не своротить. Скорѣе солнце поворотится на востокъ, чѣмъ я отъ школы уйду. Я, говоритъ, на своемъ мѣстѣ крѣпокъ, какъ царь.

Это къ нашему русскому понятію примѣняется, да,—говоритъ.

— А я говорю Сенѣ Рыбину: «Запиши ты эти слова въ протоколъ. У насъ память плохая, можетъ, мы что забудемъ...» Вотъ и пришли домой и стали писать прошеніе въ городъ Оттаву министру просвѣщенія, что духоборскихъ дѣтей—близко сотни, а англійскихъ—пятеро, а школа возлѣ Смитова дома; зимою духоборскимъ ребятишкамъ надо за три версты ходить по снѣгу, такъ школьный совѣтъ хочетъ перенести школу въ село, и, между прочимъ, не хотятъ Смита въ попечителяхъ, хотятъ другого, а онъ говоритъ, что ему смѣны нѣтъ и что онъ наравнѣ съ солнцемъ, а мы знаемъ, что Канада—земля вольная, и всѣ жители между собою наравнѣ.

— Вчера пришло рѣшеніе изъ Оттавы, — закончилъ Веригинъ. — Смитъ—въ отставку, и школа переносится въ духоборское село. Теперь мы съ него будемъ недоимки требовать,—прибавилъ онъ смѣясь.

— Мы этого Смита еще проучимъ,—продолжалъ Веригинъ. Онъ отъ казны девятьсотъ долларовъ получилъ, а истратилъ на постройку не больше четверти. Поѣдетъ въ городъ, будто за бревнами, а самъ положитъ весь товаръ для своей лавки,—лавченку онъ держитъ, галиціане у него покупаютъ,—а каждую подводу выводилъ въ десять долларовъ. У насъ всѣ документы есть, мы его выведемъ на чистую воду...

Веригинъ вообще не стѣснялся съ англичанами.

— Я говорилъ тутъ англикамъ, — разсказывалъ онъ мнѣ,—вотъ газеты ваши все пишутъ о духоборахъ,— то неладно, другое нехорошо; однако, и у васъ самихъ не все же какъ слѣдуетъ быть. Что если бы и мы основали маленькій листокъ и стали указывать вамъ? Быть-можетъ, намъ виднѣе со стороны!..

Я встрѣтилъ Веригина на другой день въ переселенческомъ управленіи. Это было двухэтажное зданіе, наполненное непрерывной и даже ожесточенной дѣятельностью. Писцы торопливо бѣгали взадъ и впередъ съ бумагами въ рукахъ и перомъ за ухомъ. Каждыя пять минутъ являлись новыя группы переселенцевъ записываться на землю. Управленіе должно было выдать имъ подробную карту избираемой мѣстности и дать безплатно проводника, который помогъ бы имъ разобраться между участками. Восемь почтъ ежедневно приносили со всѣхъ концовъ страны образцы различныхъ произведеній мѣстной почвы, пробы урожаевъ хлѣба, льна, шерсти, которыя потомъ развѣшивались по стѣнамъ, какъ наглядныя свидѣтельства. Постоянно приходили изыскатели, предлагавшіе правительству разыскивать уголь, желѣзную руду и даже нефть въ разныхъ углахъ еще незанятыхъ земель.

Веригинъ пришелъ сюда вмѣстѣ съ неизмѣннымъ Сеней Рыбинымъ и прямо прошелъ въ кабинетъ главнаго агента. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ ихъ дѣлового разговора, и я подивился быстротѣ, съ которой Веригинъ схватывалъ сущность дѣла, несмотря на невозможность лично разговаривать съ агентомъ и читать дѣловыя бумаги. Впрочемъ, онъ, видимо, уже многое понималъ въ англійской рѣчи, хотя говорить еще не рѣшался.

Дѣлъ было много и разнообразнаго характера. Министерство внутреннихъ дѣлъ изъ города Оттавы требовало списки подростковъ для нарѣзки добавочныхъ участковъ изъ земель, оставленныхъ въ резервѣ. Земли эти теперь составляли предметъ алчности всѣхъ новыхъ переселенцевъ, прiѣзжавшихъ въ страну, и духоборы были заинтересованы въ томъ, чтобы захватить свою долю для обезпеченiя подростающихъ дѣтей.

— А какъ насчетъ корешковъ?—спросилъ агентъ.

Фермеры собираютъ въ Западной Канадѣ лѣкарственный корень сенеги, дико растущiй въ степи, и продаютъ его въ аптеки по 25—30 центовъ за фунтъ. Духоборская община составила партiю сенеги въ 20,000 фунтовъ и искала для нея оптоваго скупщика въ Виннипегѣ.

— Передайте ему,—продолжалъ агентъ, снова обращаясь къ Рыбину,— что я спрашивалъ для васъ между городскими москательными торговцами. Одинъ изъ нихъ готовъ принять всю партiю по сорокъ пять центовъ, только чтобы корень былъ сухой.

— А ты поблагодари его,—въ свою очередь сказалъ Веригинъ,— и скажи, что мы съ запада получили предложенiе, и что намъ даютъ пятьдесятъ пять центовъ.

Сеня, къ удивленiю, замялся.

— Какъ сказать ему?— обратился онъ ко мнѣ, какъ бы ища совѣта.

— Скажи глухо, что у васъ есть покупатель,—предложилъ я.

— Не надо!—подтвердилъ Веригинъ,—скажи такъ, какъ я сказалъ.

— Вамъ лучше знать!—возразилъ агентъ съ оттѣнкомъ легкаго неудовольствiя.

— Намъ надо десять фунтовъ сулемы, - сказалъ опять Веригинъ,— скажи ему, пусть дастъ записку въ складъ.

— Зачѣмъ сулема?—мимоходомъ спросилъ агентъ, собираясь писать ручательство на отпускъ.

— Скажи ему, — возразилъ Веригинъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ,—что какiе у насъ есть старенькiе старички и старушки, мы собираемся ихъ сулемою на тотъ свѣтъ спроваживать.

Агентъ шумно разсмѣялся. Мрачная шутка Веригина была совершенно въ американскомъ вкусѣ. Черезъ минуту, когда Веригинъ приготовился уходить, онъ вѣжливо проводилъ его къ выходу, и самъ открылъ передъ нимъ дверь.

— Пророкъ—пророкомъ,—сказалъ онъ мнѣ довольно откровенно,— а никто его не надуетъ даже на грошъ! Послушали бы вы, какъ онъ съ купцами торгуется. Съ нимъ ни одинъ американецъ не совладаетъ.

Я пришелъ въ домъ Казабовыхъ поздно вечеромъ. Онъ былъ совершенно наполненъ духоборами. Веригинъ долженъ былъ вслѣдствiе телеграммы уѣхать на утро обратно въ Виннипегъ, и они пришли провожать своего вождя.

Теперь каждый изъ нихъ принесъ свой заработокъ и, вынимая изъ кармана пачку кредитныхъ бумажекъ, складывалъ ее на уголъ кухоннаго

стола. Это была простая, но поразительная сцена. Въ нѣсколько минутъ на столѣ собралась сумма въ нѣсколько тысячъ долларовъ.

— Вотъ вамъ на лошадей, Петюшка,—сказалъ одинъ изъ рабочихъ.—Поѣзжайте съ Господомъ.

Лица всѣхъ присутствующихъ свѣтились тихой и праздничной радостью. Я видѣлъ такія лица въ церкви передъ причастіемъ. Эти молодые рабочіе отдавали плоды многомѣсячнаго труда, и въ эту минуту ихъ благородное безкорыстіе на пользу общины поднимало ихъ надъ жизненной прозой и очищало ихъ души отъ мелкихъ будничныхъ грѣховъ.

Рѣчи Веригина продолжали изливаться тѣмъ же нескончаемымъ потокомъ. Теперь онъ говорилъ о сибирскихъ снѣгахъ и пустыняхъ и о людяхъ, которые живутъ тамъ на дальнемъ сѣверѣ, и которыхъ онъ видѣлъ во время своей ссылки.

— Холодно тамъ, трудно жить,—разсказывалъ онъ.—И людей тѣхъ Богъ забылъ, да и они Бога забыли. Только и заботы у нихъ—обмануть другъ друга. Одни только есть честные люди въ томъ краю: остяки на тундрѣ, по-русски—дикари. Всѣ ихъ обманываютъ, а они—никого. Ѣдешь бывало, озябнешь, жизни не радъ, даже шуба не грѣетъ, мятель, вьюга, того гляди, замететъ совсѣмъ. Наѣдешь на остяцкую палатку. Такъ онъ готовъ съ тобой послѣднимъ подѣлиться. Самъ не съѣстъ, а гостю отдастъ... Оттого и говорятъ про него: онъ дикарь,—умные люди такъ не дѣлаютъ.

Было уже очень поздно. Веригинъ предложилъ, чтобы я остался съ нимъ до утра и проводилъ его на поѣздъ, но я чувствовалъ усталость и предпочелъ уйти домой. Веригинъ пошелъ провожать меня до воротъ, но на дворѣ стояла такая тихая и теплая ночь, что незамѣтно для себя онъ вышелъ изъ калитки и дошелъ со мною до угла. Кончилось тѣмъ, что мы стали ходить взадъ и впередъ по главной улицѣ, продолжая свой разговоръ.

— Пойдемте по срединѣ дороги,—предложилъ Веригинъ,—на тротуарѣ слишкомъ твердо. Я и днемъ хожу по срединѣ улицы,—прибавилъ онъ.

— А если лошадь наѣдетъ?

— Если небольшая лошадь, то ее можно и оттолкнуть!—отвѣтилъ онъ съ высоты своихъ двухъ аршинъ четырнадцати вершковъ.

Вѣрный Сеня Рыбинъ неотступно слѣдовалъ сзади. Онъ не считалъ себя вправѣ оставить ввѣренное его попеченію «лицо» даже на одну минуту.

Я заговорилъ о будущемъ духоборской общины.

— Неизвѣстно!—сказалъ Веригинъ.—Можетъ, мы и не останемся здѣсь. Здѣсь все-таки холодно для насъ. Фрукты не растутъ. Насъ же и теперь въ Аргентину приглашали. Тамъ теплѣе. Поживемъ, оправимся, накопимъ денегъ, чтобы было, чѣмъ орудовать. Потомъ продадимъ землю и все, и переѣдемъ въ Австралію, что ли... Тамъ тоже тепло, хорошо.

— Я говорю объ вашемъ общинномъ устройствѣ,—объяснилъ я,

— Опять-таки неизвѣстно,—сказалъ задумчиво Веригинъ.—Мы дѣлаемъ только пробу, можно ли людямъ жить другъ съ другомъ на братскомъ положеніи...

— Знаете ли, Петръ Васильевичъ,—сказалъ я,—исторія сложила это дѣло въ ваши руки и на ваши плечи. Отъ васъ будетъ зависѣть, какъ развернется и окончится эта проба...

— Я—песчинка!—живо возразилъ Веригинъ.—Даже вся наша община—только капля въ морѣ. Но я вѣрю, что черезъ тысячу лѣтъ человѣчество будетъ жить по такому плану, и небо надъ землею будетъ яснѣе.

Мы оба замолчали и подняли головы и посмотрѣли на ночное небо, которое въ свою очередь глядѣло на насъ своими безчисленными звѣздными очами.

Что увидятъ эти звѣзды на землѣ черезъ тысячу лѣтъ?

V.

Отъѣздъ.

Дорога изъ Виннипега къ духоборамъ лежитъ черезъ городъ Іорктонъ, по желѣзнодорожной вѣткѣ. Мы выѣхали на другой день, рано утромъ.

Недавно отстроенная желѣзнодорожная вѣтка еще имѣла довольно растрепанный видъ. Вагоны были сборные, нѣкоторые изъ нихъ съ изломанными скамейками. Публика больше не сдавала багажа и вваливалась въ вагоны вмѣстѣ съ чемоданами и мѣшками. Всѣ проходы были завалены вещами. Обстановка поѣзда и даже лица пассажировъ странно напоминали Западную Сибирь. Вмѣстѣ съ нами до Іорктона поѣхала Христина Ильпинская, баптистка изъ Виннипега, имя которой было упоминаемо выше. Братья ея заняли участки именно въ Іорктонскомъ округѣ, и она была рада сдѣлать новую «путину» въ обществѣ знакомыхъ людей. Христина принесла съ собою сундукъ и огромный узелъ, и мнѣ пришлось таскаться съ ними на пересадкахъ. Христина, впрочемъ, относилась весьма ревниво къ своему багажу. На станціи Минедоза поѣздъ остановился на полчаса, чтобы дать пассажирамъ возможность пообѣдать. Всѣ пассажиры вышли вонъ и разсыпались по окрестнымъ трактирамъ, только полтавская «фармистка» осталась твердо сидѣть на своемъ сундукѣ изъ опасенія, чтобы его не украли. Она напоминала мнѣ старинный анекдотъ о хохлѣ, который продавалъ цыгану масло изъ плотно завязанной кадки, служившей ему сидѣньемъ.

Черезъ полчаса мы покатили дальше. За окномъ тянулась пшеница, пшеница, пшеница. Только телеграфные столбы мелькали у рельсовъ. Иные изъ нихъ степная буря выдернула съ корнемъ вонъ, какъ больные зубы, и бросила на землю. Ихъ синія стеклянныя чашечки одиноко висѣли на проволокахъ, оттягивая ихъ внизъ до самой земли.

Христина Ильпинская, впрочемъ, не обращала вниманія на эти подробности. Глаза ея не отрывались отъ полевого простора.

— У, земля! — повторяла она въ экстазѣ. — Чернина! Этую землю зубами бы грызла. Она мягкая, какъ сало.

Это была чисто стихійная, не разсуждающая жадность.

Въ избыткѣ радости Христина стала уговаривать меня отправиться къ ея братьямъ, за 50 верстъ въ сторону отъ Іорктона, и посмотрѣть на ихъ житье.

— Можетъ, и самъ возьмешь участокъ—соблазняла она меня.—Будетъ тебѣ по свѣту шататься, чужой хлѣбъ ѣсть. По крайней мѣрѣ, имѣлъ бы свой уголъ подъ старость.

На станціяхъ повсюду слышалась славянская рѣчь, и встрѣчались группы русиновъ, поляковъ, хохловъ, духоборовъ. Они занимались по линіи земляными и каменными работами, постройкой домовъ, плотничествомъ. По временамъ мнѣ казалось, что мы въ Австріи и подъѣзжаемъ къ русской границѣ, къ Волочиску или Бродамъ.

На станціи Сентри, уже недалеко отъ Іорктона, двое каменщиковъ-духоборовъ, стоявшихъ на платформѣ, заглянули въ окно вагона и оба разомъ воскликнули «Митя! Зыбинъ! Домой ѣдешь»?

Поѣздъ тронулся такъ быстро, что молодой человѣкъ, сидѣвшій на скамейкѣ въ углу, къ кому относилось привѣтствіе, едва успѣлъ отвѣтить своимъ знакомымъ. Онъ былъ одѣтъ очень чисто въ платье изъ рубчатаго плиса, и голова его была покрыта сѣрою пуховою шляпой, но теперь мнѣ было странно, что я не призналъ раньше этого круглаго чисто русскаго лица со вздернутымъ носомъ и простодушными сѣрыми глазами.

Митя Зыбинъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ искателей свободнаго пути. Онъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ. У него не было ни усовъ, ни бороды, и ему не могло быть больше 24-хъ лѣтъ. Онъ держался застѣнчиво, но былъ очень пріятенъ въ обращеніи.

— Отъ думы это пошло все,—разсказывалъ онъ мнѣ.—Стали мы думать сперва, что не обижай людей, живи по правдѣ. Потомъ, значитъ, и тварь—она тоже живая, ей больно, ее тоже надо принуждать или обижать. Хотя бы и самая маленькая, муха или тамъ комаръ, ихъ тоже грѣхъ убивать.

— Ото!—сказала съ удивленіемъ Христина, внимательно прислушивавшаяся къ его рѣчи.—Что тамъ за грѣхъ? Комари—оно гадъ, нечисть.

— А ты почемъ знаешь?—живо возразилъ Митя.—Кто тебя нанялъ судить живую тварь? Комару вѣдь тоже больно, даромъ онъ маленькій. Ну-ка, у тебя бы ногу оторвать или руку свихнуть? Небось, ты не хочешь? А какъ онъ поменьше, то у него можно, значитъ? Ну, кабы тебя этакъ-то схватилъ кто-нибудь большой, какъ китъ Іону во чревѣ?..

— А на што комаръ кусается?—защищалась нѣсколько опѣшившая Христина.—Я его не трогаю...

— Кусается, такъ возьми да отгони...—степенно отвѣтилъ Митя.— То-есть, этакъ я думалъ раньше!—прибавилъ онъ вдругъ.

— А теперь, стало-быть, покорился?—сказала Христина, уже оправившись и съ задоромъ въ голосѣ.

— Не покорился,—возразилъ Митя,—а по мыслямъ моимъ иначе вышло. Къ примѣру, мы мудрствовали такъ: Богъ создалъ міръ въ кротости и красотѣ, а человѣкъ переуродовалъ его и все перепортилъ.

— Богъ создалъ такое множество вещей: цвѣты, травы, плоды, и все отдалъ людямъ даромъ, а люди все расхватали и разобрали, и теперь то-есть даже бумажки кусочекъ не дадутъ даромъ, а все говорятъ купи. А съ природой человѣкъ поступаетъ, какъ разбойникъ; цвѣтокъ увидитъ,—сорветъ, дерево увидитъ—срубитъ, а они, вѣдь, тоже живутъ и растутъ... Для жизни человѣческой, говорятъ, надо трудиться. Но какой у человѣка трудъ, самый разбойницкій! Плугъ, вѣдь, все равно —ножъ, острое желѣзо. Разворочай землѣ утробу—силомъ, напихай туда зерна—силомъ, что выраститъ, подрѣжь подъ корешокъ, желѣзомъ. Все силомъ, отъемомъ... Къ чему это? Земля—вѣдь, тоже живая...

— А то якъ: къ чему?—возразила Христина,—Хлѣба исти...

— А мы пробовали безъ хлѣба,—простодушно сказалъ Зыбинъ;— на травку перешли.

— Тю! сказала Христина.—Хиба жъ вы овцы?..

Зыбинъ улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой.

— Когда заперли нашихъ въ Іорктонѣ въ эмигрантскій домъ,— сказалъ онъ,—тамъ ограда большая, наши упадутъ на траву, да и пасутся. И еще приговариваютъ: «Вотъ пасутся мирныя овечки, которыхъ скоро будутъ терзать хищные волки»...

— А можно травой наистись?—недовѣрчиво спросила Христина.

Быть-можетъ, она уже соображала, нельзя ли ввести травоѣденіе въ домашній оборотъ.

Митя покачалъ головой.

— Нѣтъ, плохо,—признался онъ,—она сильно горькая. Брюхо набьешь, а толку настоящаго нѣтъ. Непривычно, видится...

— Голодно значитъ?—протянула Христина нѣсколько разочарованнымъ тономъ.

— Что нашъ голодъ?—возразилъ Митя.—Вонъ Проня Погожевъ 43 дня безъ пищи былъ. Спрашивали: для чего? «Больше сорока дней,— говоритъ,—никто не постился. А я хочу испытать, сколь долго тѣло мое можетъ быть безъ пищи». И даже будто воду не пилъ. А только, когда тѣло очень томится, то купался въ водѣ. Говоритъ, тѣло кожей принимаетъ въ себя воду.

— Все это никчемница!—твердо изрекла Христина.

— А развѣ трава не живая?—возразилъ я съ своей стороны.

— Вотъ,—радостно подхватилъ Митя,—я теперь тоже такъ думаю. У Бога все живое,—вода живая, и травка, и земля. И я тоже живой. Стало-быть, я могу исполнить надъ ними свой законъ. Этакъ-то пра-

вильно и просто, а если мудрствовать по-нашему, то и ѣсть нельзя, и жить нельзя, чтобы продолжить родъ.

— Я теперь на все согласенъ,—прибавилъ Митя,—даже мясо ѣсть могу. Что же, живой живое ѣсть. Тоже и о работѣ,—продолжалъ Митя.— Какъ можно говорить: работа—ярмо? Каждая травка и козявка работаетъ у Бога, и Богъ Самъ работаетъ. А ты какъ хочешь отслониться?.. Тоже и объ одежѣ. Какъ мы говорили, будто одежа противъ природы? Что зачѣмъ всякій звѣрь ходитъ безъ одежды, корова, напримѣръ, или лошадь? А у человѣка непремѣнно какая-то покрышка. Или что лилія полевая цвѣтетъ и красуется, а одежду не ткетъ? А навстрѣчу всего этого я скажу: не бываетъ орѣхъ безъ шкурки и луковка безъ шелухи, картошка безъ кожи, а человѣкъ безъ одежи...

— Пріѣду на село,—началъ опять Митя, — всѣмъ стану говорить, такой и такой я былъ дуракъ... Жена, пожалуй, разсердится за мясо,— прибавилъ онъ съ минутнымъ опасеніемъ, но лицо его тотчасъ же опять расплылось широкою улыбкой.—Молодая у меня женка,—сказалъ онъ,— и дѣточекъ двое: мальчикъ и дѣвочка. Два мѣсяца не видалъ, не чаялъ уже, что и придется свидѣться.

Радость предстоящаго свиданія вытѣсняла изъ его души опасеніе возможныхъ разногласій.

— Чудное дѣло я вамъ скажу, братцы,—заговорилъ Митя снова,— всѣ мои думы отъ жены пошли. Славная у меня жена, пѣвунья хохотунья. Обое мы молоденькіе, а когда оженили насъ, мы совсѣмъ были ребятишки: мнѣ было шестнадцать, а ей пятнадцать лѣтъ. Такъ что мы даже играли по-ребячьи. Первая дѣвочка у насъ только черезъ три года нашлась. Потомъ мы выросли, стали жить. Когда здѣсь стали люди отыскивать свободный путь, изъ нашего села, изъ Надежды, почитай что никто не сдался на это; Павлуша Планидинъ всѣхъ разговорилъ, собственная жена у него хотѣла итти, тоже не пустилъ. И я тоже не сдавался, чтобы скотъ отпускать, да жена моя меня сговорила: «Грѣхъ,— говоритъ,—на насъ и на нашихъ дѣтяхъ; откачнемся грѣха!». Съ тѣмъ мы сходили въ Іорктонъ и назадъ пришли. Сталъ я думать, какъ же это ничего наше не сошлось... А жена говоритъ: «Все это глупство, взяли, говоритъ, мы свой душевный компасъ и повернули его на кривой бокъ. Теперь надо работать покрѣпче»... А я не могу отстать и все думаю о слободѣ. Что со мной сталось, самъ не знаю. Даже ѣсть и пить пересталъ, все хожу по комнатѣ и думаю. Ногти и волосы отростилъ,— думаю, все живое, натуральное. Грѣхъ стричь... Жена зоветъ меня работать, а я думаю: нельзя мнѣ работать, я долженъ итти проповѣдывать. Сколько она плакала, просила, даже на колѣнки становилась, я все думаю одно: нельзя мнѣ сдаться. Она плачетъ, и я плачу съ ней. «У тебя,—говоритъ,—есть жена и сынъ». А я ей говорю: «Всѣ жены и всѣ дѣти». А какъ стали мы уходить, сколько плачу было! Вышли онѣ съ нами за село. Она меня ухватила и говоритъ: «Я тебя не пущу». А я ее обнялъ и поцѣловалъ. А потомъ все-таки говорю: «Мнѣ нужно итти». А она говоритъ: «Ты бросилъ меня съ дѣтьми», А я

говорю: «Я васъ никогда не брошу. А когда увезуть насъ въ теплую землю, я тебѣ напишу оттуда, и ты могешь прiѣхать съ дѣтьми...»

Митя откровенно всхлипнулъ. Онъ, видимо, снова переживалъ эти тяжелыя минуты. Христина съ шумомъ высморкалась, вытерла себѣ носъ, но не сказала ничего. Разсказъ бывшаго «искателя слободы» затронулъ самыя нѣжныя струны ея голоднаго вдовьяго сердца, и у нея больше не хватало словъ для спора.

VI.

Iорктонъ.

Мы прiѣхали въ Iорктонъ поздно вечеромъ. На дворѣ накрапывалъ дождикъ. Митя Зыбинъ вмѣстѣ съ Христиной и моею женой ушли въ одну изъ духоборскихъ хатъ и усѣлись пить чай. Я разыскалъ англичанина, къ которому имѣлъ письмо, и вмѣстѣ съ нимъ отправился отыскивать себѣ пристанище на ночь. Къ моему великому изумленiю, нигдѣ не было свободнаго мѣста. Конечно, это былъ маленькiй, совсѣмъ новый городокъ. Первые дома его были построены четырнадцать лѣтъ тому назадъ, и даже въ 1900 г. въ немъ было только 200 жителей. Ростъ его начался вмѣстѣ съ переселенiемъ духоборовъ. Теперь въ немъ было больше 1,000 жителей, три банка, пятнадцать лавокъ. Въ минувшемъ году его хлѣбный отпускъ равнялся 800,000 четвертей, а въ текущемъ долженъ былъ достигнуть полутора миллiона. Въ городѣ было три гостиницы, пять-шесть харчевенъ, около десятка квартиръ для проѣзжающихъ. Теперь все это было набито постояльцами даже всѣ чуланы и проходные корридоры были заняты. Въ гостиницахъ люди спали на билліардныхъ столахъ.

— Что у васъ за наплывъ?—спросилъ я англичанина.—Не нашли ли у васъ золота на степи?

— Это—охотники за землей,—отвѣтилъ мой спутникъ.—Пшеница не хуже золота, если участки раздаютъ на даровщину.

Все это были искатели наживы съ различныхъ концовъ англо-саксонскаго мiра, съ сѣвера Соединенныхъ Штатовъ, съ востока Канады, изъ Англiи и даже изъ Австралiи. Они носили пиджаки и бѣлые воротнички и тратили ежедневно 2—3 доллара. По большой части это были земледѣльцы, а скорѣе торговцы землею. Цѣны на землю росли не по днямъ, а по часамъ, и они хотѣли записать за собою участокъ, пока фондъ для раздачи еще не былъ исчерпанъ. Иные соглашались принимать надѣлъ въ безлюдной степи, за 100 верстъ отъ города. Другiе перекупали у фермеровъ уже заработанные участки, разсчитывая черезъ нѣсколько лѣтъ передать ихъ съ огромною выгодой. Рядовые переселенцы, конечно, не могли останавливаться въ гостиницахъ. Они ютились у земляковъ:

славяне—у славянъ, нѣмцы—у нѣмцевъ, исландцы—у исландцевъ. Нѣкоторые жили просто въ палаткахъ, раскинутыхъ на площади.

Мой знакомецъ, былъ земельный чиновникъ, уроженецъ Восточной Канады, но пламенный патріотъ западныхъ степей. Несмотря на дождикъ поливавшій насъ сверху, ему, видимо, нравилось это многолюдство и даже самая неудча нашихъ поисковъ.

— Пусть ѣдутъ, пусть!—повторялъ онъ.—У насъ мѣста хватитъ; степь тянется до Клондайка, и на ней есть мѣсто милліоновъ на тридцать.

Мы проходили мимо табора русинскихъ новоселовъ. Они расположились на одномъ изъ городскихъ пустырей, сдвинули вмѣстѣ свои возы и усѣлись у огонька, растянувъ противъ дождика сѣрый полотняный навѣсъ. Надъ огонькомъ висѣлъ котелъ, въ которомъ варилась каша. Можно было подумать, что это—привалъ чумаковъ въ степи, а не ночлегъ американскихъ фермеровъ въ бойко растущемъ городѣ на станціи желѣзной дороги.

Но канадскій патріотъ одобрительно кивнулъ головой.

— И эти пусть ѣдутъ,—сказалъ онъ.—Намъ нужны всякіе люди. Мы распахнули ворота для всѣхъ племенъ.—Онъ развелъ руками, какъ-будто широко открывая невидимыя ворота.—Въ 20 лѣтъ мы создадимъ великій народъ..

Мнѣ крѣпко не хотѣлось злоупотреблять гостепріимствомъ духоборовъ, тѣмъ болѣе, что о платѣ за пріютъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Но послѣ того, какъ мы обошли весь городъ, мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ послѣдовать примѣру моихъ спутниковъ по желѣзной дорогѣ и отправиться къ духоборамъ.

Духоборская община имѣла въ городѣ цѣлый поселокъ, застроенный теплыми бараками, равно пригодными для лошадей и для ямщиковъ. Здѣсь останавливались возчики, пріѣзжавшіе изъ селеній за товарами и кладью съ желѣзной дороги. Кромѣ того, въ городѣ постоянно жили три семьи, отказавшіяся отъ земледѣлія и почти не принадлежавшія къ общинѣ. Одна изъ нихъ, впрочемъ, принадлежала Алдошѣ Попову, человѣку очень уважаемому среди духоборовъ и англичанъ. Вмѣстѣ съ нимъ жилъ Ваня Подовинниковъ, повѣренный общины по пріему и отпуску клади и по разнымъ городскимъ дѣламъ.

Мы пріютились у Алдоши и вообще съ тѣхъ поръ жили все время съ духоборами. Мы спали на старыхъ сѣнникахъ, брошенныхъ на полъ, питались квасомъ и овощами, выдернутыми прямо изъ гряды, зато наше сближеніе съ духоборами произошло немедленно, почти непроизвольно. Въ домѣ Алдоши была постоянная толчея. Родственники и пріятели и вообще всѣ пожилые и болѣе уважаемые сельчане заѣзжали къ Алдошѣ, какъ на въѣзжую квартиру, проводили ночь и на утро, справившись съ дѣлами, уѣзжали во-свояси, уступая мѣсто другимъ. Я составлялъ для всѣхъ этихъ людей предметъ особаго любопытства, но вмѣсто личныхъ разспросовъ они съ перваго слова спрашивали: «А какая ваша вѣра?» Я, разумѣется, платилъ вопросомъ на вопросъ, и мы просижи-

вали въ разговорахъ далеко за полночь, не обращая вниманія на то, что моимъ собесѣдникамъ придется встать до зари, чтобы пуститься въ путь.

Нѣсколько человѣкъ работали въ городѣ, копали колодцы, выдѣлывали кирпичъ, строили дома. Окончивъ девятичасовый рабочій день, они приходили къ намъ и чуть не съ порога принимались за споръ. Пренія иногда затягивались до 2-хъ часовъ ночи, пока обѣ стороны совсѣмъ «остеклѣютъ» отъ утомленія, и кто-нибудь замретъ на полусловѣ, побѣжденный сномъ. Духоборы оказались искусными спорщиками, и часто мнѣ нужна была вся моя осмотрительность, чтобы отстоять свои взгляды и не попасть въ просакъ.

За этими полуграмотными мужиками чувствовалась привычка къ самостоятельному мышленію и прочный навыкъ къ изложенію своихъ взглядовъ. Они пріобрѣли этотъ навыкъ въ обстоятельныхъ бесѣдахъ, которыя изъ года въ годъ ведутся въ каждомъ селѣ, чуть не въ каждомъ домѣ, преимущественно по зимамъ, когда досуга больше. Я замѣтилъ, однако, что, благодаря значительному сходству своихъ взглядовъ, духоборскіе спорщики нѣсколько пріѣлись другъ-другу, и что участіе свѣжаго человѣка было для нихъ пріятною новинкой.

Ваня и Алдоша были совсѣмъ разные люди. Ваня былъ человѣкъ, хорошо грамотный. Въ прошломъ онъ долго состоялъ волостнымъ писаремъ и теперь попалъ въ городскіе уполномоченные именно изъ-за своей привычки справляться съ сложными расчетами. По вечерамъ, когда мы вели цѣлымъ кругомъ безконечныя пренія, онъ, обыкновенно, сидѣлъ у стола надъ своей записной книжкой и подводилъ итоги.

Съ ранняго утра Ванѣ приходилось вскакивать и пускаться «въ хожденіе по дѣламъ», и часто до самаго вечера ему не удавалось даже поѣсть, какъ слѣдуетъ. Занятія его были весьма многосложны. Онъ снабжалъ запасами духоборскихъ рабочихъ, проходившихъ черезъ Іорктонъ, принималъ и отправлялъ подводы, пріѣзжавшія изъ селеній за товарами и матеріалами, получалъ разнообразную кладь, прибывавшую изъ Виннипега почти ежедневно цѣлыми вагонами. Между прочимъ онъ запасалъ для всей духоборской общины топленое масло на зиму, скупая его у окрестныхъ фермеровъ по 10-ти центовъ за фунтъ. Жены обоихъ пріятелей цѣлые дни занимались очисткой и перетапливаніемъ масла и постоянно ходили съ головною болью отъ угара. По мѣрѣ накопленія, масло отсылалось въ село Отрадное и складывалось въ общественный погребъ. Но болѣе всего хлопотъ у Вани было съ машинами, только-что присланными изъ Чикаго, которыя нужно было спѣшно переправить въ села для предстоящей страды. Онѣ были сложены на площади передъ желѣзнодорожной станціей. Когда я въ первый разъ подошелъ къ машинамъ, партія духоборовъ съ Громовой Горы припрягала длинную вереницу лошадей къ красной молотилкѣ, огромной какъ домъ, и поднимавшей къ небу шесть странныхъ четыреугольныхъ трубъ. Два локомобиля стояли рядышкомъ въ сторонкѣ, какъ будто собираясь пуститься взапуски. Сѣялки, косилки, жнеи стояли и лежали на землѣ, сверкая стальными зубьями, и перекрещивая по всѣмъ на-

правленіямъ свои длинныя рукоятки, похожія на колодезный очепъ. Кучки русинскихъ фермеровъ ходили вокругъ машинъ, спрашивали о цѣнахъ и удивлялись дешевизнѣ.

— Ахъ, кабы намъ завести, — говорили они, — покупать гуртомъ! Но только мы купимъ, а придется дѣлить, то мы всѣ перерѣжемся.

Алдоша Поповъ разговаривалъ и спорилъ со мной усерднѣе всѣхъ. Онъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого характера, съ болѣе утонченной душой, чѣмъ у Вани. Лѣтами онъ былъ моложе, ему не могло быть больше 35-ти лѣтъ. У него были свѣтло-русыя кудри и большие свѣтлые глаза, которые свѣтились страннымъ блѣдно голубымъ блескомъ. Такіе глаза и такой взглядъ я потомъ часто встрѣчалъ среди этой причудливой общины и научился узнавать по нимъ мечтателей и непримиримыхъ, въ родѣ описанныхъ прежде «искателей свободнаго пути».

Жизнь Алдоша велъ подвижническую и четыре года не употреблялъ молока и яицъ, а питался хлѣбомъ и картошкой. У него была молодая жена и двухлѣтній сынишка. Но въ послѣдніе два года онъ уклонялся отъ супружеской жизни, къ великому отчаянію Дуни, которая любила его безъ памяти и все опасалась, что, въ концѣ-концовъ, онъ уйдетъ странствовать. Въ практической жизни Алдоша былъ мастеръ на всѣ руки. Онъ былъ слесарь и плотникъ, умѣлъ выкопать и укрѣпить колодецъ, даже выжечь кладку кирпичей и сложить изъ нихъ печь по любому чертежу. Теперь, впрочемъ, онъ не хотѣлъ проявлять своей разнообразной умѣлости. Въ то время, какъ вся община, наконецъ, осѣла на землю и быстро прорастала корнями въ дѣвственный черноземъ новой земли, онъ стоялъ въ сторонѣ со сложенными руками и настойчиво спрашивалъ: «Зачѣмъ?»...

Онъ даже остался въ городѣ и не ушелъ въ село именно для того, чтобы удержаться внѣ общей творческой работы. Дуня, напротивъ, мечтала о земледѣльческой жизни и даже въ городѣ старалась устроиться по-деревенски. Вокругъ своей избы она вскопала и развела обширный огородъ, овощами съ котораго питались обѣ семьи и ихъ многочисленные гости. Весь день она молча и быстро ходила вокругъ своей усадьбы, исполняя различныя домашнія работы. На лицѣ ея лежало постоянное облако. Въ ней говорило обычное женское стремленіе жить, какъ всѣ люди, между тѣмъ какъ Алдоша ни за что не хотѣлъ подчиняться общему укладу.

Алдоша защищалъ вегетаріанство весьма искусно. Я попробовалъ вступить съ нимъ въ споръ, но потерпѣлъ пораженіе.

Моя точка зрѣнія была такова, что вегетаріанскій законъ слишкомъ тяжелъ для человѣчества.

— Довольно бы человѣку соблюдать справедливость хотя бы по отношенію къ людямъ,—говорилъ я.

Но Алдоша не хотѣлъ сдаваться ни на какіе доводы.

— Въ городѣ у васъ все въ затменіи,—сказалъ онъ.—Купилъ себѣ фунтикъ мяса у мясника,—и заботы нѣтъ, а въ деревнѣ проще. Если

ты хочешь есть мясо, вонъ курица ходитъ. На-ка тебѣ ножикъ, зарѣжь, да и ѣшь. Небось, не зарѣжешь!

Я долженъ былъ признать справедливость Алдошиныхъ словъ.

— Самъ рѣзать не хочешь,—съ упрекомъ сказалъ Алдоша,—зачѣмъ на другихъ сваливаешь? Это ужъ и для людей не по правдѣ... Мы кого бережемъ,—доказывалъ Алдоша.—Не скотину, а самихъ себя. Скотинѣ чего,—она нѣшто понимаетъ? Кокъ ее въ голову топоромъ,—она упала и издохла, а ты живой, и на твоей душѣ кровяное пятно... Къ примѣру, какъ въ древнія времена были владѣтели и рабы. Жестокій господинъ увѣчилъ не столь раба, сколь собственную душу... По нашему разуму,—доказывалъ Алдоша,—въ деревенской жизни отъ скотобойства выростаетъ разбойство, отъ обиды скоту—обида людямъ. Сегодня ты лошадь ударилъ, завтра—жену, сына. Или сперва зарѣзалъ теленка, потомъ овцу, корову... Привыкъ ножомъ распоряжаться, глядишь—взялъ да и въ человѣка всадилъ. По-нашему,—заключилъ Алдоша,—отъ войны и отъ скотобоя выростаетъ все зло на землѣ, отъ войны, такъ сказать, оптомъ, а отъ скотобойни по-розницѣ.

Въ этомъ отношеніи Духоборія въ значительной степени осуществила требованія Алдоши. Духоборы не ѣдятъ мяса и не убиваютъ домашняго скота, но такъ же заботливо относятся они и къ охраненію дикихъ полевыхъ животныхъ въ своемъ округѣ. Они выставили на своихъ границахъ дощечки съ надписями, запрещающими всякую охоту, подъ рискомъ поссориться съ индійцами, которые кочуютъ за Громовой Горой и искони привыкли охотиться въ лѣсахъ Сѣвернаго участка Духоборіи.

Зато въ границахъ Духоборіи животныя относятся къ человѣку совсѣмъ безъ страха. Потомъ, когда мы странствовали пѣшкомъ между духоборскими селеніями, маленькіе олени-прыгуны выходили намъ навстрѣчу и останавливались на дорогѣ, и молодые скворцы чуть не садились на плечи въ ожиданіи подачки. Даже полевые воры и хищники не исключены изъ общей милости. Степныя куры гуляютъ прямо по улицамъ и во время молотьбы заходятъ на гумно за своею долей зерна.

— Пущай пользуются бѣдняжки,—говорили мнѣ бабы.—Мы имъ даже имена надавали: Машка да Мишка.

Овражки и земляныя бѣлки доставляютъ больше хлопотъ. Въ поляхъ они невозбранно нападаютъ на хлѣба, но на огородахъ, въ особенности у капустныхъ грядъ, женщины и подростки ставятъ для нихъ силки и деревянные капканы. Однако, поймавъ маленькаго хищника, духоборскіе охотники высвобождаютъ его изъ петли, уносятъ на поле и отпускаютъ на свободу.

— Такіе они безпокойные, Богъ съ ними,—жаловались мнѣ бабы.—Только отпустишь его, не успѣешь домой прійти, а онъ на трехъ ногахъ черезъ дорогу скачетъ, и опять въ капусту.

— Этакъ, пожалуй, къ вамъ со всей округи звѣри и птицы соберутся,—сказалъ я.—Они вѣдь умные, знаютъ, гдѣ ихъ обижаютъ, а гдѣ нѣтъ.

— Что же дѣлать?—возражали духоборы.—Мы вотъ даже, когда сѣемъ, наговариваемъ: «Зароди, Господи, на всякую живую тварь: на звѣря и птицу; на нищаго,—можетъ, попроситъ; на вора, если захочетъ украсть; дай и на его долю»... Значитъ, звѣрю и птицѣ тоже дается часть...

Разумѣется, такое благодушіе по отношенію къ овражкамъ и бѣлкамъ возможно только среди канадскаго простора и плодородія. Впрочемъ, въ своихъ мечтахъ духоборы заходятъ и дальше этого.

— Вотъ выкопаемъ каналъ вокругъ Отраднаго,—говорили мнѣ нѣкоторые изъ моихъ піятелей—напустимъ туда рыбъ разныхъ, лебедей привадимъ, птицу разведемъ и будемъ глядѣть на нихъ и радоваться. Пусть всякая живность хвалитъ Господа...

Не обходится, конечно, безъ мелкихъ приключеній непріятнаго характера.

Однажды, въ самый разгаръ нашихъ бесѣдъ о милосердіи къ животнымъ, жена Вани Подовинникова, Аксинья, впопыхахъ вбѣжала въ комнату. Это была пожилая баба, здоровая, какъ гренадеръ, очень кроткаго и молчаливаго нрава. Отъ постоянной возни съ масломъ одежда ея и вся фигура пріобрѣли какой-то тусклый и лоснящійся блескъ. Но теперь на ней лица не было.

— Сдѣлайте мнѣ мышеловку,—громко возгласила она, выбѣгая на середину комнаты.— Я буду ихъ ловить!

— Кого ловить?—спокойно спросилъ Алдоша.

— Мышовъ!—кричала Аксинья.—Ловить и убивать!

Она ужасно боялась мышей, и теперь, когда она полѣзла въ поставецъ за хлѣбомъ, мышь выскочила оттуда и прыгнула ей на грудь.

— Если будешь ловить мышей,—отозвался Ваня со своего мѣста, —значитъ, ты будешь ужъ не Аксинья, а кошка...

Аксинья тотчасъ же стихла.

— Боюсь я мышовъ,—пояснила она.—Ну, такъ придѣлайте мнѣ замокъ къ поставцу, чтобы онѣ не заскакивали, гадины этакія...

Въ другой разъ въ одной изъ деревень женщина убила на своемъ огородѣ змѣю и вынесла ее на палкѣ на улицу. Сбѣжались ребятишки и нѣсколько взрослыхъ.

— Зачѣмъ ты ее убила?—серьезно спросилъ пожилой духоборъ въ мохнатой шапкѣ и съ посохомъ въ рукахъ.

— Какъ зачѣмъ?—возражала женщина.—Вѣдь это змѣя?

— Нѣтъ, ты постой,—настаивалъ духоборъ,—почему она змѣя?

— Какъ почему?—кипятилась женщина.—Она вѣдь кусается, тварюка!

— А развѣ она тебя укусила?—спросилъ защитникъ змѣи.

— Дамся я!—сказала женщина съ негодованіемъ.—Она черезъ дворъ лѣзла...

— А ты что?—допытывался оппонентъ.

— А я за ней съ палкой поднялась?—сказала женщина.

— А она что?

— А-она побѣгла!—сказала женщина.—Да, небось, не убѣжала,—прибавила она торжествующимъ тономъ.

— Ну, вотъ,—спокойно доказывалъ оппонентъ,—она себѣ лѣзла по своему дѣлу, никого не трогала, а ты на нее кинулась, какъ разбойникъ. Ты говоришь, она кусается, а я вижу, ты ее укусила, а не она тебя. Значитъ, по всему выходитъ, не она, а ты змѣя...

Въ отношеніи пищи Алдоша заходилъ гораздо дальше большинства духоборовъ и не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ.

— Мясо исти—разбой,—говорилъ онъ,—а молоко—грабежъ. Теленочекъ все одно, что ребенокъ. А ты что бы сказалъ, кабы у твоей жены изъ-подъ ребенка молоко отбирали!

Алдоша, разумѣется, также не признавалъ за людьми права употреблять скотъ для работы.

Вся тварь земная стонетъ, ожидая милости отъ сыновъ Божіихъ,—цитировалъ онъ извѣстный текстъ изъ евангелія! [1])

Въ прежніе годы Алдоша былъ извозчикомъ. У него было три четверки лошадей, и онъ разъѣзжалъ по городамъ съ работниками. Теперь вмѣсто верховой лошади онъ завелъ велосипедъ, на которомъ по вечерамъ дѣлалъ долгія прогулки по окрестнымъ полямъ. Когда онъ возвращался домой, лицо его было пасмурно. На мирномъ просторѣ канадской степи онъ размышлялъ объ устройствѣ міра и, не находя отвѣта на свои неотвязные вопросы, смущался духомъ и роппталъ.

— Какъ криво устроенъ свѣтъ!—сказалъ онъ мнѣ однажды.—Кто его такъ устраивалъ, не знаю. Что изъ того, что мы не будемъ убивать, когда вся тварь кругомъ убиваетъ и бываетъ убиваема?

— Не то что живая тварь, а возьми, напримѣръ, землю.

— Ты думаешь, землѣ легко? Ты думаешь, ей не больно? Траву возьми,—она тоже растетъ, тянется къ солнцу. Не для тебя, вѣдь, а сама для себя... А мы все норовимъ оторвать или обрѣзать.. Раскапываемъ землю желѣзомъ и называемъ это работой,—прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ.

— Если не работать, ѣсть нечего будетъ!—отозвался Ваня изъ-за своихъ счетовъ.

— Не бойся!—сказалъ Алдоша убѣжденно.—Шесть тысячей лѣтъ люди всегда работали. Много есть надѣланнаго, наработаннаго на землѣ.. Тѣлесную работу дѣлаютъ,—закончилъ онъ,—а о духовной работѣ ни у кого помышленія нѣтъ.

— Духовною работой жить нельзя,—возразилъ я, отчасти продолжая мысль Вани.

— Ого!—повторилъ Алдоша—Много на землѣ всего готоваго. Если по-братски пользоваться, сколько годовъ прожить можно!

— А потомъ какъ,—сказалъ я,—если ты не велишь копать землю.

— Пойдемъ на дворъ,—сказалъ вдругъ Алдоша,—я покажу тебѣ.

---

[1]) Рим. 8, 19—22.

Мы вышли на крыльцо и сошли на обширный дворъ, принадлежавшій къ усадьбѣ Алдоши. Задняя половина двора была занята огородомъ.

— Это бабы раскопали,—сказалъ Алдоша,—по своему бабьему разуму.

Небо было облачно и лунно, и при невѣрномъ ночномъ полусвѣтѣ даже капустные вилки, длинными рядами лежавшіе на черныхъ грядахъ, отливали плотнымъ серебрянымъ блескомъ и казались красивою и необходимою частью всей картины.

Передъ огородомъ были слѣды работы, сдѣланной самимъ Алдошей. Онъ пытался развести фруктовый садъ, насколько это было возможно въ суровомъ климатѣ сѣверо-западной Канады. Здѣсь было нѣсколько кустовъ крыжовника, жимолости и малины и одно тощее дерево дикой вишни, выкопанное въ лѣсу и пересаженное на болѣе тучную почву, въ надеждѣ, что она дастъ улучшенные плоды.

— Посмотри на это дерево, — сказалъ Алдоша, указывая на свою вишню. — Каждый годъ оно приноситъ плоды. Плоды сами падаютъ. Если собирать ихъ да очищать, только мѣсто красивѣе станетъ. Это— настоящее питаніе.

Я не могъ удержаться отъ улыбки. Въ маленькихъ костистыхъ плодахъ дикой вишни по-истинѣ было немного «настоящаго питанія».

Не смотря на ночной полусвѣтъ, Алдоша уловилъ мою улыбку.

— Чего ты смѣешься? — сказалъ онъ со своимъ обычнымъ упрекомъ.—Я правду говорю. Вотъ я на Кавказѣ въ татарахъ жилъ. Они какъ пропитываются? Каждая семья имѣетъ садъ, отъ предковъ разведенный; земли клокъ, повернуться негдѣ. А смотри какъ живутъ! Яблоки, дули (груши), сливы, возами возятъ.

— Возятъ на базаръ,—докончилъ я,—и покупаютъ хлѣбъ. .

— Возятъ на базаръ,— возразилъ Алдоша,— и продаютъ людямъ...

Онъ явно противопоставилъ свое *продаютъ* моему *покупаютъ*.

— А гляди-ка, гдѣ аулъ [1]) опустѣлъ, да русскіе мужики пришли, чего дѣлаютъ! Сейчасъ давай груши да яблони рубить и съ корнями выдирать на топку. Разорятъ садъ, потомъ поневолѣ пахать надо.

— На этой землѣ немного разведешь садовъ,—возразилъ я. Но Алдоша не хотѣлъ сдаваться на возраженія.

— А зачѣмъ жить на такой землѣ? — отвѣчалъ онъ вопросомъ на вопросъ. — Есть еще на свѣтѣ хорошія, теплыя земли, всѣ пустыя стоятъ. А мы залѣзли въ этотъ снѣгъ.

— Зачѣмъ же вы сидите здѣсь?—не удержался я.

— А я, можетъ, еще поѣду,—возразилъ Алдоша.

Онъ посмотрѣлъ впередъ черезъ проволочный плетень своей усадьбы, и на лицѣ его отразилось нетерпѣливое и неясное стремленіе.

Мы вернулись въ избу.

— Даже въ писаніи сказано,—сказалъ Алдоша: — «Богъ сотворилъ міръ себѣ въ услажденіе, а человѣку на пользу». Сотворилъ, значитъ, Эдемъ, по-нашему садъ, а человѣка поселилъ въ саду и велѣлъ питаться

[1]) Аулъ—горное селеніе на Кавказѣ.

фруктами, а жить ему велѣлъ по-хорошему, на всемъ готовомъ, по-райски...

— Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ,—вставилъ Ваня насмѣшливымъ тономъ.

— Ну и копайтесь весь свой вѣкъ въ землѣ! — возразилъ Алдоша съ сердцемъ.—Духоборы тоже!...

— Конечно, мы духоборы! — степенно возразилъ Ваня.—А ты кто?

— А для меня это самое противное слово! — возразилъ Алдоша, къ нѣкоторому моему удивленію.— Не хочу я знать этихъ вашихъ перегородокъ! Одинъ говоритъ: я духоборъ; другой говоритъ: я англикъ; третій говоритъ: я, напримѣръ, жидъ. Къ чему это? Этого ничего нѣту. Есть люди, и я тоже человѣкъ...

— И въ жизни такъ?—спросилъ я не безъ задней мысли.

— И въ жизни, конечно!—подтвердилъ Алдоша,—Примѣрно, англикъ или галиціанецъ, — помоги ему. Зачѣмъ только своимъ? Онъ такой-же братъ...

— А какъ помочь ему?—спросилъ я.

— Ты знаешь законъ,—сказалъ Алдоша. — Учи его, чтобы онъ соблюдалъ законъ. Вотъ лучшая помощь.

— Какой законъ?—настаивалъ я.

— Будто ты не знаешь?—скептически возразилъ Алдоша. — Законъ братской жизни. Это всѣ знаютъ. Живите, какъ братья въ семьѣ, работайте вмѣстѣ, по мелочамъ не считайтесь, не деритесь. Простой законъ... Вотъ какъ эти пробуютъ жить, *земляные* духоборы.—Онъ указалъ рукой въ сторону Вани.

— Не очень это просто,—возразилъ я.

— Отчего?—быстро подхватилъ Алдоша.— Вонъ въ Іорктонской округѣ духоборовъ шесть тысячъ, а галиціанцевъ четырнадцать. Имъ бы еще ловчѣе духоборскаго, — у нихъ земель больше. Сбили бы вмѣстѣ землю и хлѣбъ и скотъ и жили бы вмѣстѣ... Такъ и все *человѣчество*... Въ одинъ годъ можно всемірное братство обосновать.

— Видишь, какъ по твоему скоро,—не удержался я.—Сказать вѣдь это легче, чѣмъ сдѣлать.

— А по-твоему не такъ?—возразилъ Алдоша съ тѣмъ же кроткимъ и упрямымъ упрекомъ.

— А я такъ слышалъ, что образованные люди объ этомъ сходственно думаютъ, чтобы основать братство, называемое соціализмъ.

— Положимъ, что и думаютъ, — возразилъ я,—но такъ, что человѣчество постепенно къ этому стремится, а не то чтобы по щучьему велѣнью, по твоему хотѣнью, въ одинъ годъ.

— Что такъ?—иронически возразилъ Алдоша.—Не боязно ли вамъ братства?.. Постепенно, а? А мнѣ, вотъ, надо теперь, сейчасъ!..

— Развѣ ты не знаешь,—началъ я,—земля населена грѣшниками, а не праведниками? Какъ же ей измѣниться такъ скоро? Довольно, если за одинъ годъ хоть крупинка добра прибавится.

— Постой,—возразилъ Алдоша.—Въ писаніи сказано, что человѣкъ

сотворенъ по образу и подобію Божію. Значитъ, я Богъ, — безстрашно заключилъ онъ,—то, что во мнѣ живетъ, есть Богъ. Какъ же я смѣю грѣшить? Подвигомъ своимъ человѣческая душа должна откачнуться отъ грѣха и сподобиться правдѣ... Должна, понимаешь? Подвигомъ сразу, какъ веревки рвутъ.

Онъ даже всталъ съ мѣста и оживленно размахивалъ руками, наглядно изображая, какъ рвутъ веревки душевнымъ и тѣлеснымъ подвигомъ. Лицо его поблѣднѣло, глаза сверкали ясно и убѣжденно.

Я невольно подумалъ, что душевная сила человѣчества развивается въ разное время и съ различною скоростью. Въ одно время она возрастаетъ мѣрно и непрерывно, какъ прибыль воды па рѣкѣ во время половодья. И потомъ разгорается, какъ огонь, и перекидываетъ свои головни отъ дубравы къ дубравѣ для того, чтобы разрѣшиться бурей и освѣженіемъ. Здѣсь предо мной была человѣческая душа, которая изогнулась и напряглась, какъ бы приготовляясь къ прыжку черезъ бездну, отдѣляющую дѣйствительность отъ мечты. И мои холодныя рѣчи о необходимой постепенности падали на нее, какъ капли холодной воды на раскаленное желѣзо.

VII.

Село Терпѣніе.

Ванѣ Подовинникову очень хотѣлось отправить насъ «въ Духоборы» вмѣстѣ съ попутчиками, но мы отказались. Духоборскія лошади уходили изъ Іорктона съ такимъ тяжелымъ грузомъ, что обременять ихъ еще больше было совершенно невозможно, а съ духоборской точки зрѣнія— даже грѣшно. Въ концѣ-концовъ, по совѣту нашихъ новыхъ пріятелей, мы наняли англійскихъ лошадей до ближайшаго селенія, оставивъ почти всѣ свои вещи въ Іорктонѣ.

— Только бы вамъ добраться до перваго села, — увѣрялъ меня Ваня,—а тамъ наши жители найдутъ вамъ толкъ...

Я выразилъ опасеніе относительно того, что мы пускаемся въ такой долгій путь съ пустыми руками, но Ваня стоялъ на своемъ.

— На тотъ свѣтъ пойдешь,—сказалъ онъ подъ конецъ,—даже рубахи перемѣнной не возьмешь, а дорога-то куда дальше.

— А куда заѣхать въ первомъ селеніи?—спросилъ я.

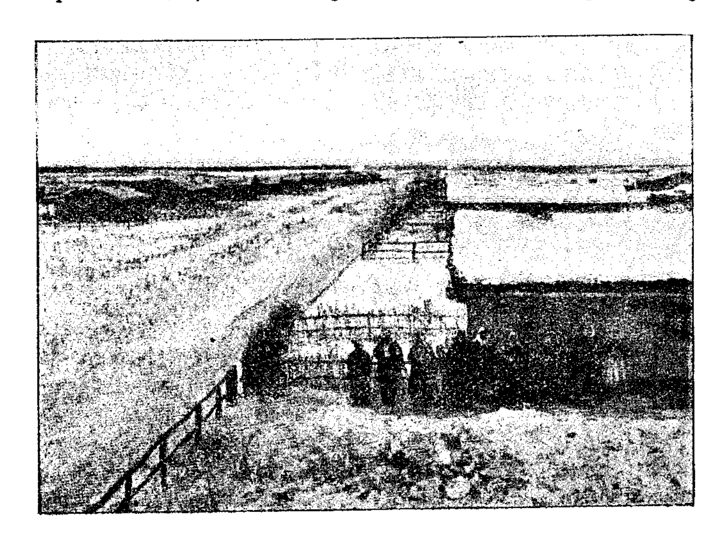
— А доѣдешь до околицы,—посовѣтовалъ Ваня совершенно серьезнымъ тономъ,—будетъ тебѣ первый домъ на любой сторонѣ, — туда и заѣзжай!

Наша поѣздка по духоборскимъ селамъ продолжалась около мѣсяца и, въ сущности, должна назваться скорѣе походомъ, ибо добрая половина ея была совершена пѣшкомъ. Разстоянія между селами не превышаютъ нѣсколькихъ верстъ, и каждый переходъ являлся прогулкой и

незамѣтно проходилъ среди непрерывныхъ разговоровъ съ толпою дѣтей, провожавшихъ насъ отъ села до села.

Трудно передать словами простое, но сильное очарованіе сельской жизни духоборовъ. Жатва была близка, время стояло тихое, ясное, теплое въ полдень и прохладное къ вечеру, ибо даже средина лѣта въ Канадѣ не отличается зноемъ. Насъ окружали необозримые хлѣбные посѣвы, пышно возраставшіе на нетронутой почвѣ. Прохладный климатъ допускалъ возможность раннихъ заморозковъ, порою сильно побивавшихъ хлѣба, но, помимо того, урожаи достигали до самъ-25 и даже до самъ-30.

— Въ эту землю чего ни сунь,—разсказывали мнѣ духоборы,—все изъ нея претъ назадъ, такое жирное, да толстое. Картошка родится,

Село Терпѣніе.

какъ грязь, кто ее всю достанетъ,—да мы и не займоваемся, къ примѣру, чтобы продавать ее, а просто пріѣзжайте, нѣмцы и галиціаны, копайте да насыпайте мѣшки и увозите на доброе здоровье! Лукъ, морква, макъ, все, однимъ словомъ, стократъ родитъ. Сами не знаемъ, какая это земля!..

Примѣры этого поразительнаго плодородія мнѣ приходилось встрѣчать почти на каждомъ шагу. Въ одномъ мѣстѣ градъ побилъ прошлогодніе посѣвы овса. Духоборы все-таки получили хорошій сборъ, и въ этомъ году посѣяли вмѣсто овса пшеницу. Въ результатѣ получилась двухэтажная жатва, похожая на густой мѣхъ, гдѣ приземистая пшеница являлась нижней подпушкой, а высокій прямой овесъ замѣнялъ болѣе длинную ость.

Въ другомъ мѣстѣ, на сорной кучѣ, изъ горсти случайно выброшенныхъ зеренъ проса выросъ цѣлый клинъ «горшковъ на десять», по словамъ удивленной хозяйки.

Я видѣлъ макъ, росшій надъ картофелемъ и происшедшій отъ случайно раздавленной маковой головки. Возлѣ амбаровъ, кругомъ покатой стрехи, покрытой ячменною соломой, выросталъ поясъ ячменя, рожденный отъ опавшихъ зеренъ и требовавшій подчистки серпомъ для того, чтобы можно было свободно ходить у стѣны.

Особенно хороши были овощи—картофель, горохъ, капуста, рѣдька, рѣпа. Послѣдняя мѣстами раздувалась до чудовищной величины, не меньше арбуза, и духоборы солили ее въ бураковомъ разсолѣ вмѣсто огурцовъ, которые плохо вызрѣваютъ въ этомъ прохладномъ климатѣ.

Первымъ селеніемъ на нашемъ пути было Терпѣніе Кипрское, которое называется такъ въ отличіе отъ другого Терпѣнія, лежащаго на Бѣлопесочной рѣчкѣ. Послѣднее, впрочемъ, теперь переименовано въ Надежду.

Первое Терпѣніе принадлежитъ къ Кипрскому околотку, населенному отдѣломъ духоборовъ, которые пытались поселиться на островѣ Кипрѣ, но потомъ были увлечены общимъ движеніемъ въ Канаду.

Терпѣніе — типичное духоборское село. Оно состоитъ изъ длинной улицы, обставленной съ обѣихъ сторонъ избами, съ баней и кузницей въ одномъ концѣ и группой общихъ строеній въ центрѣ.

Избы построены изъ дерева и тщательно вымазаны глиной и выбѣлены изнутри. Крыши покрыты дерномъ или соломой; вездѣ хорошія кирпичныя или желѣзныя печи, деревянные полы, иногда даже обои въ свѣтлой горницѣ.

Съ другой стороны, попадаются хаты съ глинобитными стѣнами и даже землянки, которыя были вырыты для первой зимовки и потомъ постепенно расширялись и приспособливались для дальнѣйшаго обитанія. Въ Терпѣніи землянокъ мало, но въ сосѣднемъ селеніи Петровкѣ почти половина жилищъ вросла основаніемъ въ землю.

— Привезли насъ сюда,— разсказывали петровцы,— комаръ густой неба не видно. Выкинули насъ на поле: живите! А у насъ ничего не было, кромѣ рукъ, т. е., даже палатокъ не было. Ну, мы нарыли землянокъ и стали жить, — рады хоть подъ землей дѣтокъ отъ комара укрыть...

— А теперь комаръ съ каждымъ годомъ убавляется, — прибавляли они, земля распахивается, пустошь выводится, и жить легче стало.

Впрочемъ, даже самыя невзрачныя землянки поражали своею чистотой. Глиняные полы были тщательно выметены, лавки блестѣли, какъ полированныя, на столѣ передъ обѣдомъ являлась чистая скатерть и рушники. Эта чистота выдѣлялась особенно пріятно по сравненію съ первобытными шалашами русинскихъ переселенцевъ, болѣе похожими на звѣриное логовище, чѣмъ на человѣческое жилье.

— Господи, — разсказывали мнѣ по этому поводу женщины изъ Терпѣнія, — какъ только живутъ галиціаны эти. Зашли мы однова къ

такимъ, — бабы избу ладятъ, мажутъ ее глиной, а сами онѣ черныя, какъ глина, и все на нихъ черное, какъ земля. А какъ заглянули мы внутрь, въ хату, такая она у нихъ низкая да тяжкая, смотрѣть на нее тяжко, не токма что жить въ ней. Подумаешь, избави насъ Господи отъ такой гнусной жизни!..

— Конечно, — прибавляли онѣ, — быть можетъ, что бѣдные они, мыла купить не на что. Но только и мы пришли сюда, у насъ ничего не было, и ѣли мы хлѣбъ да щавель, который на полѣ растетъ, а все же мы заробляли, покупали мыло, мылись, чистые ходили...

Дѣйствительно, въ отношеніи потребленія мыла и въ чистотѣ одежды и жилища духоборы стоятъ высоко и въ общемъ не уступаютъ англичанамъ.

Женщины привезли съ собой еще изъ Россіи много бѣлья и одежды и одѣваются очень опрятно, особенно въ нерабочее время; молодыя дѣвушки даже на полевыя работы выходятъ, какъ на праздникъ, во всемъ чистомъ и въ оригинальныхъ бѣлыхъ шляпахъ особаго духоборскаго покроя, обтянутыхъ полотномъ и обвитыхъ вѣнками искусственныхъ цвѣтовъ, связанныхъ изъ шерсти или сшитыхъ изъ узкихъ полосокъ цвѣтной ткани.

Село Терпѣніе было окружено со всѣхъ сторонъ разнообразными посѣвами, которые лежали въ одной межѣ и даже безъ всякой изгородки, ибо скотъ пасся совсѣмъ на другой сторонѣ за рѣкой и не могъ причинить вреда неогороженнымъ посѣвамъ. Какъ-то странно было видѣть рядомъ съ хлѣбомъ и льномъ огромныя полосы картофеля и капусты, которыя тоже назначались для общихъ надобностей и представляли такъ называемые зимніе огороды. Земля подъ нихъ была вспахана плугомъ, и уходъ за грядами совершался соединенными усиліями всего женскаго населенія деревни. Овощи съ этихъ огородовъ складывались въ общій амбаръ и составляли запасы для зимняго потребленія.

Помимо того, каждая семья имѣла на своихъ задворкахъ еще клочекъ огорода, который она воздѣлывала уже отдѣльно отъ другихъ. Этотъ огородъ назначался для лѣтняго потребленія, «изъ гряды въ горшокъ», по выраженію духоборовъ.

— Надо же при домѣ имѣть какой-нибудь уютъ, — объясняли мнѣ женщины.—Тутъ могутъ копаться дѣвочки, ребятенки, — все-таки занятіе для нихъ. А между прочимъ не очень ловко бѣгать за каждой рѣдькой на общій огородъ. Еще какой-нибудь старичекъ можетъ пообидѣться, что, дескать, разоряютъ гряды дѣвчонки наши...

Новая духоборская организація, при полномъ развитіи общиннаго производства, заботливо сохраняетъ семейный «уютъ» и не хочетъ создать ничего похожаго на казарму.

Какъ бы то ни было, лѣтніе огороды служили предметомъ особыхъ попеченій и у нѣкоторыхъ семей достигали такихъ размѣровъ, что больше половины сбора поступало опять-таки въ общій зимній запасъ. Кромѣ обыкновенныхъ овощей, повсюду поднимались кусты малины и дикой вишни, пересаженные прямо изъ лѣсу, въ надеждѣ, что они

дадутъ улучшенные плоды на перекопанной и удобренной почвѣ. Огромные подсолнухи качали надъ плетнемъ свои плоскія чаши, зерна которыхъ не вызрѣвали при этихъ раннихъ холодахъ. Мѣстами попадались даже разсады арбузовъ и тыквъ, хотя изъ за заморозковъ нельзя было надѣяться получить отъ нихъ ничего, кромѣ листьевъ.

— Хоть на листочки поглядимъ,—объясняли духоборы,— все-таки легче станетъ на душѣ...

Огурцы являлись предметомъ еще большихъ заботъ. При первой прогулкѣ по деревнѣ намъ пришлось, на половину поневолѣ, посѣтить десятокъ огородовъ, и каждая хозяйка, минуя пышныя зелени картофеля, гороха и рѣпы, непремѣнно подводила насъ къ двумъ-тремъ чахлымъ грядамъ и тщательно указывала намъ каждую мелкую завязь, которой, вѣроятно, не было никогда суждено достигнуть размѣровъ заправскаго огурца. Кой-гдѣ на углубленныхъ грядахъ, тщательно устланныхъ удобреніемъ и закрываемыхъ на ночь рогожами, огурцы успѣвали лучше, но въ общемъ духоборки горько жаловались на отсутствіе этого любезнаго русскому сердцу плода.

— Близокъ локоть, да не укусишь,—говорили онѣ.—Подъ Виннинегомъ вызрѣваетъ, какъ слѣдуетъ, а у насъ, поди-ка заморозки!.. Арбузы —пущай, и сѣмечки ничего, а безъ огурцовъ намъ досадно съ непривычки.

Другія, за отсутствіемъ настоящаго плода, крошили въ свой борщъ листья и цвѣты.

— Все-таки огуречнымъ духомъ пахнетъ,—объясняли онѣ покорнымъ тономъ,—поѣдимъ хоть цвѣтиковъ!..

Группа общинныхъ строеній имѣла довольно внушительный видъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ большой хорошо срубленный амбаръ съ нѣсколькими отдѣленіями. Въ одномъ были закрома, еще на половину наполненные разнообразнымъ зерномъ, несмотря на близость новой жатвы. Въ другомъ цѣлый уголъ былъ заваленъ мѣшками съ пшеничной мукой, смолотой на общинной мельницѣ въ селѣ Отрадномъ. Мѣшки были помѣчены печатнымъ клеймомъ Терпѣнія въ видѣ буквъ ТЕ. Такія клейма заведены для того, чтобы работники на мельницѣ могли легко разбираться съ очередями различныхъ селеній. Мѣшки крупчатки, привезенной изъ города, стояли особо. Тутъ же хранились соль, керосинъ, гвозди, даже чай и сахаръ, которые, впрочемъ, по общему безмолвному соглашенію, употреблялись только въ болѣе экстренныхъ случаяхъ.

— Пока не разбогатѣемъ,—шутливо объясняли жители.

Дальше слѣдовали просторныя конюшни, навѣсы для фургоновъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ, коровникъ съ загономъ для скота, наконецъ, зданіе общественныхъ мастерскихъ, гдѣ производились сапожныя, столярныя, слесарныя и токарныя работы. Токарные станки довольно сложнаго устройства были сдѣланы деревенскими мастерами, но теперь работы были пріостановлены. Почти все мужское населеніе ушло на заработки. Остались только старики и маломочные люди, изъ кото-

рыхъ иные копошились въ мастерскихъ, занимаясь починкой обуви и необходимой утвари.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ зданіе общественныхъ мастерскихъ служитъ для школьныхъ занятій зимой, а по воскресеньямъ также для молитвенныхъ собраній, но въ Терпѣніи школа и молитвенный домъ помѣщались въ обыкновенной жилой избѣ почище и побольше.

Терпѣнцы, впрочемъ, не могли думать объ улучшеніи своихъ построекъ. Вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ пограничныхъ селеній они собирались съ осени покинуть свои уже насиженныя мѣста и переселиться на новые участки въ глубинѣ духоборской территоріи.

Главной причиной, вызывавшей необходимость переселеній, была черезполосица, благодаря которой пограничныя села запахали чужіе участки или даже поставили свои усадьбы на не принадлежавшей имъ землѣ. Округъ, отведенный духоборамъ, заключалъ, какъ и повсюду въ Канадѣ, участки, отведенные правительствомъ для школьныхъ надобностей, и другіе, отмежеванные для Гудсонской торговой компаніи и для Тихоокеанской желѣзной дороги.

Гудсонская компанія получаетъ землю на основаніи старинной грамоты, пожалованной ей англійскими королями, а желѣзная дорога—соотвѣтственно договору о постройкѣ [1]) Въ началѣ переселенія духоборы получили отъ обѣихъ компаній обѣщаніе обмѣнять черезполосную землю; въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, они селились на чужой межѣ, несмотря на предупрежденіе и руководясь общимъ соображеніемъ, что «земля Божья» и что «отъ земной правительствы тутъ ничего не зависаетъ» Послѣ того начались трехлѣтнія недоразумѣнія духоборовъ съ правительствомъ изъ-за земельнаго владѣнія. Теперь, когда они, наконецъ, окончились, земля поднялась въ цѣнѣ,—обѣ компаніи уже относились болѣе ревниво къ своимъ правамъ и отказались произвести обмѣнъ.

Въ другихъ случаяхъ, перемѣна мѣста вызывалась желаніемъ общины уравнять всѣ села, правильнѣе распредѣлить ихъ въ частяхъ округа, назначенныхъ для земледѣлія, оставивъ пастбищныя мѣста свободными для общихъ стадъ.

Для этой цѣли нѣкоторыя болѣе многолюдныя села, какъ Надежда и Отрадное, должны были расколоться на-двое и даже на-трое; другія отдѣляли отростки, которые должны были присоединиться къ малолюднымъ селеніямъ и дополнить ихъ до установленнаго размѣра.

— У насъ рѣшили вообще,—разсказывали мнѣ духоборы, — новыя села заводить по сороку дворовъ и по сороку участковъ, и чтобы молодымъ не жить со стариками, развѣ самъ похочетъ. А по закону, какъ кто женится, получаетъ свою избу и все хозяйство...

Я спросилъ, почему, явилось это стремленіе къ крайнему раздробленію семей.

---

[1]) Въ Америкѣ при постройкѣ желѣзной дороги, правительство обыкновенно отдаетъ ей полосу незанятой земли вдоль линіи. Желѣзная дорога привозитъ переселенцевъ и продаетъ имъ землю втридорога.

— Очень просто,—объясняли духоборы,—какъ у насъ есть общее хозяйство, то намъ не надо другъ объ дружку безъ нужды шоркаться. А по нашему примѣчанію тѣ друзья лучше живутъ, которые рѣже видаются. Пускай же каждая женёнка имѣетъ свое гнѣздо и свое хозяйство...

Въ этомъ было новое развитіе началъ, которыя составляютъ основаніе русской земельной общины, и это новое развитіе было вызвано измѣненіемъ общественныхъ и хозяйственныхъ условій.

При общемъ земельномъ владѣніи и раздѣльномъ полевомъ хозяйствѣ, какъ въ русской общинѣ, крупная нераздѣленная семья является необходимостью, и семейные раздѣлы уменьшаютъ силу крестьянскаго хозяйства. Здѣсь, напротивъ, при общинномъ хозяйствѣ, раздѣлы потеряли свой вредный характеръ, и человѣческая личность поспѣшила немедленно заявить свои права и осуществить ихъ раздѣломъ на мелкія семьи, въ рамкахъ болѣе сложнаго и въ то же время болѣе свободнаго общиннаго устройства.

Какъ сказано, въ селеніи оставалось мало мужчинъ, и большая часть работъ совершалась руками женщинъ. Но духоборскія сестрицы жили очень дружно, дѣло спорилось у нихъ въ рукахъ, и благодаря выгодамъ общаго труда, онѣ даже въ эту пору, предъ началомъ страды, имѣли много досуга и отнюдь не должны были убиваться надъ работой «отъ свѣта до свѣта», какъ въ былое время, «на Русѣ».

— Хорошо вмѣстѣ жить,—говорили онѣ,—легко, заботы нѣтъ. Встанемъ утромъ, посмотримъ, еще солнышко на небушкѣ не очень высоко, слава тебѣ, Господи! Чего бы намъ, сестрицы, поработать? Пошли,—гдѣ прогуторили, гдѣ на пѣсняхъ пропѣли, а глядишь, все сдѣлали, что нужно.

Въ первый же вечеръ я былъ свидѣтелемъ общественнаго подоя коровъ. На высокомъ шестѣ, укрѣпленномъ надъ коровникомъ, былъ поднятъ бѣлый лоскутъ холста, который бабы шутя называли коровьимъ флагомъ. Это былъ знакъ подросткамъ, которые пасли скотъ за деревенской околицей, что пора пригнать коровъ къ вечернему подою. Минутъ черезъ пятнадцать стадо появилось на улицѣ, и молодые пастухи загнали его въ ограду. Послѣ прошлогоднихъ смятеній скота все еще было мало. Дойныхъ коровъ было всего двѣнадцать. Молоко отъ нихъ брали двумя смѣнами: сегодня—одна сторона улицы, а завтра—другая.

Доильщицы очередной смѣны выдоили коровъ, слили подой въ большую кадку, причемъ молоко было заботливо процѣжено, потомъ разлили его чашками въ принесенную посуду, по числу членовъ каждой семьи, и разослали по домамъ съ ребятишками. Работа эта была сдѣлана такъ же быстро и безшумно, какъ на хорошо устроенной молочной фермѣ. Доильщицы, впрочемъ, вовсе не хотѣли разсматривать дѣлежку молока, какъ вѣчное учрежденіе.

— Что-жъ дѣлать!—говорили онѣ снисходительнымъ тономъ,—поневолѣ приходится молочко ковшикомъ болтать, не то другіе-то ребятишки и вовсе бы насидѣлись безъ молока. Вотъ, дай срокъ, разжи-

вемся, справимъ каждой хозяйкѣ по коровѣ, тогда не придется переплескивать удой изъ чашки въ чашку.

Это было настоящее бабье царство. Къ моему изумленію, оказалось, что пытливость духоборскаго ума заразила и женщинъ, и что «сестрицы» во всѣхъ углахъ Духоборіи съ большимъ увлеченіемъ обсуждаютъ женскій вопросъ. Женщина въ Западной Америкѣ работаетъ меньше, чѣмъ въ Европѣ, и постоянно является предметомъ угожденій со стороны сильнаго пола. Такое положеніе естественно соблазняло духоборокъ, и онѣ настойчиво доказывали мужчинамъ необходимость послѣдовать примѣру окрестныхъ фермеровъ.

— Хорошо англичкамъ жить,—повторяли онѣ.—Полевой работы она не касается, только знаетъ, какъ ѣду сварить работникамъ да домъ управить. Даже лицо у нея не такое загорѣлое...

— Эхъ, кабы мнѣ жить, какъ англичкѣ!—воскликнула при мнѣ одна молодая «женéнка» въ порывѣ внезапнаго восторга,—я бы шапку объ землю ударила, все чисто разбила, да согласилась по ихнему жить. А что работниковъ, такъ я бы сорокъ работниковъ на смѣшкахъ управила.

— А по моему вашимъ мужикамъ приходится тяжелѣе,—возразилъ я.—Они на сторону уходятъ, и работа у нихъ трудная, все землю копать. А домашнимъ легче...

— Ну да, тяжелѣе!—быстро подхватила сестрица.—Небось, какъ еще у насъ скота не было, мы, бабы, на себѣ пахали и бороновали... То-то домашнимъ и легко. Это какъ сыновья тоже говорили отцу: «Батюшка, ты бы не ходилъ съ нами въ поле, ты усталый. Посиди дома, отдохнешь, да кстати погребъ выкопаешь»...

Кружокъ слушательницъ встрѣтилъ дружнымъ смѣхомъ неожиданную выходку.

— Такъ теперь вѣдь вы не пашете на себѣ!—отстаивалъ я свое мнѣніе.

— А ты радъ бы, небось, весь вѣкъ пахать бабами!—упрекнула меня моя противница.—Видишь, какой гладкій... Мы тоже не хуже англичекъ. А съ осени, вотъ посмотришь, перейдемъ на англицкое положеніе.

Распорядительный комитетъ духоборской общины, дѣйствительно, принялъ сторону женщинъ, и подъ его вліяніемъ послѣдняя съѣздка уполномоченныхъ постановила при первой возможности избавить ихъ отъ участія въ полевыхъ работахъ.

— Петръ Васильевичъ заказывалъ,—съ гордостью передавали духоборки,—попросите отъ насъ сестрицъ, пусть это лѣто еще потрудятся, погребутъ сѣнцо. А съ будущаго года мы ихъ ничѣмъ не будемъ безпокоить, а заведемъ конныя грабли...

Вообще значеніе женщинъ у духоборовъ непрерывно возрастаетъ. Въ прежніе годы нравы не отличались особою мягкостью, и мужья по исконному обычаю нерѣдко учили женъ кулаками и даже кнутомъ. Теперь подобные пріемы совершенно вывелись, и даже въ обращеніи

съ дѣтьми тѣлесное наказаніе примѣняется рѣже и рѣже. Женщины принимали самое дѣятельное участіе въ исканіи свободнаго пути. Теперь стали раздаваться рѣчи, что нужно дать женщинамъ право голоса на сходахъ и даже право быть избираемыми въ уполномоченные на съѣздку.

По этому поводу мнѣ приходилось слышать любопытные споры между стариками, оставшимися въ деревнѣ, и женщинами, составлявшими въ данную минуту большинство населенія.

— Какъ же это?—спрашивали старики.—Слыханое ли дѣло, чтобы

Женщины тянутъ плугъ.

собственная родная жена пошла противъ моего касательства, на сходѣ то есть? Какъ же это не обида?

— Какъ собственная?—возражали бабы.—Такъ, вѣдь, и объ лошади говорить нельзя. Не собственная, а Божья.

— Мужъ и жена—одно тѣло, одна душа, одинъ голосъ!—сентенціозно заявляли старики...

— Мужъ и жена—два разные человѣка,—настаивали бабы,—могутъ у нихъ быть два разные голоса...

Неудивительно, что женщины, особенно помоложе, являются самыми ревностными сторонницами новаго устройства, которое относится такъ бережно къ ихъ семейному уюту и обѣщаетъ имъ дать новыя права.

Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, гдѣ по поводу послѣднихъ нововведеній возникло раздѣленіе въ зажиточныхъ семьяхъ. Отецъ и старшіе сыновья не желали вступить въ новую общину, ибо приходилось отдавать въ общее владѣніе уже нажитое, довольно значительное, добро. Мужчины доказывали, что гораздо удобнѣе выселиться изъ деревни и взять участокъ на сторонѣ, въ личную собственность. Но женская часть семьи, съ матерью во главѣ, объявила, что не желаетъ уходить на сторону и отдѣляться отъ односельчанъ, и мужчинамъ пришлось подчиниться.

Перенесеніе селъ должно было начаться осенью, и подготовительныя работы дѣятельно производились по всей линіи. Часть молодыхъ дѣвушекъ и около десятка мужиковъ, изъ числа оставшихся дома уже второй мѣсяцъ жили за тридцать верстъ въ полѣ на облюбованномъ мѣстѣ. Они расчищали площадь, назначенную подъ усадьбы, и планировали зданія; въ особенности же они занимались приготовленіемъ огородовъ и распахиваніемъ полей въ будущей околицѣ деревни. Сельчане, впрочемъ, говорили безъ особаго сожалѣнія о необходимости покинуть свои усадьбы и огороды.

— Что это за стройка,—говорили они,—мы не такія избы будемъ ставить. Заведемъ свой кирпичный заводъ и станемъ строить кирпичные дома, а крыть будемъ жестью, по англійски: не то черепицу станемъ дѣлать, еще здѣшнихъ англиковъ будемъ учить, потому у нихъ не водится черепицы...

— На новомъ мѣстѣ и порядки заведемъ новые,—прибавляли бабы,—къ примѣру, насчетъ одежи. Какъ мы жили въ старомъ свѣтѣ, и былъ такой порядокъ, что одежа въ сундукахъ. Выдаютъ замужъ дѣвку, у ней пятнадцать рубахъ и тридцать юбокъ. Говоритъ: надѣну и эту бабушкину юбку, — все это такое лежалое! А мы будемъ шить и вѣшать на стѣну и тутъ же носить, но только не старое и не лежалое, а новое и свѣжее.

— Работать будемъ нѣсколько времени,—мечтали онѣ,—и все дружно, въ родѣ какъ пожарная команда, а болѣе будемъ праздновать. Большихъ богатствъ заводить не будемъ, а только что намъ нужнее для жизни. А если будетъ лишекъ, то какъ насъ люди вызволяли изъ бѣды изъ неволи, дай Богъ намъ такъ же платить, хоть и не тѣмъ самымъ, такъ другимъ бѣднымъ людямъ...

Сестрицы разсказывали мнѣ множество забавныхъ случаевъ изъ временъ своего перваго знакомства съ англичанами.

— Какъ пріѣхали мы сюда,—говорили онѣ,—стали наниматься къ англикамъ на заработки, ничего по ихнему не понимаемъ. Намъ говорятъ: сядь, а мы стоимъ. Тутъ и смѣху, и горя, всего было. Вотъ такъ то и пошла наша деревенская, Маня Шитикова, къ англичкѣ яицъ просить, никакъ не можетъ ей объяснить. Ужъ она и камушекъ круглый поднимаетъ и показываетъ ей,—все ничего не беретъ. Нечего ей дѣлать, положила камушекъ, сѣла на него и давай: кудкудахъ, кудкудахъ! Сейчасъ фармистка поняла и принесла ей яицъ...

Здѣсь не то, что люди, а даже и птицы въ полѣ поютъ не по-нашему, а по-англійски. Къ примѣру взять скворца, видомъ совсѣмъ какъ у насъ, а начнетъ выводить, ничего у него понять нельзя,—по-англійски видно. Или хотя бы лошади. Сколь хорошо научены, а по-пашему не понимаютъ. Къ примѣру, скажи ей: назадъ; она и не шелохнется а скажи-ка ей бякъ (back), она сейчасъ начнетъ пятить. Поневолѣ и мы стали съ ними переучиваться по-здѣшнему. Теперь вмѣсто тппру кричимъ: гау-гау (whoa), какъ собаки гавкаютъ, а сказать лошади но! намъ и самимъ чудно, это вѣдь по-здѣшнему: нѣтъ.

Въ общемъ сестрицы хвалили канадскій просторъ, но жаловались на свое незнакомство съ подробностями окружающей ихъ природы.

— У насъ на Кавказѣ,—говорили онѣ,—мы знали каждую птичку и каждую травку, что и къ чему, а здѣсь нѣту того. Напримѣръ, есть здѣсь желтенькая птичка, въ родѣ какъ чижикъ, а опять и отмѣнная, а какъ назвать ее, не знаемъ. Или попадаются травы всякія, будто и похожія на наши, какой въ нихъ толкъ, не понимаемъ настояще, да еще и боимся собирать. Стали-было .брать грибы,—самая подходящая для насъ ѣда,—а доказалось, что здѣшніе грибы попадаются очень опасные, объѣдистые. Какъ объѣстся ихъ человѣкъ, сейчасъ начинаетъ бѣситься, скакать, грохотать и на стѣны лѣзть. Мы имъ потому и имя дали: грибы грохотунчики.

Жизнь этихъ людей, очевидно, требовала полнаго сліянія съ природой. Оно было нарушено переселеніемъ и еще не могло возсоздаться на новой почвѣ въ такой сравнительно короткій четырехлѣтній срокъ.

Объ англійскихъ сосѣдяхъ духоборскія сестрицы вообще отзывались съ большой похвалой.

— Твердые люди, скромные, уважительные, женщину не обидятъ, не обмошенничаютъ. Работать мастера, на выдумку горазды, можно сказать, что лучше и чище всякаго другого народа.

— Они насъ тоже очень одобряли,—разсказывали духоборки.—Даже такіе были, что сватались къ нашимъ дѣвушкамъ, сколько напирали, но только наши не пошли.

— А почему не пошли?—полюбопытствовалъ я.

— Можно ли отказаться отъ своего кореню и пойти въ чужевѣріе, —сдержанно возражали духоборки.—Они вотъ и мясо ѣдятъ, водку пьютъ, табаки раскуриваютъ. А по нашему все это—грѣхъ. Даже пословица говорится: кто не куритъ табачекъ, тотъ хорошій мужичекъ, а кто куритъ табаки, тотъ подобенъ собакѣ...

Особенно поражало ихъ превосходство англійской грамотности.

— Какіе эти англики ученые,—удивлялись онѣ,—охотники читать газеты. Нашъ, конечно, только азы вытвердилъ, а, бе, ве, онъ не могетъ такъ читать, чтобы прямо съ глазъ, у него въ умъ не входитъ. А англикъ не шепчетъ, прямо глазами смотритъ.

— И такъ мы подивовались на нихъ. Сидятъ они всѣ, читаютъ и другъ-дружкѣ не разсказываютъ. Одинъ посмотритъ и другому отдаетъ, и такъ всѣ узнаютъ, чего было. А нашему и на умъ не идетъ читать

столько. А у нихъ все пишутъ на газетахъ, чего бы кто ни придумалъ, о землѣ или о скотѣ, или о машинахъ, а потомъ другіе прочитаютъ и знаютъ.

VIII.

Крестовый походъ.

Въ жизни села Терпѣнія была и другая, совершенно неожиданная сторона. По временамъ сквозь бодрую, трудовую радость этой спокойной селчской жизни, которая налаживалась такъ просторно и сыто, съ про-

Крестовый походъ.

хладой и достаткомъ и съ одинаковымъ удобствомъ для утробы и для души, вдругъ пробивалось настроеніе до такой степени непохожее, что трудно было даже повѣрить, что одни и тѣ же люди способны совмѣстить въ своей душѣ столь несогласныя между собою чувства.

Настроеніе это, видимо, шло на убыль, и въ дневные часы подъ давленіемъ обычныхъ заботъ о запашкѣ и о прошлогоднемъ картофелѣ оно уходило вглубь и становилось незамѣтнымъ. Но вечеромъ или въ праздникъ, когда мужчины и женщины собирались вмѣстѣ у какой-нибудь завалинки, оно поднималось наружу, начинало медленно разгораться и снова превращало этихъ спокойныхъ работниковъ въ «искателей слободнаго пути», которые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сдѣлали

отчаянную попытку «оторваться отъ земнаго и подняться къ небесному». Въ это время глаза терпѣнцевъ загорались уже знакомымъ мнѣ холоднымъ и свѣтлымъ блескомъ; и они опять заговаривали о подданствѣ, въ которое *онъ* хочетъ уловить ихъ *обчину*, чтобы поставить свой уставъ выше небеснаго закона. На утро настроеніе измѣнялось, и терпѣнцы отзывались о своихъ недавнихъ подвигахъ уже со снисходительною улыбкой: «Надо всего попробовать!—говорили они.—Вотъ сходили, посмотрѣли мѣста. Хоть насъ вѣтромъ пообдуло. Не чѣмъ колодой на мѣстѣ лежать».

Душевное состояніе жителей села Терпѣнія напомнило мнѣ струю раскаленной каменной лавы, которая вытекла изъ вулкана,—снаружи остыла и покрылась холодною корою и уже принимаетъ первыя цѣпкія сѣмена дорожныхъ травъ, между тѣмъ какъ въ нѣдрахъ ея еще таится бѣлокалильный жаръ и порою пробивается наружу сквозь случайныя трещины.

Я имѣю въ виду такъ называемый крестовый походъ въ Виннипегъ, о которомъ уже упоминалъ раньше. Кипрскій околотокъ составлялъ главную силу этого страннаго движенія, и село Терпѣніе стояло во главѣ кипрцевъ и ушло въ походъ все цѣликомъ — съ женщинами и дѣтьми,—оставивъ въ покинутыхъ жилищахъ только двухъ «несогласныхъ» мужчинъ, которые говорили: «Намъ темно! Мы не видимъ, куда итти!».

Только на Сѣверномъ Участкѣ, благодаря вліянію и примѣру Николая Зибарова, были такіе же случаи поголовнаго единодушія, увлекавшаго цѣлыя села. Въ другихъ поселкахъ населеніе обыкновенно раскалывалось на двѣ неравныя части: большинство колебалось, но оставалось дома, не имѣя силы оторваться отъ уже насиженныхъ мѣстъ; меньшинство отдавалось теченію и уходило «на проповѣдь».

Это настроеніе подготовлялось много мѣсяцевъ, но явилось совершенно внезапно, почти непроизвольно. «Зовъ слова пришелъ сразу,— разсказывала мнѣ одна изъ участницъ похода. — Вечеромъ картошки чистила, а утромъ вдругъ слышу голосъ, что никакъ нельзя оставаться, надо итти»... Увлеченіе перебрасывалось изъ селенія въ селеніе, какъ горящая струя пороха, и заражало цѣлыя толпы. Семьи распадались: жены бросали мужей, даже мальчики-подростки уходили отъ родителей и присоединялись къ походу. Въ одномъ селеніи, у Громовой Горы, старая, восьмидесятилѣтняя старуха, ходившая на двухъ костыляхъ, выразила желаніе сопровождать «проповѣдниковъ» и настояла на своемъ, несмотря на всѣ уговоры. «Вы оставайтесь, если хотите, — заявила непреклонная старуха,—а я пойду, хоть бы одна, а не пойду, такъ поползу на колѣнкахъ». Въ другихъ случаяхъ не только старики, но даже люди, совершенно больные и немощные, выразили желаніе участвовать въ походѣ. «Проповѣдники» сдѣлали для нихъ носилки и понесли ихъ съ собою съ ночлега на ночлегъ. Двѣ женщины въ послѣднемъ періодѣ беременности тоже не захотѣли отстать отъ другихъ. Одна изъ нихъ родила на первомъ же ночлегѣ. На утро ее положили на носилки вмѣ-

стѣ съ ребенкомъ и понесли впередъ. Къ вечеру ребенокъ умеръ отъ холода и истощенія, и духоборы закопали его въ лѣсу, но женщину они донесли до города Іорктона, гдѣ произошла ихъ первая встрѣча съ англійскими властями.

Странное и поразительное зрѣлище должно было представлять это духоборское шествіе. Всего «проповѣдниковъ» собралось около 1,700 человѣкъ, въ томъ числѣ больше половины женщинъ и дѣтей. Были послѣдніе дни октября, погода стояла мокрая, холодная. Иногда подъ утро прихватывалъ крѣпкій заморозокъ и выпадалъ легкій и летучій снѣжокъ. Духоборы шли въ шубахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ; женщины

Крестовый походъ.—Носилки съ больными.

несли на рукахъ грудныхъ младенцевъ и вели за собою малолѣтковъ. При выходѣ изъ селеній многіе взяли съ собою запасное платье, но съ перваго же ночлега, движимые желаніемъ исполнить извѣстное евангельское правило,—не берите съ собой по двѣ одежды — побросали все лишнее прямо на полѣ. «Цѣлую версту устлали своими котомками,— разсказывали мнѣ духоборки.—Даже молоденькіе ребятишки тоже захотѣли Богу порадѣть: сняли съ себя подсумочки, у кого что было, да и понавѣшали по лѣсинкамъ. Ну, только іорктонское правительство на третій день прислало старшаго. Онъ большую часть обобралъ, привезъ въ городъ и положилъ въ сохранность; потомъ вмѣстѣ съ нашимъ скотомъ съ аукціона продали, а кое-которые подобрали «индѣйки» по-

слѣ насъ, а иное, пожалуй, и теперь лежитъ, сказываютъ, кто ѣдетъ, находитъ временемъ,—уже изгнило совсѣмъ».

Еще больше затрудненій оказалось съ обувью. Почти всѣ пилигримы отказались отъ кожаной обуви, «причастной убійству скота». Многіе носили резиновыя калоши, другіе надѣли веревочные лапти. Нѣкоторые шли просто босикомъ, несмотря на холодъ и грязь. Но тяжелѣе былъ недостатокъ пищи. «Мы шли три дня не ѣвши», — разсказывала мнѣ Пелагея Казакова, хозяйка «перваго дома съ краю» въ селѣ Терпѣніе, куда я заѣхалъ по совѣту Вани Подовинникова. Она принимала въ движеніи самое дѣятельное участіе и вмѣстѣ съ мужемъ и дочерью ушла во главѣ своего села.—«Шли не ѣвши, — говорила Пелагея, — а такъ легко, будто каждый день ѣдимъ. Я Петюшку за руку вела, и былъ у меня въ пазухѣ кусокъ хлѣба, такъ ему давала чутокъ, чтобы онъ не сомлѣлъ. А сама такъ. И было намъ знаменіе, райдуга передъ нами большая и такая теплота, сухость, и только когда нашихъ загнали въ Минетозѣ, сразу настала зима...»

Я много разспрашивалъ о причинахъ этого замѣчательнаго движенія, и разсказы духоборовъ освѣщали его съ разныхъ сторонъ.

— Главное дѣло, англики привязку стали дѣлать,—говорили «проповѣдники»,—къ примѣру, насчетъ земли. Какъ мы писали канадскому правительству, просили ихъ, что мы—особенные люди, намъ надо слободную землю. А они сказали: «у насъ Канада—самая слободная земля». А потомъ, какъ дошло дѣло до отрѣзки, они говорятъ: «у насъ законъ такой, чтобы примать землю по фермамъ въ розницу». А мы отозвались къ нимъ, что мы не могемъ это сдѣлать такъ, по-ихнему, а что мы хотимъ примать землю на обчинъ. А они объяснили къ намъ, что у насъ, молъ, одинъ законъ отъ океану до океану и для васъ не станемъ ломать свой законъ. Сколько времени прошло, и они къ намъ прислали бумагу, что если не станете жить по подпискѣ на всѣхъ нашихъ правахъ, то земли подъ вами слободныя.

Дѣйствительно, въ январѣ 1902 года была разослана по всѣмъ духоборскимъ селеніямъ слѣдующая замѣчательная бумага, произведеніе искусства русско-галиціанскихъ переводчиковъ. Я привожу ее въ точной копіи съ подлинника:

«*Публичное замъчаніе*».

«Намѣреніе, для которыхъ земли, принадлежащіе канадскому правительству внутри таншиповъ, которыя были сохранены для того, чтобы дать Духоборскимъ поселенцамъ избрать подходящіе гоумстеды (фермы) и мѣстоположенія для своихъ колоній, разсудилось, что вполнѣ выслужено, такіе поселенцы помѣстили свои села и заняли нѣкоторыя части земли. Но такъ какъ многіе и до сихъ поръ не распорядились занять гоумстеды по законнымъ условіямъ, правительство рѣшило дальше не продолжать резервъ и земли вышесказанныя, которыя не были записаны ни за кѣмъ, будутъ въ послѣдующія числа открыты для общественнаго

гоумстеда или для какого-нибудь другого расположенія, какое правительство можетъ рѣшить.

«Духоборцы, интересующіеся симъ, возвѣщаются, что занятіе ихъ особыхъ гоумстедовъ, должно быть сдѣлано съ Агентомъ земель Владѣнія той области; кто же не успѣлъ исполнить это, земли будутъ открыты для занятія желающими».

«По приказу Ж. Д. Книзъ, секретарь департамента внутреннихъ дѣлъ. Отава».

Однако, содержаніе этого удивительнаго «замѣчанія», похожаго на безграмотное солдатское письмо, было совершенно ясно. Канадское правительство требовало пріема участковъ въ казну и грозило иначе объявить духоборскія земли свободными для всѣхъ новыхъ переселенцевъ.

«А,—сказали духоборы, — *онъ* намъ грозитъ; думаетъ, намъ нѣту ходу; думаетъ, уже завладалъ. Коли вы такъ отбираете отъ насъ землю, нате вамъ и дома, и все хозяйство, а мы пойдемъ, куда поведетъ насъ Богъ».

Въ этомъ лежалъ главный корень духоборскаго недовольства. Нѣкоторыя подробности канадскихъ законовъ тоже сильно смущали духоборовъ, напр., запись браковъ, рожденій и смертей и, въ особенности, налогъ въ 2 доллара, который взимается въ Канадѣ съ каждаго брачнаго свидѣтельства.—Зачѣмъ все это?—говорили духоборы.—Если это—статистика, чтобы счетъ узнавать, то это не противно Божьему закону, но если это — плата для порабощенія, то это не гоже. Какъ *онъ* для своей выгоды собираетъ деньги, все равно какъ скотъ держитъ и продаетъ, то мы на это не согласны».

Еще болѣе возмутительнымъ казалось духоборамъ канадское обязательство обращаться по бракоразводнымъ дѣламъ къ англійскому судьѣ. «Какое ему дѣло! – негодовали они. — Этого и въ старомъ краю не было!»

Духоборы признаютъ, что въ брачныя дѣла никто не долженъ вступаться. Юноши и дѣвушки вступаютъ въ бракъ по собственному выбору, и даже родители не имѣютъ права вмѣшиваться, хотя бы совѣтомъ.—Это не родительское дѣло—говорятъ духоборы—не имъ вмѣстѣ жить. Вопросъ о разводѣ въ сущности не имѣлъ особой важности, ибо въ послѣдніе четыре года Духоборія имѣла только одинъ случай развода, но духоборы твердо стояли на своемъ.

«Объясните намъ, въ чемъ ваше подданство?—недовѣрчиво спрашивали они канадскихъ агентовъ.—Быть можетъ, въ томъ, чтобъ у правительства ноги мыть, или сапоги чистить, то это намъ подходитъ. А если, напримѣръ, убивство или еще какая-нибудь *человѣченская* часть, то мы на это не соизволяемъ».

Агенты, однако, не могли дать имъ удовлетворительнаго отвѣта, ибо въ Канадѣ не было «подданства», а было «гражданство». Но Духоборы по старому примѣру «на Русѣ» знали только самое суровое поддан-

ство. И потому они относились подозрительно и къ канадскому гражданству.

Повліяло также и разочарованіе многихъ духоборовъ въ климатѣ новоизбранной ими страны. Когда они подымались со своихъ насиженныхъ гнѣздъ, между ними ходили слухи о теплыхъ земляхъ, о молочныхъ рѣкахъ съ кисельными берегами. Теперь Канада показалась имъ слишкомъ прохладною и не соотвѣтствующей ихъ идеалу райской, *эденской* жизни. Когда «проповѣдники» пришли изъ Духоборіи въ Іорктонъ, женщины обступили старика Mac Creary, поземельнаго агента, который вообще прекрасно ладилъ съ переселенцами, и прямо стали требовать: «Дай намъ теплыя земли, гдѣ яблоки растутъ!».

«О, и бѣда была съ нами Макрерѣ!—разсказывала Пелагея.—И смѣхъ, и грѣхъ... Чуть онъ не расплакался надъ нами. Снимаете,—говоритъ,—вы съ меня голову. Онъ кричитъ: «Куда вы пошли? Идите домой, замерзнете! А мы шумимъ: «Не пойдемъ: земля холодная, даже огурцовъ не родитъ, только одна рѣдька. Мы мяса не ѣдимъ, намъ такъ невозможно!... Везите насъ въ теплую страну, гдѣ фрукты родятся!» А онъ говоритъ: «Гдѣ же я вамъ возьму? Если бы у меня было, я бы далъ вамъ, даже каждую изъ васъ самъ втолкнулъ бы туда. Идите домой, говоритъ, приходите лѣтомъ, не станемъ держать васъ, отпустимъ, куда хотите»... Совсѣмъ умаяли старичка, чуть ли не отъ этого онъ и умеръ въ скорости. А между тѣмъ въ тотъ же вечеръ послалъ закупать яблоки по всѣмъ іорктонскимъ лавкамъ. Смотримъ, несутъ къ намъ погодя двадцать ящиковъ. «Вотъ,— говоритъ,— вамъ яблоки, сколько нашлось въ нашемъ городѣ».

Волненіе началось раннею весной, тотчасъ же послѣ присылки бумаги отъ г. Кинза изъ Отавы. По обыкновенію духоборовъ въ каждомъ селеніи люди стали ежедневно собираться вмѣстѣ и вести бесѣду о томъ, какъ лучше «отыскать путь на свободу». Люди, болѣе увлекающіеся, соединялись въ небольшія кучки и переходили изъ селенія въ селеніе, ведя безконечные споры по главнымъ вопросамъ духоборскаго вѣроученія. Они развивали духоборское ученіе до его крайностей и доказывали, что лучшее средство для борьбы съ г. Кинзомъ состоитъ въ самоосвобожденіи. Для этого нужно снять съ самого себя иго тѣлеснаго грѣха, «сбросить физику», какъ выражались толкователи, и попутно свергнуть ярмо со всей окружающей твари, въ особенности же съ рабочаго скота. Большинство слушало эту проповѣдь, вздыхая, и оставалось при своемъ, не рѣшаясь отказаться отъ «физики» и отъ рабочихъ лошадей. Меньшинство постепенно объединялось и настаивало на своемъ. Въ августѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, разномысліе превратилось въ разрывъ. «Проповѣдники» выдѣлили свою часть скота во всѣхъ селеніяхъ и отпустили его на свободу. Мѣстами не обошлось безъ ссоръ, но въ общемъ раздѣлъ совершился довольно мирно. Во многихъ селеніяхъ «проповѣдники» предлагали большинству взять на себя весь скотъ и отвѣтственность за него. Большинство упорно отказывалось. «У насъ самихъ

умъ надвое, — говорили они. — Мы не знаемъ, что еще будемъ дѣлать со своею частью».

Дарованіе свободы скоту сопровождалось нѣкоторою торжественностью. Освобождаемыхъ коровъ и лошадей собрали изъ разныхъ селеній въ одно мѣсто, гдѣ былъ устроенъ огромный загонъ. Тутъ ихъ стерегли и кормили нѣсколько дней. Потомъ толпа «искателей слободы» съ пѣніемъ псалмовъ прогнала скотъ въ лѣсъ на послѣднее разставанье.

— А лошади идутъ такія понурыя, — простодушно разсказывали бабы, — повѣсили головы до самой земли. Въ лѣсу хозяева стали прощаться со своимъ скотомъ: «Прощайте, наши кормильцы! — говорили они.—Спаси васъ Господи за то, что поили насъ, кормили, помогали намъ работать,—и кланялись въ землю. И лошади тоже кланялись,— прибавляли бабы.

— Послѣ того пришли домой,—разсказывали мнѣ участники,—есть въ насъ чувство, что невозможно жить дольше, то мы и пошли прочь.

Дѣйствительно, почти тотчасъ же послѣ освобожденія скота партія духоборовъ явилась въ Іорктонъ и подала переселенческому агенту письменное заявленіе о томъ, что, не считая возможнымъ угнетать скотъ работой, они отпустили его на волю и теперь просятъ правительство принять мѣры къ тому, чтобы онъ не пропалъ съ голоду. «Самое лучшее, — наивно прибавляли духоборы,—перевезти его на теплые океаническіе острова, гдѣ бы онъ могъ невозбранно размножаться безъ людей и хищныхъ звѣрей».

Агентъ немножко поспорилъ съ духоборами, стараясь доказать имъ отъ Писанія, что лошадь именно назначена для сѣдла, а быкъ — для плуга. Переубѣдить духоборовъ онъ не сумѣлъ и послѣ того, недолго думая, отправился на мѣсто дѣйствія съ понятыми и, собравъ весь скотъ, разбредшійся по лѣсамъ, пригналъ его въ городъ. Вмѣсто океаническихъ островoвъ скотъ было проданъ съ публичнаго торга, и вырученныя деньги, около 16-ти тысячъ долларовъ впослѣдствіи очень пригодились для духоборской общины. Всего было отпущено на свободу болѣе 500 штукъ крупнаго скота, не считая овецъ. Изъ нихъ агентъ собралъ немного менѣе трехъ съ половиной сотенъ, остальныя пропали безслѣдно,—по всей вѣроятности, попали къ сосѣднимъ фермерамъ-галиціанамъ и къ кочевымъ «индѣямъ».

Однако, «искатели слободы» отнеслись съ большимъ негодованіемъ къ этой непрошенной опекѣ. «Зачѣмъ вы забрали нашъ скотъ?—говорили они агенту. — У васъ какое наказаніе полагается за кражу? Небось, штрафъ да тюрьма, и до того доходитъ, что и вѣшаютъ. Значитъ, у васъ законъ только для одной стороны, а не для другой».

Тѣмъ не менѣе жизнь безъ скота, какъ сознавали сами «искатели», стала совершенно невыносимой. Полевая уборка кончилась, но около хозяйства было много работы. Нужно было возить дрова и бревна для построекъ, ѣздить въ городъ за покупками, распахивать съ осени новую пашню. Все это теперь приходилось исполнять собственною человѣческою силой вмѣсто лошадиной.

«Со скота сняли ярмо, — стали говорить «искатели», — да сами на себя и надѣли».

Дѣйствительно, «искатели» волочили на себѣ плугъ и даже ходили въ городъ съ возами, запрягаясь по десяти лямокъ въ одну повозку, но взрывъ приближался, и было очевидно, что въ видѣ единственнаго выхода изъ невыносимаго положенія явится попытка массового бѣгства куда-нибудь, куда глаза глядятъ.

Вмѣстѣ со скотомъ многіе изъ искателей отказались также и отъ употребленія денегъ. Одни просто выбрасывали ихъ на дворъ, въ сорную яму. Другіе приходили въ городъ и отдавали ихъ начальству, говоря: — «Намъ не нужны эти пестрыя бумажки. Возьмите ихъ, это ваше!» Часть этихъ денегъ тоже отыскалась впослѣдствіи и была присоединена къ духоборскому капиталу.

Наконецъ, важнымъ поводомъ къ походу на Виннипегъ была жажда проповѣди, потребность въ учительствѣ, которая почти непроизвольно изливается изъ каждаго новаго религіознаго или общественнаго ученія. Недаромъ искатели «слободы» охотнѣе называли себя «проповѣдниками» и все движеніе «походомъ на проповѣдь». Переселеніе изъ Россіи въ Америку всколыхнуло духоборскую общину до самаго дна, и ея душевная сила вышла изъ спокойнаго состоянія и стала стремиться къ дѣйствію. Духоборы измѣнили самое названіе своего ученія и стали называть себя христіанами всемірнаго братства, и уже это имя заявляетъ притязаніе на возможно широкое распространеніе. Вмѣсто своего прежняго ученія о маломъ, но избранномъ духоборскомъ народѣ, который вмѣщаетъ въ себѣ святость всей земли, духоборы заговорили о томъ, что нужно нести законъ во всѣ концы земли и во всѣ народы. Даже теперь, послѣ разгрома искателей, эта мысль все еще крѣпка среди бывшихъ приверженцевъ «проповѣди»

— Ты спрашиваешь, зачѣмъ ходили въ Минетозу? — говорилъ мнѣ въ селѣ Надежда старикъ Аѳанасій Зорчаковъ, одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ типовъ всей Духоборіи,—А вотъ, къ примѣру, если я теперь помру, станетъ Господь спрашивать: «Ты зналъ Божій законъ?» — Я скажу: хоть трошки (чуть-чуть) зналъ. — «А какой законъ?» — Не пейте вина, не курите трубку, не убивайте, любите другъ-друга. — «А отчего же ты братьямъ не сказывалъ?»—Я ходилъ, сказывалъ.—«А они отчего не послухали?—А я почемъ знаю? Значитъ, моя оправданія...

— Мы ходили для спасенія своихъ дѣтей,—объяснилъ мнѣ другой духоборъ.—Потомъ, если наши дѣти станутъ дѣлать шалости или неправду, обманывать, пьянствовать, станутъ имъ люди говорить: «Ахъ, вы такіе-сякіе, ваши отцы проповѣдники были, а вы мошенники!» — Какъ у насъ былъ старичекъ, говоритъ: «Вы сперва изъ рѣчки выхлебайте юшечку, потомъ будете ѣсть рыбку»...

— А можетъ и довольно нашего подвига,—наивно признавался мнѣ еще одинъ духоборъ въ своихъ сокровенныхъ мысляхъ.—Какъ мы походили и пострадали, то, можетъ, мы и заступили сколько - нибудь за всѣхъ людей. Какъ Христосъ тоже пострадалъ и заслужилъ за всѣхъ

людей. Вотъ теперь мы перестали, а потомъ опять нѣсколько людей пойдутъ по такому пути, а все вмѣстѣ и скопится...

Англичане, однако, не хотѣли и слышать о духоборческой проповѣди.

— Они все спрашивали насъ, куда вы идете и зачѣмъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ. — Мы идемъ въ міръ, въ жизнь. Какъ будетъ второе пришествіе Христово, то мы хотимъ приготовить прежде, потому потомъ ужъ будетъ поздно, какъ человѣкъ грѣхами скованъ... А они говорятъ: «Вы не Христы, вы народы. Вамъ нельзя такъ, вамъ надо исполнить земной законъ». — А мы говоримъ: Мы прочли жизнь Христа и хотимъ исполнить все, какъ могемъ. — А они говорятъ: «Этого теперь не будетъ, это будетъ, можетъ, черезъ тысячу лѣтъ».—А мы говоримъ: Нашъ законъ живой, онъ духъ Бога живаго, онъ живой и безсмертный...

Какъ бы то ни было, духоборы относились серьезно къ своей задачѣ и дѣлали попытки проповѣди во всѣхъ поселеніяхъ, лежавшихъ по ихъ пути.

— Мы шли на двѣ партіи,—разсказывала мнѣ Пелагея,—кипрскіе вмѣстѣ, а сѣверные тоже вмѣстѣ. Вотъ какъ станемъ подходить къ какому селу, сейчасъ построимся и начинаемъ заводить псалмы. Мы, кипрскіе, запоемъ нашъ любимый псаломъ:

«Тебѣ ради, Господи,
Возлюбили ворота тѣсныя,
Тебѣ ради, Господи,
Покинули весь родъ и племень свой!»

— А сѣверные заведутъ:

«Не пора ли тебѣ, Сіонъ,
Отправиться въ походъ?
Время тебѣ, Сіонъ, выйти,
Отъ ужасной сей грозы!..»

— А мы, словно отзываемся:

«Тебѣ ради, Господи,
Живу въ тѣснотѣ и въ гоненіи;
Тебѣ ради, Господи,
Терплю я хулы и поношенія...»

— Да такъ и проходимъ съ пѣніемъ сквозь село. Ну и англики тоже разно. Которые выходятъ къ намъ навстрѣчу и подаютъ милостыню, а которые запираются на замокъ.

— Потомъ придемъ на главную площадь,—кто по-англійски умѣетъ, выходитъ впередъ, начинаетъ проповѣдь. Говоритъ: «Знаете ли вы ученіе Христа?»—А они говорятъ: «Знаемъ!»—А онъ говоритъ: «Бѣдному помоги, голаго одѣнь, голоднаго накорми,—вотъ все ученіе Христа!»—А они кричатъ: «Мы это чище васъ знаемъ. Мы читали!» А онъ гоговоритъ: «Знаете, такъ почему не исполняете? Идите съ нами!..»

Или, напримѣръ, мы станемъ имъ говорить: «Отчего же вы намъ милостыню не подаете? Мы голодные, и мы ваши братья».—«Такъ ты бы,—говорятъ,—пришелъ бы одинъ или двое, а то васъ цѣлая толпа.

У насъ этакъ нельзя»—«А почему нельзя? На войны вы вѣдь ходите, еще больше того собираетесь. А на проповѣдь почему нельзя»?

Послѣ освобожденія скота развязка стала быстро подготовляться. Толпы «проповѣдниковъ» ходили изъ села въ село и все собирали народъ для «новаго подвига».

— Придутъ къ намъ, — простодушно разсказывали бабы,—весь печеный хлѣбъ пріѣдятъ, а лягутъ спать на полу въ избахъ, такъ тѣсно, ступить негдѣ, и все не спятъ, другъ-дружкѣ проповѣдуютъ.

Тѣмъ не менѣе развязка наступила неожиданно, въ самомъ концѣ осени, когда приближавшіеся морозы уже угрожали отрѣзать всякую возможность «похода въ міръ». Сѣверныя села собрались почти внезапно и явились на средній участокъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Для такого множества уже не хватало пищи, и дальше медлить было, очевидно, нельзя. «Проповѣдники» кипрскихъ и бѣлопесочныхъ селъ стали подходить партіями и присоединяться къ основному ядру. Большинство духоборовъ все-таки осталось дома.

— Когда разставались, сколько было плачу и крику,—разсказывали проповѣдники,—потому что думали, разстаемся на вѣки, и Господь не доведетъ намъ свиданія. Они ужасаются, какъ вы пойдете, замерзнете, а мы ужасаемся, какъ можно остаться дома и нести грѣхъ...

Семьи дѣлились, мужья покидали женъ, дѣти родителей.

Повторились обычныя раздирательныя сцены при раздѣленіи близкихъ людей изъ-за различія убѣжденій.

— Я вначалѣ сильно шумѣла, плакала, — разсказывала мнѣ одна молодая бабенка изъ оставшихся, — сердце у меня было на мужа. «На кого же,—говорю,—ты дѣтей бросаешь?»—«На Божью волю,—говоритъ.—Я для Господа иду и для Господа бросаю дѣтей. Кто хочетъ, пусть кормитъ, ради спасенія души»—«Какъ же ты дѣтей бросаешь?—говорю.—Какъ мы давали другъ-другу слово и жили вмѣстѣ и нажили дѣтей, а теперь ты идешь»...—«Такъ предложилось мнѣ итти,—говоритъ.—Я предаю Богу душу свою и плоть свою». А самъ чуть не плачетъ. И какой прежде былъ сердитый да шумливый, а теперь такой сдѣлался, перемѣнился; хоть бей его, все молчитъ. А потомъ скажетъ: «Я иду правду отыскивать, слободу». Что же, думаю, вправду они идутъ не убивать, не красть. А потомъ опять за сердце взяло. «Какъ же тебѣ слобода,—говорю,—а зачѣмъ ты меня насилишь? Я съ дѣтьми осталась. Лучше ты оставайся съ дѣтьми, а я пойду слободу отыскивать»». А онъ говоритъ: «Я бы съ радостью остался, а ты бы пошла». А я дѣтей пожалѣла—не пошла.

На полдорогѣ къ Іорктону расположены фермы нѣмецкихъ менонитовъ, переселенцевъ изъ Екатеринославской губерніи. Духоборы поддерживаютъ съ ними добрыя сосѣдскія отношенія и даже передѣлали ихъ имена на русскій ладъ: Вурца называютъ Бурцевъ, а Вольмана—Волинъ. Вурцу они выстроили недавно большой амбаръ безъ всякой платы, чтобы вознаградить его за хлопоты по пріему духоборскихъ возчиковъ, проѣзжающихъ въ городъ, мимо его дома. Вурцъ живетъ довольно зажиточно, но

Вольманъ, у котораго восемь маленькихъ дѣтей, живетъ бѣднѣе духоборовъ. Въ хижинѣ его нѣтъ ни пола, ни потолка, и даже дверь ничѣмъ не ограждена отъ зимняго холода. Эта жалкая хижина была послѣднимъ пріютомъ духоборовъ предъ ихъ приходомъ въ городъ. Г-жа Вольманъ такъ описывала мнѣ этотъ бѣдственный ночлегъ

На дворѣ былъ заморозокъ, и женщины и дѣти почти не могли итти отъ холода и усталости. Однѣ набились въ хижину, сколько могло помѣститься, другія зарылись на дворѣ въ солому. Г-жа Вольманъ попробовала предложить дѣтямъ немного молока, но матери отвергли ея соблазнительный даръ. «Молоко пить грѣхъ,—сказали онѣ,—коровъ обижать. А ты лучше покинь это земное удобство, возьми мужа и дѣтей и пойдемъ съ нами».

— Если я пойду,—сказала менонитка,—я возьму съ собой хорошую шубу и большой кусокъ мяса, дѣтей кормить.

Іорктонскія власти тоже постоянно удивлялись и ужасались непонятному стремленію духоборовъ.

— Какъ стали мы къ городу подходить,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ «проповѣдниковъ»,—встрѣлъ насъ посолъ изъ Іорктона, кандидатъ (помощникъ переселенческаго агента) Спирсъ. «Куда вы идете?—говоритъ.— Идите назадъ, замерзнете!» — «Мы, — говоримъ, — идемъ Божье слово проповѣдать всѣмъ народамъ! Не идемъ назадъ!» А онъ видитъ, что мы идемъ чисто всѣ разувши.—«А гдѣ ваши бутсы (сапоги)?—говоритъ. А мы показываемъ на свои ноги, что вотъ намъ Богъ даровалъ другіе бутсы, неизносимые. Такъ онъ даже головою замоталъ. «No, no, good! (Нѣтъ, нехорошо)».

Такимъ образомъ духоборы вступили въ Іорктонъ и стали на площади. Англичане сначала были въ нерѣшительности, какъ поступить.

— «Мы идемъ искать Христа!» — повторяли духоборы. — «Идите, куда хотите,—сказали англичане,—пусть васъ Христосъ кормитъ».

Но чрезъ нѣкоторое время англичане перемѣнили рѣшеніе и рѣшили задержать малолѣтнихъ.

— Какъ пришли мы въ Іорктонъ,—разсказывала Пелагея,—англики обступили насъ, стали отнимать дѣтишковъ нашихъ. А мы говоримъ: «Зачѣмъ вы отнимаете нашихъ дѣтишковъ?» А они говорятъ: «Боимся, что они замерзнутъ. Будетъ нареканіе на нашу землю отъ всего свѣта». А мы опять: «Какое вамъ дѣло, если мы пошли по этой дорогѣ и положились на Господа во всемъ и на Его святую волю, что онъ не захочетъ истребить насъ, но скорѣе будетъ стеречь насъ отъ гибели?» Въ то время мы такъ стались, что намъ и дитенковъ не жаль. Дойдетъ до тебя очередь.—«Нате, возьмите дитя, только отпустите самихъ».— Дѣти крикъ подняли, тогда они стали забирать сестровъ. А мы говоримъ: «Отпустите насъ за братьями, мы все равно не можемъ итти назадъ». Тогда они насъ и заперли.

Между прочимъ, «проповѣдь» не прошла даромъ для участвовавшихъ въ ней малолѣтковъ; многіе захворали послѣ похода, и нѣсколько грудныхъ младенцевъ умерло во время заключенія въ Іорктонѣ. Духо-

борки, впрочемъ, не любятъ говорить объ этомъ: «Походили, ничего имъ не сталось,—упрямо возражаютъ онѣ на прямой вопросъ,—здоровешеньки! Другой и не ходитъ, а умираетъ».

Мужчинамъ англичане дали ѣду, и они переночевали на площади, но на утро упорно собрались въ дальнѣйшій путь.

— На другой день мы пришли къ англикамъ,—передавалъ одинъ изъ разсказчиковъ,—и говоримъ: «Теперь наши жены въ комнатѣ, въ теплотѣ, теперь намъ свободнѣе, чѣмъ прежде. Мы идемъ дальше». А они показываютъ рукой обратно на сѣверъ въ Терпѣнску сторону: туда, молъ, идите. А мы показываемъ на востокъ къ Виннипегу,—вотъ туда пойдемъ. Тутъ они попытались задержать насъ усильно, да развѣ удержишь рѣчку, когда она тронется. Какъ вышли мы на улицу, подвинули плечами, куда ихнія задержки дѣвались!..

— Лошади у нихъ ученыя,—продолжалъ разсказчикъ,—и брыкаться и пятиться. Ну, повернется конщикъ задомъ, показываетъ видъ, что хотятъ топтать насъ. Но мы этихъ ихнихъ страстей ничего не боимся, видали, молъ, и не то. Сейчасъ положимъ ей десять рукъ на спину, она и стоитъ. Или составятъ вмѣстѣ пять—шесть фургоновъ, давай пятить всѣ сразу, а мы кто за колеса схватимъ, кто подъ уздцы. Ничего не могутъ подѣлать съ народомъ.

Во всѣхъ этихъ эволюціяхъ противниками духоборовъ являлись сами городскіе жители, ибо въ Іорктонѣ всего одинъ полицейскій, и правительственныя функціи вообще сведены къ минимуму. Впрочемъ, попытка насилія встрѣтила рѣшительное неодобреніе со стороны многихъ горожанъ: «Не смѣйте ихъ трогать,—кричали они.—Это вамъ не скотъ!»

Пастухи американской степи именно такими пріемами сгруживаютъ вмѣстѣ степной скотъ, и іорктонскіе горожане, довольно враждебные скотоводамъ, не захотѣли одобрить подобныхъ пріемовъ на своей собственной площади и по отношенію къ людямъ.

Въ концѣ-концовъ, англичане отступились, и духоборы отправились въ дальнѣйшій путь вдоль линіи желѣзной дороги, ведущей въ Виннипегъ. Эта часть похода длилась 11 дней и отличалась особенными трудностями.

— Перво, какъ пошли мы изъ Іорктону,—разсказывали «проповѣдники»,—братья намъ милостыню сотворили, а потомъ не стало ничего. Мы пять сутокъ шли не ѣвши, собирали по полямъ колоски, питались *серберинками* (плодъ шиповника)... Ну чего въ ней есть? Гдѣ какой кусочекъ подастъ кто, то мы берегли старикамъ да молоденькимъ,—тоже пожаливали ихъ. Подросточковъ то вмѣстѣ отпустили; одинъ 15-тилѣтній былъ. Кто победрѣе другихъ, тотъ и идетъ безъ всего. Вечеръ придетъ, уляжемся на полѣ безъ огня, сожмемся всѣ вмѣстѣ, какъ дикіе гуси; заложимъ другъ дружкѣ ноги подъ мышки, согрѣваемъ одинъ другого. Въ городъ придемъ—за проповѣдь. «Знаете ли законъ Христовъ?.. Законъ Христовъ: не пейте водки, не курите трубки, живите сообща, не убивайте животную, имѣйте любовь»!.. Ну, кто и слушаетъ, а больше смѣялись англики. И милостыню давали мало. А какъ

стали подходить къ городу Минетозѣ, люди показались жалостливѣе и стали подавать больше, особенно нѣмцы. Одинъ фармеръ привезъ фургонъ хлѣба печенаго, другой—два мѣшка сырыхъ крупъ давленыхъ и мѣшокъ картошки, ради спасенія своей души.

Увы, предполагаемая «жалостливость» населенія была вызвана распоряженіемъ той самой канадской «правительствы», отъ попеченій которой духоборы хотѣли отдѣлаться. Сзади духоборской партіи отъ самаго Іорктона слѣдовалъ конный нарядъ, и въ послѣдніе дни онъ получилъ распоряженіе доставить для духоборовъ въ счетъ казны извѣстное количество пищи у окрестныхъ фермеровъ. Оголодавшіе «проповѣдники» отнеслись, однако, къ сырой крупѣ и картошкѣ съ полнымъ восторгомъ,

— Этакъ вѣдь сырого ѣсть не станешь,—говорили мои разсказчики,—а тутъ намъ показалось слаще сахара. А хлѣба кусочекъ дадутъ, такъ онъ такой духовитый,—духъ отъ него идетъ, какъ отъ свѣжаго меда.

— Такъ мы пропитывали свои души,—продолжали они,—и прошли больше трехсотъ миль и стали подближаться къ городу Минетозѣ. Тутъ англики видятъ, что ихня не беретъ, и что мы этакъ могемъ до океана дойти, выдумали хитрость. «Хотите,—говорятъ,—переночевать, мы вамъ домъ дадимъ. Пустили они насъ въ *каталище*, гдѣ скрытный дворъ и земля водой облитая, а по льду ребятишки коньками катаютъ. Дали намъ опять ѣду и заперли насъ снаружи, а мы и не чуемъ. На утро смотримъ, они заколотили столбы и вывели передъ дверями узкій проходъ, перемудрили, значитъ, насъ. Вотъ выпустили человѣкъ двадцать пять и опять заперли дверь. «Теперь,—говорятъ къ тѣмъ,—вышелъ приказъ, чтобы вамъ ѣхать обратно!» А наши говорятъ: «Намъ Божья заповѣдь того не приказываетъ!»—«А наша,—говоритъ,—къ вамъ заповѣдь, что вагоны готовы и нужно вамъ садиться на машину!» А наши не схотѣли. Тутъ они стали заворачивать ихъ силой, а наши схватили другъ-дружку за плечи, сцѣпились вмѣстѣ, какъ пчелы на рою. Тутъ полисманы и всѣ люди набросились ихъ отдирать, кто чѣмъ,—кто камнемъ имъ руки бьетъ, кто молоткомъ, кто ключемъ, кто шиломъ тычетъ. Одного человѣка четверо тащутъ, а другой и самъ идетъ. Какъ посадили по вагонамъ съ десятокъ человѣкъ, наши видятъ, что отстояться не беретъ сила, а кулаками драться грѣхъ. «Полно вамъ,—говорятъ,—тиранить людей! Намъ совѣсть не дозволяетъ драться. Пускай будетъ по-вашему»!..

Таковъ былъ конецъ этого удивительнаго похода, который, дѣйствительно, напоминаетъ передвиженія дикихъ гусей или мышей въ ненаселенныхъ пустыняхъ. Когда «проповѣдники» подъѣхали къ Іорктону, сопротивленіе ихъ было сломлено, и они безропотно согласились разобрать свои семьи и отправиться восвояси.

Духоборія, несмотря на всѣ разстройства, проявила и на этотъ разъ много упругости.

— Провожали насъ съ плачемъ,—разсказывали «проповѣдники»,—а встрѣчали съ великою радостью, потому что теперь духоборскіе люди

опять всѣ вмѣстѣ соединились. И когда мы пришли въ свои селенія, у насъ ничего не было. Сейчасъ это со всѣхъ селъ намъ натащили хлѣба, коровъ намъ, лошадей, опять мы стали жить.

Время все-таки было очень трудное. Нѣкоторые изъ хозяйственной партіи, напримѣръ, стали роптать на «проповѣдниковъ».

— Они думали залетѣть прямо на небеса, — насмѣшливо говорили они, — а все-таки пришлось по землѣ пѣшкомъ ходить... Свой скотъ извели, а нашимъ пользуются...

Къ счастью для Духоборіи, именно въ это время пріѣхалъ Веригинъ и обратилъ общину къ новому строительству. Въ концѣ-концовъ, самымъ крупнымъ остаткомъ отъ движенія проповѣдниковъ былъ капиталъ въ 16,000 долларовъ, вырученныхъ отъ продажи освобожденнаго скота. Англичане вычли изъ этихъ денегъ расходы на содержаніе женщинъ и дѣтей и даже плату за обратный проѣздъ мужской партіи изъ Минетозы въ Іорктонъ. Духоборы много негодовали по этому поводу.

— Они насъ подъ арестъ взяли, — говорили они, — гдѣ это видано, чтобы арестанты на свой счетъ по машинѣ ѣздили?

За всѣми расходами осталось около 10,000 долларовъ. Когда былъ заключенъ земельный договоръ съ правительствомъ, Веригинъ придумалъ обратить эти деньги па покрытіе перваго взноса за принятую землю. Нужно было именно 10,000 долларовъ, которыхъ тогда у общины не было. Эта мудрая мѣра сразу остановила ропотъ хозяйственной партіи противъ неосмотрительности «проповѣдниковъ», ибо первый крупный денежный вкладъ въ новую общину былъ сдѣланъ отъ лица этихъ полуразоренныхъ мечтателей, и хозяйственные мужики должны были прекратить ропотъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что Канадское правительство, несмотря на свои ошибки и непониманіе земельныхъ требованій духоборовъ, всетаки дѣйствовало очень осторожно и старалось на нарушать свободы духоборовъ.

Оно остановило духоборовъ силою только тогда, когда «походъ на проповѣдь» сталъ угрожать голодомъ и холодомъ. Но и въ этомъ случаѣ никакихъ лишнихъ насилій не было пущено въ ходъ. Не слѣдуетъ забывать, что духоборы все-таки были для канадскаго правительства чужими.

Поучительно сравнить съ этимъ умѣреннымъ поведеніемъ тѣ насилія, которыя производятся въ Россіи надъ коренными жителями, крестьянами и горожанами со стороны стражниковъ, полиціи и казаковъ, — битье нагайками, разстрѣлы, поджоги и грабежи.

Въ Канадѣ не можетъ быть ничего подобнаго, ибо чиновники и полиція — выборные отъ селенія и обязаны повиноваться законамъ. Если же они преступятъ законъ, каждый пострадавшій имѣетъ право привлечь ихъ къ суду на разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей.

IX.

По селамъ.

Отъ села Терпѣнія началась вереница духоборскихъ поселеній, которая прорѣзала всю ширину округи и, изогнувшись къ югу, снова приблизилась къ городу Іорктону. Они носили большею частью имена христіанскихъ добродѣтелей: Труждепіе, Спасеніе, Смиреніе, Вѣра, Надежда, Любовь. Другія назывались по именамъ прежнихъ духоборскихъ селъ на родинѣ: Каменка, Петровка, Ефремовка, Славянка. Дороги между селами уже имѣли довольно благоустроенный видъ. Вездѣ были видны свѣжіе слѣды починокъ, и черезъ рѣки Бѣлопесочную и Ассипобойнъ было переброшено нѣсколько крѣпкихъ, сшитыхъ желѣзомъ мостовъ, какіе не часто попадаются на русскихъ проселочныхъ путяхъ. На первомъ перекресткѣ двухъ главныхъ дорогъ сопровождавшій меня мальчикъ указалъ мнѣ на новый деревянный столбъ съ жестяною пластинкой, укрѣпленною наверху. На пластинкѣ была нарисована черной краской указывающая рука, а подъ рукой стояла надпись: «Своротъ къ селенію Вѣра».

Всѣ духоборскія села были одного вида. Они состояли изъ длинной улицы, обставленной деревянными избами одинаковой величины и вида. На задворкахъ были небольшіе лѣтніе огороды. Вокругъ селенія разстилались обширные посѣвы хлѣбовъ, разсады овощей, луга и еще не расчищенный кустарникъ. Жители работали прилежно и держались повсюду очень дружно и весело.

Были, впрочемъ, любопытныя различія между селеніями. Нѣкоторыя селенія были болѣе хозяйственныя. Ихъ посѣвы были больше, и обработка земли казалась тщательнѣе. Они стали работать машинами съ перваго же года, и теперь навѣсы ихъ амбаровъ были завалены косилками и жнеями. Поэтому новыя машины, купленныя за счетъ общины, не представлялись для нихъ ничѣмъ выходящимъ изъ ряда. Эти села почти не участвовали въ походѣ проповѣдниковъ и не отгоняли скота «на свободу». Поэтому, несмотря на послѣдующіе раздѣлы, у нихъ сравнительно было больше лошадей и дойныхъ коровъ. Они, очевидно, отличались хозяйственными наклонностями еще въ Россіи. Мнѣ показывали, напримѣръ, въ такихъ селахъ огромные фургоны съ желѣзными осями и обшивкой, вывезенные изъ самаго Закавказья и, несмотря на всѣ трудности, довезенные до Западной Канады. Здѣсь эти фургоны остались безъ употребленія, ибо канадскіе оказались легче и лучше.

Другія села были заражены страстью къ механическимъ изобрѣтеніямъ. Такъ, въ селѣ Благодареніе жители «своимъ умомъ» построили вѣтряную мельницу. Оказалось, однако, что она не хочетъ молоть. Недолго думая, они изломали поставы, разобрали шестерни и построили

мельницу второй разъ. Когда и эта попытка оказалась неудачной, они въ сообществѣ съ двумя другими селами построили водяную мельницу. Это было еще до основанія новой общины. Непосредственно вслѣдъ за этимъ водяная мельница была расширена и стала снабжать мукой десятокъ окружныхъ селеній. Наконецъ, во время моего проѣзда самородные механики этого села принимали дѣятельное участіе въ постройкѣ паровой мельницы въ селѣ Отрадномъ.

Въ такихъ селеніяхъ попадались молодые люди, умѣвшіе чистить и чинить карманные часы, рѣзчики по металлу, тонкіе токарные мастера. Женщины такихъ селъ занимались производствомъ соломенныхъ шляпъ на манеръ англійскихъ, которыя стали быстро вытѣснять полотняныя шляпы стараго духоборскаго фасона. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ изобрѣтеній отличались первобытностью. Женщины, напримѣръ, стали лѣпить руками горшки изъ глины, складывая ее спиральными вальками, точь-въ-точь, какъ мастерицы дикихъ племенъ. Мои разсказы о гончарномъ станкѣ очень заинтересовали этихъ первобытныхъ горшечницъ, и онѣ немедленно стали настаивать, чтобы я сдѣлалъ имъ одинъ станокъ для образца.

Нѣкоторыя другія села, лежавшія въ сторонѣ отъ главной дороги, были болѣе отсталы. Они обходились до сихъ поръ самодѣльными косами и серпами, и присылка новыхъ машинъ изъ Іорктона была для нихъ началомъ хозяйственнаго переворота.

Различію хозяйствъ соотвѣтствовало различіе настроеній.

— Надо болѣе работать, — говорили въ хозяйственныхъ селахъ,— дѣлать землю... Если будемъ работать тяжело, будетъ намъ жить легко, и наше имя прославится отъ всѣхъ англиковъ.

Хозяйственные мужики до сихъ поръ не могли совершенно простить смятенія, произведеннаго походомъ проповѣдниковъ въ прошломъ 1902 году.

— Это хожденіе вышло отъ большого ума!—говорилъ мнѣ по этому поводу Иванъ Коныгинъ съ Сѣвернаго Участка, хозяйственный мужикъ, который за три года успѣлъ хорошо обстроиться, завелъ скотъ и лошадей. — Стали путлять своимъ умомъ да цаплять одно къ одному и нацапляли. А кто были дураки, тѣ жили получше и посмирнѣе. Было, какъ бываетъ туча,—пошла маленькая, а тамъ притянула къ себѣ другія, и стала большая хмара. Люди, говорятъ, идутъ, и я тоже тутъ. Примѣрно, Николай Зибаровъ, славный мужикъ, правда, откровенный, добромысленный, а тоже пустился на все это и скотъ отгонялъ и ходилъ проповѣдывать свободу...

— Зачѣмъ же вы его выбрали въ уполномоченные въ комитетъ?— замѣтилъ я.

— Какъ же его не выбрать?—возразилъ Конычинъ.—Тоже ему совѣстно, небось. Вотъ если его укорять, не выберутъ, онъ, пожалуй, опять задумается и что-нибудь устроитъ, дальше и больше, пожалуй, и штаны сниметъ, какъ эти голые. А глядя на него—и другой, и третій. Лучше же пусть будетъ миръ... Онъ значитъ - будемъ говорить— изъ умниковъ, а Павелъ Планидинъ изъ насъ, дураковъ, потому что самъ не ходилъ и жену никуда не пустилъ.

Впрочемъ, новое устройство общины Коныгинъ очень одобрялъ.

— Я имѣлъ три пары лошадей, — говорилъ онъ, — но теперь все отдалъ въ равненіе. Что же говорить, пусть отдалъ, надо къ людямъ быть милостивымъ. У меня трое большихъ сыновъ, но я это не считаю. Изъ нашихъ есть такіе, которые въ розницу очень заживно жили, а другіе бы изъ работниковъ никогда не вышли. Это надо поровнять.

— Напримѣръ, когда заводили общину,—говорилъ Коныгинъ,— иные на сѣверѣ и на Озерѣ Добраго Духа имѣли по семи коровъ. Они имѣли бы полное право оставить себѣ хоть часть, но отдали все. А въ общинныхъ селахъ, которыя и до того жили общиной, скота оказалось меньше. Первое, что одиночные болѣе старались, а зато второе, что въ ихнихъ селахъ было очень неровно и бѣдствія было больше.

— Все это надо привести въ порядокъ. Напримѣръ, у кого нѣтъ лошадей. Вотъ вамъ способа, наживайте. А потомъ вы наживете, я, пожалуй, скажу: «Ну и довольно теперь. Теперь есть чѣмъ взяться, теперь пусть я буду опять самъ по себѣ!» — А только при бѣдности, чтобы взяться, община дюже хороша. Безъ общины даже и не подняться никакъ.

— А если будемъ жить, какъ теперь, то община потянетъ долго, потому что теперь живутъ очень согласно. И такъ хорошо въ общинѣ для работы и для жизни союзной, что дай Богъ, чтобы потянулось подольше.

Сколько мнѣ извѣстно, рѣчи Ивана Коныгина представляютъ близкое выраженіе взглядовъ хозяйственной партіи на новое общинное устройство.

Такъ установилось равновѣсіе обѣихъ партій Духоборіи: меньшинства—«умниковъ», и большинства—хозяйственныхъ «дураковъ».

Люди, склонные къ изобрѣтеніямъ, говорили больше о своемъ.

— Въ здѣшней землѣ,—повторяли они,—работа идетъ не руками, а разумомъ. Что же изъ того, что онъ заплатилъ работнику три доллера или три съ полтиной? А потомъ работникъ сядетъ на косилку и наработаетъ ему, пожалуй, на пятьдесятъ или на сто доллеровъ. И все такъ. Стало-быть, намъ тоже надо хвататься за все, чтобы и мы могли жить по разуму, съ обдумкой.

Люди болѣе простого склада не искали разсужденій, но крѣпко держались другъ за друга и за общину.

Мнѣ говорили по этому поводу въ томъ же самомъ «мельничномъ» селѣ Благодареніе: «Люди тоже большую силу имѣютъ, то-есть міръ. Дюжѣе скота и лошадей. Вотъ, къ примѣру, мы камень вывозили на жорновъ, большой такой дикарь-камень, пятерикъ. Впрягли три пары лошадей. Лошади здоровыя, сбруя не стоитъ. Цѣпь, или даже барка (перекладина), — все рвется, ломается. Протащили саженъ съ сотню, сталъ камень садиться въ землю, не можемъ подѣлать ничего. Сейчасъ это говоримъ: «Давайте-ка селомъ вытаскивать. Сошлось все село, до старичковъ и дѣтишковъ, и бабы вмѣстѣ. Опутали его веревками и не-то бы вѣревками, а даже просто нитками, и никто черезъ силу не надувался; а потянули и потащили. Такъ и община... Въ общинѣ жить спокойно,— прибавляли они.—Если по одному разу топоромъ стукнуть, можно избу сложить».

Эти простецы работали, не покладая рукъ, и напримѣръ въ селеніи Петровкѣ рѣшили на новыхъ постройкахъ удлиннить на одинъ часъ обычный для всей Духоборіи десятичасовой рабочій лѣтній день, потому что имъ было «въ охоту наработать побольше».

Среди представителей болѣе умственнаго направленія попадались люди, въ высшей степени привлекательные, которые придавали духоборской «обчей жизни» тонкую и своеобразную духовную подкладку. Однимъ изъ самыхъ памятныхъ остался для меня Василій Зорчаковъ, житель села Надежды, имя котораго уже упоминалось выше. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, высокій и прямой, съ большою сивою бородой и спокойными сѣрыми глазами. Онъ встрѣтилъ меня на улицѣ и тотчасъ же увелъ въ свой домъ. Съ тѣхъ поръ я долженъ былъ посвящать ему добрую часть своего времени, и когда я уходилъ куда-нибудь пить чай, старикъ обыкновенно являлся сзади и старался увести меня обратно. Склонность его къ умствованію была необычайно велика, и рѣчами его можно было бы наполнить цѣлый томъ. Въ противоположность безпокойному Алдошѣ Попову изъ Іорктона, это была натура спокойная уравновѣшенная, душа, склонная къ размышленію и разсужденію и въ то же время не лишенная легкой насмѣшливости.

По поводу новаго общиннаго устройства старикъ выражался такъ: «Ей Богу, объ насъ теперь можно сказать, какъ объ томъ древнемъ человѣкѣ, который жилъ въ бочкѣ и ничѣмъ не нуждался. Ничего намъ не надо, и все у насъ есть. Лошади нѣтъ, коровы нѣтъ, овецъ нѣтъ,—хлѣбъ есть, молоко есть, масло есть, картошка есть. Хлѣба съ душу, а одежи съ тушу, и больше ничего не надо. Раньше у меня былъ «на Русѣ» какой-то паршивый хуторъ, лошади, деньги. Надо было рано вставать, доглядать коровъ, а съ вечера посылать собакъ на караулъ, безпокоиться, не украли бы чего. А когда я все отдалъ, сталъ мнѣ спокой. Теперь спи все утро. Жена разбудитъ завтракать, скажешь: «Ахъ, зачѣмъ рано сварила?» Отвѣтитъ: «Встань, пожалуйста, поѣшь да опять ложись спать»...

— Какъ возникаетъ вражда между людьми?—говорилъ Зорчаковъ.— Къ примѣру, мы—сусѣды, и у насъ огороды. Если мой ребенокъ зайдетъ на твои гряды, ты ему виски надерешь. Я хоть, можетъ, ничего не скажу, но попадись мнѣ твой, я ему вдвое отдамъ. А ты опять вдвое. Дальше и больше, пока не дойдетъ дѣло до судовъ. Значитъ, если началось раздѣленіе труда, то будетъ раздѣленіе плода,—часть тебѣ, а двѣ части тому, кто половчѣе. Такъ же и правительсное дѣло. До тѣхъ поръ считаются людьми и землями, пока ввяжутся во что, и начинается когда война. Такъ же еще съ машинами. Если въ нашемъ селеніи 80 участковъ, то надо, намъ, значитъ, 80 косилокъ да 80 сноповязалокъ.

А если съ сосѣдомъ завести, то онъ гдѣ себѣ живетъ да робитъ на фермѣ на своей. А смотришь, въ одинъ день требуется и тебѣ, и ему. Тутъ можетъ выйти ссора. А въ другое время машина лежи безъ дѣла да ржавѣй. А у насъ въ селеніи перво было только два плуга, три пары лошадей, мы этими лошадьми всѣ кругомъ опахивались, а если

шесть паръ лошадей, такъ можно шатай-валяй, сколько хочешь напахать. А не то теперь у насъ,—двѣ косилки, и мы обходимся ими на все село.

Такъ же и мастерскія. Было у меня одно долото, я его отнесъ въ мастерскую. Тамъ теперь однихъ долотьевъ 80, инструменты всякіе,— иди, бери и работай, что надо; нето скажи, и тебѣ сработаютъ. А поодиночкѣ надо всякому покупать инструментовъ на три-четыре доллера.

Такъ и во всемъ.

Именно такіе люди, какъ Зорчаковъ, болѣе всего содѣйствовали примиренію обѣихъ партій Духоборіи и основанію новаго устройства.

Тѣмъ не менѣе Зорчаковъ разсказалъ мнѣ случай, мелкій, но любопытный, который показываетъ, что и Духоборскій уставъ жизни» не обошелся безъ ненужныхъ и мелочныхъ стѣсненій. Я уже упоминалъ, что обѣщаніе «не курить трубки» входитъ, какъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ новое «духовное положеніе» Духоборіи. Почему такое сравнительно невинное пристрастіе приравнено къ смертному грѣху, объяснить довольно трудно. Духоборы усиленно доказываютъ, что курить табакъ—первое грязно, второе вредно для груди. Какъ бы то ни было, эта вражда къ табаку имѣетъ совсѣмъ старовѣрскій характеръ.

— Есть тутъ въ селеніи Покровкѣ,—разсказывалъ Зорчаковъ,— мой роднякъ, старичокъ, завзятый табачникъ, трубочникъ. Старуха у него, сыны большіе, а меньшему 10 лѣтъ Вотъ разъ приходитъ къ намъ на село, плачетъ. «Прощайте,—говоритъ,—я ѣду въ Рассею».— «Что ты,—говоримъ,—Богъ съ тобой, а старуха какъ?»—«Старуха,— говоритъ,—остается съ большими сынами, а меньшенькаго мнѣ отдала».—«Какъ же,—говорю,—вѣдь тамъ солдатчина?» Вижу, плачетъ старикъ. «Не могу,—говоритъ, отказаться отъ табаку. Какъ брошу курить, стану ходить какъ чумной, все будто чего-то ищу, забылъ или потерялъ чего. Видно, моя утроба требоваетъ трубки».—«Ну,—говорю,— если ужъ ты не можешь такъ, Богъ съ тобой, кури».—«Смѣются,—говоритъ,—надо мной въ деревнѣ, называютъ меня паровикомъ». Такъ и я не утерпѣлъ,—прибавилъ Зорчаковъ.—«Правда,—говорю,— вотъ ты станешь возжаться съ табакомъ, а глядя на тебя, какой-нибудь парничокъ свернетъ листъ бумаги и тоже захочетъ дымить. Такъ не лучше ли тебѣ переломить свою плоть, чѣмъ видѣть, какъ твой собственный сынъ сдѣлается въ родѣ трубы самоварной? А между прочимъ я поговорю вашимъ старикамъ, чтобы они не очень смѣялись». Вздохнулъ мой старичокъ тяжко... «Пойду,—говоритъ,—я домой, попробую еще укрѣпиться».

Вопросъ о степени личной свободы въ духоборской общинѣ остался неясенъ. На словахъ каждый человѣкъ свободенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, хочетъ исполняетъ правила, хочетъ нѣтъ.

— Мнѣ какое дѣло?—говорилъ мнѣ по этому поводу Зорчаковъ.— Пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ. Они должны блюсти свои души сами.

Однако, на дѣлѣ выходитъ не совсѣмъ такъ.

— А что вы дѣлаете,—спрашивалъ я въ селѣ Вѣра,—если ктонибудь преступаетъ правило?

— Ничего,—отвѣчали жители.—Вотъ у насъ одинъ старичокъ, свою

коровку при себѣ держитъ, въ общину не отдаетъ. Мы ему ничего не дѣлаемъ.

— Такъ-таки совсѣмъ ничего?—настаивалъ я.

— Ни-ни!—увѣряли духоборы.—Даже не говоримъ ничего, только ходимъ кругомъ него, да плачемъ.

Не думаю, чтобы человѣкъ, обстрѣливаемый такимъ плачемъ, могъ долго противиться желанію общества.

Зорчаковъ охотно разсказывалъ о духоборской старинѣ.

— Духоборы,—говорилъ онъ,—были въ огненной пещи мучимы и отъ дикихъ звѣрей растерзаны, сидѣли въ Метропавловской крѣпости, но Бога своего не предали. Россейскіе духоборы набирались «по единому къ единому», изъ казаковъ и изъ хохловъ, и изъ мордвовъ. А наши родители, — говорилъ онъ, — были изъ Тамбовской губерніи, самые коренные русаки, рыжаки-лапотники, и отъ нихъ пошелъ главный духоборскій корень. Тамбовская губернія по всей Россіи первая, а эти воронежскіе да пензяки, какъ пристяжныя лошади, послѣ населенныя мѣста. И какъ пришли эти мужики въ Тифлисъ и въ Баку, и тамъ мои родители займовались кожей, а эти тамбовскіе собрались къ нему, будто «помогнуть», не то, что для работы, а больше для поглядѣнія. Вышли, стали гулять, заиграли пѣсни, а одинъ мужичекъ пустился плясать, и еще помню, пляшетъ да тернетъ ногой объ ногу и скажетъ: «Лапоть, дай огня!» Это знаете, какъ говорится: «Богатый мужикъ бьетъ подкову объ подкову, а бѣдный мужикъ бьетъ лапоть объ лапоть». Жили сыто, весело, дома хорошо держали. Ѣздилъ скотландскій путешественникъ по духоборамъ и потомъ написалъ, что одна духоборская женщина стоитъ пятьдесятъ нѣкоторыхъ иныхъ женокъ. Потому, пока мужъ ея на работѣ, она приготовляетъ ему способа и дѣтей блюдетъ. А у нѣкоторыхъ иныхъ народовъ мужъ надъ женой, не отводя кулака, и для дѣтей тоже такъ...

Сѣнокосъ былъ въ полномъ разгарѣ. Почти передъ каждымъ селеніемъ мы встрѣчали группы молодыхъ женщинъ, которыя ворошили граблями сѣно, скошенное наканунѣ машиной. Вслѣдствіе обильныхъ росъ по утрамъ и по вечерамъ ихъ работа продолжалась только нѣсколько полуденныхъ часовъ, когда сѣно было совершенно сухо. Она не показалась мнѣ особенно тяжелой. Женщины и дѣвушки были въ своихъ лучшихъ платьяхъ, сшитыхъ изъ яркихъ ситцевъ, съ большими бѣлыми передниками. Ихъ широкія бѣлыя шляпы были украшены цвѣтами и лентами. Когда онѣ двигались въ рядъ по широкимъ прокосамъ и съ громкою пѣсней ударяли въ тактъ граблями по зеленому валу душистой свѣже-скошенной травы, онѣ сами походили на большіе пестрые цвѣты, ожившіе и вышедшіе на эту полевую работу. Мнѣ памятна одна особенно яркая картина. Мы подходили къ околицѣ села Смиренія. Среди необозримыхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, на пологой сторонѣ низкаго холма разстилался широкій клинъ густого льна, какъ будто кусокъ цвѣтисто-голубого ситца, вшитый въ желтую парчевую ризу дозрѣвавшей на солнцѣ пшеницы. Ленъ былъ высокій, буйный. Его

красивый голубой коверъ перегибался чрезъ вершину холма и уходилъ на другую сторону. Онъ весь былъ усыпанъ желтыми и бѣлыми цвѣтами сорныхъ травъ, такихъ же рослыхъ и пышныхъ, какъ льняные стебли. Черезъ холмъ доносилась пѣсня, могучая и стройная, какъ гимнъ дозрѣвающей жатвы:

«Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды.
Благословляю я свободу
И голубыя небеса».

Это былъ гимнъ Іоанна Дамаскина изъ поэмы графа Алексѣя Толстого, очень популярный среди духоборскихъ пѣвцовъ. Молодыя дѣвушки пололи ленъ на другой сторонѣ холма. Ихъ не было видно, но великолѣпныя слова и прекрасный своеобразный напѣвъ ихъ гимна удивительно подходили къ этой мирной и благодатной полевой ширинѣ. Казалось, что самъ ленъ поетъ и благословляетъ природу за свой плодородный ростъ и за легкую красоту своей пестро-голубой одежды.

«О если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить!»

—звенѣла пѣсня.

Вереница женскихъ фигуръ показалась на вершинѣ холма. Ноги ихъ скрывались въ стебляхъ льна. Онѣ несли передъ собой большія охапки желтыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Сзади ихъ голубыя струи трепетали ярко и волнообразно, какъ - будто только - что обмытыя и очищенныя отъ примѣси.

«О если-бъ могъ я безъ изъятья
Васъ всѣхъ, враги, друзья и братья,
Въ свои объятья заключить»...

Казалось, какъ-будто ленъ самъ очищается отъ этихъ желтыхъ травъ и заставляетъ ихъ соединяться въ снопы и медленно подвигаться на другой конецъ поля.

Всѣ новыя жатвенныя машины были развезены по селеніямъ. Вмѣстѣ съ машинами явился англійскій механикъ, который переѣзжалъ изъ селенія въ селеніе въ сопровожденіи двухъ молодыхъ духоборскихъ переводчиковъ и показывалъ жителямъ, какъ снаряжать, собирать и, въ случаѣ надобности, чинить машины. Съ четвертаго ночлега одинъ изъ переводчиковъ, внимательно присматривавшійся къ пріемамъ англичанина, внезапно заявилъ, что можетъ замѣнить мастера, и отправился уже одинъ на юго-западный участокъ, къ озеру Добраго Духа.

Для сѣвернаго участка комитетъ нанялъ на годъ слесаря - механика изъ Риги, нѣмца, хорошо говорившаго по-русски. Механикъ, только-что пріѣхавшій въ Канаду, имѣлъ жену и четверыхъ дѣтей и былъ очень радъ возможности устроиться въ деревнѣ. Духоборы предложили ему 300 долларовъ въ годъ и корову при готовой избѣ и мѣсячной выдачѣ хлѣба и овощей. Онъ долженъ былъ по условію обучать молодыхъ парней тонкостямъ слесарной работы. Впрочемъ, среди духоборовъ тоже попадались очень искусные мастера. Въ селеніи Петровкѣ слесарь заново отдѣлывалъ всѣ мелкія части земледѣльческихъ машинъ. «Если бы на-

стоящій инструментъ,— заявилъ онъ,—можно бы сдѣлать всю косилку. Надо бы желѣзную руду поискать, - мечталъ онъ:—открыли бы мы свой маленькій заводикъ, было бы у насъ все свое, тогда сами панами жили бы».

Въ селѣ Отрадномъ я встрѣтилъ начало жатвы ячменя. Косилка выѣхала на поле, запряженная парой здоровыхъ лошадей и простирая въ сторону свои сложныя стальныя ножницы. Погонщикъ сидѣлъ на высокомъ сидѣньѣ. Другой шелъ рядомъ для того, чтобы слѣдить за зубчатою косой и не давать ей задѣвать за землю. За машиной увязалось чуть не полселенія,—женщины, дѣти, даже собаки. Старухи, впрочемъ, взяли съ собой недовязанные чулки, а дѣвушки запаслись кузовками для сбора ягодъ. Машина шла впередъ, срѣзывая широкій прокосъ и убирая жатву внутрь своими проворными стальными щупальцами. Она подбирала колосъ къ колосу, связывала ихъ въ снопы и выкидывала наружу сразу по четыре снопа. Намъ оставалось только поднимать эти снопы и ставить ихъ въ суслоны. Я съ гордостью могу сказать, что тоже поднялъ и поставилъ два большихъ снопа. Старухи плелись сзади и мирно вязали чулокъ. Дѣвушки разбрелись въ сосѣднихъ кустахъ и собирали ягоды. Мы шли за машиной и отъ нечего дѣлать заглядывали въ ея нутро. Тамъ мелькали свѣтлые зубья, и перебѣгали проворныя колеса. Какіе-то острые стальные пальцы сгребали и перебрасывали колосья на широкихъ желѣзныхъ ладоняхъ съ такою поспѣшностью, какъ будто это были раскаленные угли, потомъ быстро завивали вокругъ нихъ тонкую бичевку. Кракъ!—острый стальной зубъ скусывалъ концы обвязки, и снопъ отлеталъ въ сторону въ ожиданіи, пока машина соберетъ и свяжетъ всю партію. Тогда широкое полотняное чрево машины внезапно раскрывалось, и четыре снопа вылетали вонъ и становились дыбомъ на полосѣ. Къ вечеру, еще до заката, роса стала опять садиться, и работу пришлось прекратить до слѣдующаго дня. Таково было начало жатвы въ первомъ духоборскомъ селеніи Западной Канады.

Населеніе повсюду имѣло очень здоровый видъ. Избы кишѣли ребятишками, изъ которыхъ самые мелкіе родились уже здѣсь, въ Канадѣ. Это были славныя, бойкія, здоровыя дѣтишки. Они не дичились и не убѣгали, охотно шли на руки и отвѣчали на вопросы. Между собою они жили удивительно дружно, и мнѣ не одинъ разъ приходилось видѣть, какъ нѣсколько малолѣтнихъ нянекъ, собравшись въ кружокъ, учили ходить какого-нибудь упитаннаго бутуза, награждая его поцѣлуями за каждый успѣшный шагъ впередъ. Съ другой стороны, почти въ каждомъ селеніи попадались 80-ти-лѣтніе старики, помнившіе еще Молочныя Воды и жизнь духоборовъ въ Крыму. Односельчане, видимо, гордились ими, ухаживали за своими стариками всѣмъ обществомъ и даже спорили о томъ, чей дѣдъ старѣе. Особаго вліянія они, однако, на имѣли, и даже обычный терминъ «старички» часто придавался людямъ между 30-лѣтнимъ и 40-лѣтнимъ возрастомъ, если только они успѣли заслужить уваженіе сосѣдей.

Изъ древнихъ стариковъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ дѣдушка Махортовъ изъ Петровки, старый севастопольскій матросъ, которому было 89 лѣтъ. Онъ былъ еще довольно бодръ и могъ разъѣзжать одинъ въ

тарантасѣ за 30 или за 40 верстъ. Онъ былъ особенно любимъ дѣтьми и изъ подростковъ своего села составилъ большой хоръ, и ревностно обучалъ его по духоборскому обычаю «склонному» пѣнію псалмовъ и духовныхъ стиховъ.

Бабушкѣ Настѣ, матери Петра Веригина, было 86 лѣтъ. Она совершенно одряхлѣла и почти не выходила изъ комнаты. Впрочемъ, четыре года тому назадъ она сдѣлала вмѣстѣ со всею общиной переѣздъ черезъ море и путешествіе въ Западную Канаду. При ней не было

Бабушка Настя и дѣдушка Махортовъ.

тогда ни одного изъ ея семи сыновей, но невѣстки и многочисленные внуки всячески старались облегчить для нея трудности переѣзда и первыхъ мѣсяцевъ жизни на открытомъ воздухѣ «подъ комаромъ».

Теперь кромѣ Петра съ нею былъ младшій сынъ Гриша, который только-что пріѣхалъ изъ Сибири въ Канаду послѣ удачнаго побѣга вмѣстѣ съ двумя товарищами. Изъ другихъ сыновей двое недавно умерли, другіе все еще были далеко. «Духоборскіе люди» оказывали своей бабушкѣ всевозможные знаки вниманія: они посылали ей привѣты и гостинцы изъ самыхъ далекихъ селеній округи. При насъ «десять дѣвъ съ сивера» пришли пѣшкомъ за 30 миль и принесли бабушкѣ малины и варенья. Мы встрѣтили ихъ, когда онѣ шли назадъ съ пѣснями и

пустыми лукошками. Онѣ оставались у бабушки въ Отрадномъ не болѣе получаса. «Страда у насъ,—объясняли онѣ,—надо домой торопиться... Ой,—жаловались онѣ со смѣхомъ,—ноги болятъ, не можемъ на пятки наступить, а все-таки бабушку почтили за ея старенькія слезы».

Интереснѣе всего, разумѣется, попрежнему были разговоры, которые я постоянно велъ съ самыми разнообразными людьми. Дерзость духоборской мысли поражала на каждомъ шагу.

— Я за свои мысли не порука,—говорилъ мнѣ прямо Антонъ Поповъ, братъ безпокойнаго Алдоши.—У меня каждый день новое въ головѣ протаскивается. Сегодня я одинъ, а завтра, можетъ, буду совсѣмъ другой.

Онъ былъ самымъ уважаемымъ человѣкомъ въ своемъ селеніи и по зимамъ съ большимъ успѣхомъ обучалъ дѣтей грамотѣ.

Развитіе собственныхъ мыслей не удовлетворяло его: «Какъ мы, мужики,—вздыхалъ онъ,—люди малограмотные, то не имѣемъ времени разбирать всѣ вопросы. Немного подумаешь, щипнетъ за сердце, потомъ подойдутъ тѣлесные труды, и опять проваливаешь мимо. А потомъ опять подумаешь: «Господи, въ какомъ я болотѣ сижу!»...

Тотчасъ же послѣ такихъ жалобъ, духоборскій школьный учитель принимался за критику.

— Что есть душа?—спрашивалъ онъ меня.— Одни говорятъ: душа какъ спичка: вотъ горитъ, потомъ погаснетъ — и нѣтъ ничего. Другіе говорятъ: Душа есть правда Божья. А по моему это не суть важно. Только поступай, какъ совѣсть велитъ,—значитъ, не обижай другихъ, не забирай чужого, бери то, что положено на твой пай; ну, напримѣръ, если дѣти, я люблю своихъ дѣтей, то долженъ любить и другихъ столько же. И теперь взять тварь, — ей тоже больно. Она ходитъ, боится,—значитъ, ее тоже не надо трогать, обижать. Какъ человѣкъ разумный, а она неразумная,—телка одно сказать. Вотъ поманишь ее, она къ тебѣ идетъ, говоритъ: «Му-у! Я люблю тебя, я тебѣ вѣрю!» А ты взялъ ее, повелъ и стукъ сѣкирой по лбу. Какъ же не разбой? Я на это не согласенъ. Мое сердце не можетъ противостоять.

Критика Антона Попова не щадила и самой Духоборіи.

— Если у духоборовъ есть какія дурныя дѣла, — сказалъ онъ мнѣ прямо,—то надо ихъ выбросить вверхъ ногами, а если у индѣйцевъ или у черныхъ, что есть хорошее, то взять и принять. Потому есть и у духоборовъ разныя глупости, затащенныя изъ другихъ вѣръ. Прежде я думалъ такъ, — говорилъ Поповъ,— что вотъ бываютъ всякія вѣры, т. е. вѣра христіанская, и турецкая, и духоборская, и молокане, и евреи, и всякій говоритъ: моя правильная. Должна же одна быть правильная, а другія кривыя. Потомъ подумалъ: какая же кривая? Не лучше ль совсѣмъ отслониться отъ этого спора?...

Излишне прибавлять, что Антонъ Поповъ былъ страстнымъ приверженцемъ науки и образованія. Рѣчи его по этому поводу были прямо трогательны.

— Я дѣтей своихъ шибко люблю,—говорилъ онъ,—ужасно люблю... Конечно, знаю, это—грѣхъ. Ну, что-жъ дѣлать? Надо бы всѣхъ такъ любить. Теперь насчетъ науки. Положимъ, что черезъ десять лѣтъ все

у насъ будетъ,—и школы, и книги, — но только мои дѣти опоздають. Мнѣ надо сію минуту, чтобы собственныхъ дѣтей несчастными и темными не сдѣлать Пошлите намъ книжекъ,—повторялъ Поповъ,—чтобы, напримѣръ, дѣтямъ читать, когда научаются грамотности. А то у насъ совсѣмъ нѣтъ ничего. Другія книги очень полезны по нашему духу. Напримѣръ, вотъ «*Хижина Дядя Томъ*». Я ее прочиталъ; это книга по моему сердцу. Какъ сѣверные англики хотѣли повернуть на доброе, а южные обуялись гордыней зла и стали противиться. А такія пустыя исторіи намъ не надо, гдѣ сперва дѣвка, а потомъ парень, и идетъ у нихъ соблазнъ.

У меня былъ съ собой томъ разсказовъ Короленки, и я предложилъ Попову и еще двумъ-тремъ духоборамъ, участвовавшимъ въ разговорѣ, прочесть «Сказаніе о Гессіи Флорѣ». Чтеніе прошло съ большимъ успѣхомъ, хотя общій духъ сказанія не очень подходитъ къ духоборскому смиренію.

Поповъ слушалъ молча, но когда дѣло дошло до человѣческой крови, которая брызнула на бѣлыя одежды ангела и оставила на нихъ неизгладимыя пятна, онъ глубоко вздохнулъ.

— На этомъ свѣтѣ кровавыя пятна отмываютъ мыломъ,—сказалъ онъ съ горечью,—и потомъ ходятъ еще того бѣлѣе...

Мои духоборскіе собесѣдники восхваляли общую любовь и братство всѣхъ народовъ, но еще больше старались прославить честь духоборскаго имени.

— Намъ надо стараться, начинали они, — чтобы нашъ Богъ прославился, и мы, духоборы, прославились превыше всѣхъ народовъ. Какъ мы были на Кавказѣ, и наши были славные жители, такъ-то и здѣсь. Если мы будемъ впереди, то наше имя возвысится, а если мы будемъ позади, то наше имя унизится. Если устроимъ свою жизню по совѣту и по всей обчинѣ, тогда разновѣры могутъ признать, что такъ жить легче и впослѣдствіи времени и сами могутъ перейти такъ, а если мы построимъ нашу жизнь худо, то, пожалуй, и сами разбѣжимся.

— А приняли бы вы другихъ людей въ вашу общину?—спрашивалъ я.

— А то!—отвѣчали одни.—Если наша жизнь имъ понравится, и они пожелаютъ расположиться такъ же, то мы ради...

Другіе, однако, отвѣчали болѣе уклончиво:

— За нами только часть земли. Вотъ, если хотятъ, пусть занимаютъ землю, гдѣ есть свободная, и устраиваютъ такую же общину.

Какъ бы то ни было, въ духоборскихъ сердцахъ скрывалось много дѣйствительнаго сочувствія человѣческому горю.

— Никого такъ не жаль, — говорилъ мнѣ младшій Мухортовъ по поводу своей жизни въ кавказскихъ аулахъ, — какъ любошныхъ армяновъ да грузинъ. Наши, положимъ, такъ сами не схотѣли, а эти ничего не знаютъ, а какъ мучаются. Бѣдность у нихъ, а чапаринъ придетъ да послѣднее отберетъ, а онъ съ дѣтишками голодный. Вотъ любошные люди, есть тоже хорошіе, а какъ бьются. Вотъ бы имъ украсться да пріѣхать сюда на эту землю.

Это сочувствіе сказывается также въ отношеніи духоборовъ къ тѣмъ изъ сосѣдей новоселовъ, которые побѣднѣе.

— Недавно у насъ сосѣдъ сгорѣлъ,—разсказывали мнѣ въ Петровкѣ,—англикъ-новоселъ, а хорошій такой человѣкъ. Сейчасъ наши навезли ему лѣса, хлѣба, даже дали денегъ 20 рублей. Онъ радуется, говоритъ: «Good, good». Еще одному галиціанину дали корову и телку. Баба его пришла благодарить, говоритъ, что дѣтишекъ у него много. Только-что привезли товаръ изъ города; сейчасъ оторвали по куску, дали ей на рубашки, каждому по рубашкѣ. Такъ плачетъ, руки цѣлуетъ, на колѣни становится.

— Ты знаешь,—говорила мнѣ жена Павла Планидина,—мы ничего не беремъ за привѣтъ. Вотъ заѣхалъ къ намъ англикъ на ночь, а мы въ это время калины набрали. Сталъ онъ у насъ калины просить, и мы ему дали ведрушку. Онъ даетъ деньги, я не беру. Онъ положилъ полтинникъ на окошко. Ну, я взяла; думаю, все-таки сахару куплю, какой проѣдетъ, того попою. А тутъ хохолъ пришелъ, переселенецъ изъ Кіева, бѣдный такой, плачетъ, дѣтишки, ничего у него нѣтъ. Думаю, отдамъ-ка ему. Шерсть была,—шерсти клочекъ оторвала, пускай твоя жинка чулокъ напрядетъ дѣтишкамъ. Изъ платья кое-чего, кирсетокъ, юбченокъ.

Теперь, когда земельныя недоразумѣнія уладились, духоборы не умолкали въ похвалахъ канадской жизни.

— Заработки здѣсь страшные,—говорили они,—здѣсь мастеровитый человѣкъ сто доллеровъ въ мѣсяцъ заработаетъ. А въ Россіи за такія деньги нужно жить два года, въ работѣ то-есть. А между тѣмъ кормиться этимъ можно цѣлый годъ. Все дешево. Возьми мѣшокъ муки вальцовой, сто фунтовъ, отдай доллеръ или полтора, и мѣшокъ новый дадутъ вмѣстѣ. Гдѣ же у насъ это слыхано? Одежа прочная, хорошая, дюже теплая. Все лучше, до печей, и до саней, и до лошадей. Подводъ не слыхано, паспортовъ нѣтъ, живи спокойно, никто тебя не спрашиваетъ, иди куда хошь. Воровства не слышно, иди за тысячу верстъ, остановись на ночлегъ одинъ, никто тебя не тронетъ. А у насъ на Кавказѣ, поплыветъ съ горъ татарва, собаки злыя, ворота на запоръ, утромъ вышелъ на дворъ, изъ-подъ запоровъ увели и унесли. А лавочники здѣсь такіе, если не торгуешься, то и онъ уважитъ и спроситъ чистую плату, а если торгуешься, то они слѣдятъ, пожалуй, копейку накинутъ или двѣ, потому торговаться надо время, а за это время онъ тоже тебѣ накинетъ. Какая правительства здѣсь: губернаторъ поѣдетъ, самъ лошадь запрягаетъ, сядетъ и тебя посадитъ рядомъ, а самъ правитъ и говоритъ съ тобой такъ любезно. Пріѣдетъ къ вамъ, ничего ему не надо, хлѣбъ у него свой и сахаръ Развѣ кипятку попроситъ. А на утро встанетъ, положитъ полтинникъ на столъ и уѣдетъ. Словомъ сказать, не говори: *Канада*, а говори *такъ и надо*. Права одинакія для всѣхъ, нето, чтобы откупиться. Если ты хорошій человѣкъ, то никто ужъ тебя не тронетъ, а если ты самъ худой, не прогнѣвайся, накажутъ очень строго. Въ прошломъ году въ Брандонѣ повѣсили одного, — онъ человѣка убилъ. Отецъ былъ такой богатый, мельонеръ, а все же не могъ

откупиться, только далъ палачу двѣсти долларовъ, чтобы сразу его задушилъ. Онъ имѣлъ свою фарму, потому что здѣсь отецъ не станетъ его держать, иди самъ работай. Онъ фарму завелъ, а все же жилъ не очень заживно. Купецъ къ нему пріѣхалъ, онъ его зарѣзалъ и въ колодезь спустилъ, да тутъ и попался.

Молодые парни съ увлеченіемъ разсказывали мнѣ, какъ ловко англики играютъ въ мячъ и въ шары. Духоборскіе подростки переняли эти игры. Хотя они играютъ также въ «клюку» и «въ гилки», по примѣрамъ старой родины.

— И борются англики ловко,—разсказывала молодежь,— но только изъ сотни одинъ можетъ бросить духобора. Они хоть народъ крупный и очень легкій, а нашъ народъ болѣе бузовитый, и наше тѣло круче. Напримѣръ, есть тутъ у насъ парень, Мукосѣевъ. Онъ малъ ростомъ, но только, дѣйствительно есть у него. Такъ вотъ стоитъ онъ на платформѣ, идетъ мимо англикъ, такой видный, подернулъ силомѣрную пружину, выдернулъ 200 фунтовъ. Подумалъ Мукосѣевъ: «Семъ-ка я!» Выдернулъ 220 фунтовъ. Сошлись англики, щупаютъ его тѣло, узнаютъ, откуда такая сила.

Разумѣется, была и критика канадской жизни.

— Англики живутъ въ роскоши и въ богатствѣ,— говорилъ мнѣ Антонъ Поповъ,—но только они доходятъ до распутства, и все у нихъ деньги. Если у меня тысяча долларовъ, я хочу двѣ, а если двѣ,—хочу три. За деньги готовъ и душу свою продать.

Воскресеніе заставало насъ три раза на нашемъ пути. Духоборы проводили его въ праздничномъ отдыхѣ и съ ранняго утра собирались вмѣстѣ для общаго моленія. Молебенный домъ почти всегда являлся обыкновенною жилой избой, которая была почище и побольше. Моленіе состояло въ пѣніи и чтеніи духоборскихъ псалмовъ всѣми присутствующими по очереди. Къ моему удивленію, на моленіе сходилось, однако, не болѣе десяти или пятнадцати человѣкъ, даже въ многолюдныхъ селахъ, и то преимущественно женщинъ и дѣтей. Когда я сталъ разспрашивать о причинахъ, оказалось, что сильное теченіе духоборской мысли относится отрицательно къ этимъ молитвеннымъ собраніямъ.

—Это наши старики выдумали,— насмѣшливо говорилъ Антонъ Поповъ.—Цѣлый день ссорится старичокъ съ людьми, сноху поѣдомъ ѣстъ, а потомъ придетъ въ собраніе, станетъ и подожметъ руки: я, молъ, святой. Читаетъ псаломъ, - думаетъ заставиться передъ Богомъ. А ты лучше не читай и людей не обижай»...

Другіе заявляли не менѣе рѣзко: «Молитвенный домъ, по нашему, это—принужденіе. Хочешь не хочешь, а ходи каждое воскресенье. Я захочу, лучше я самъ помолюся, не по заказу, а хотя бы въ будни»...

Митя Зыбинъ по своему обыкновенію взглянулъ на дѣло глубже. — Это почему воскресный день—отдыхъ?—говорилъ онъ.—Я не могу понять. По моему, плоть воскресла, оживилась, и надо бы оживляться, работать, а не отдыхать. Шесть дней Господь работалъ, создавалъ, и была радость въ мірѣ, а на седьмой день уморился, сталъ отдыхать,— въ мірѣ настала печаль.

Главное развлеченіе духоборской жизни въ воскресные дни есть пѣніе. Мужчины и женщины, дѣвушки и даже дѣти соединяются въ пѣвческія партіи и хоры и съ субботы до понедѣльника не устаютъ оглашать своими псалмами и стихами спокойныя улицы деревни. Поютъ согласно и разнообразно даже дѣтскіе хоры. Голоса попадаются великолѣпные, звонкіе и сильные, какъ удары колокола.

Духоборы любятъ пѣніе и знаютъ въ немъ толкъ. Духоборскіе псалмы поражаютъ неистощимымъ обиліемъ. Музыка ихъ представляетъ оригинальное соединеніе русскихъ церковныхъ мотивовъ и напѣвовъ, заимствованныхъ изъ народной пѣсни. Нѣкоторые очень торжественны и красивы. Зато настоящихъ народныхъ пѣсенъ почти не поютъ. Онѣ вытѣснены стихами, заимствованными изъ школьныхъ книжекъ, но переложенными на собственные «духоборскіе голоса». Есть напѣвы и слова, перешедшіе отъ баптистовъ и молоканъ и отъ русскихъ соціалистовъ. И мнѣ было странно и трогательно слушать, какъ вереницы молодыхъ дѣвчонокъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ цвѣтными платочками на головахъ, проходя по улицѣ, распѣвали тонкими голосами:

Дѣдушка Махортовъ и дѣтскій хоръ.

„Мы жертвою пали борьбы роковой,
Любви безграничной къ народу“...

Это былъ первый деревенскій хоръ, который пропѣлъ заупокойный

гимнъ борцовъ русскаго освобожденія въ далекой Америкѣ. Съ 1905 года этотъ гимнъ раздался надъ всей Россіей. Послѣ того новыя жертвы гибнутъ безъ числа. Вся Россія обратилась въ кладбище. Но вопль народный гремитъ все громче и грознѣе...

Хоры проходили и проходили безъ конца. Однако, черезъ два-три часа, несмотря на превосходство духоборскаго пѣнія, я сталъ тяготиться этимъ непрерывнымъ концертомъ. Мало-по-малу, я почувствовалъ себя, какъ на дачномъ любительскомъ спектаклѣ, который не признавалъ бы антрактовъ и не имѣлъ бы даже двери, чтобы спастись на улицу.

Духоборы гордятся своимъ пѣніемъ.—Вотъ видишь,—сказалъ старикъ, сидѣвшій со мною рядомъ. – Англики въ своихъ молебенныхъ домахъ позаводили органы, а намъ это не надобитъ. У насъ есть тимпаны новы и гусли нерукотворенны...

X.

Село Отрадное.

Село Отрадное является столицей Духоборіи. Жители въ немъ лучше одѣты, и дома выглядятъ чище и благоустроеннѣе, и даже борщъ гуще, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Многіе изъ домовъ заняты веригинской породой, крупной и красивой, какъ на подборъ, и выбирающей себѣ для браковъ такихъ же крупныхъ и пригожихъ женщинъ.

Въ отсутствіе Петра Веригина самымъ вліятельнымъ лицомъ въ селѣ былъ его младшій братъ Гриша, недавно бѣжавшій изъ Сибири. Я засталъ его вмѣстѣ съ товарищемъ за распилкой досокъ при помощи длинной проходной пилы. Впрочемъ, онъ тотчасъ же слѣзъ съ своего возвышеннаго мѣста и пошелъ со мною на мельницу. Она была пущена въ ходъ всего два дня назадъ, и теперь молола безъ забоевъ, совершенно ровно и правильно. Паровикомъ, составлявшимъ двигательную силу мельницы, завѣдывалъ Голубевъ, пріѣхавшій изъ Сибири вмѣстѣ съ Гришей. Такъ какъ и я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири, то мы встрѣтились почти, какъ знакомые, и стали вспоминать общихъ пріятелей и одинаково видѣнныя мѣста.

Голубевъ раньше былъ простымъ слесаремъ, но въ Якутскѣ онъ долго служилъ на большой мукомольной мельницѣ, гдѣ и научился своему новому искусству. Здѣсь въ Америкѣ онъ успѣлъ сдать экзаменъ на паровознаго механика, не зная ни слова по-англійски. Впрочемъ, онъ сдавалъ экзаменъ рисунками, чертежами и работой, что значилось въ дипломѣ, который былъ выданъ Голубеву.

Въ этотъ день мельница молола безъ своего механика, а распилка досокъ совсѣмъ остановилась. Мы втроемъ ходили по селу изъ конца въ конецъ и все разговаривали о ближайшемъ будущемъ Духоборіи.

Политическое разумѣніе Духоборіи сосредоточилось въ селѣ Отрадномъ.

— Есть среди насъ такіе,—говорилъ Гриша,—говорятъ: «Не будемъ вступаться ни въ ихніе суды-выборы, ни въ чего. Обгородимъ Духоборію стѣной, пускай они насъ не касаются. Мы будемъ Боговы, а они зе-

мные». А по-моему—какая стѣна? Отъ всего свѣта не отгородишься даже на островѣ. А здѣсь въ Канадѣ, конечно, мы будемъ участвовать во всемъ. Пусть меня выберутъ судьей, пусть мнѣ придется даже судить человѣка. Я заявлю свой голосъ, что я не согласенъ его убивать, если по такому закону. А если мой голосъ заглушится, то я не виноватъ. И уполномоченныхъ въ народную палату пошлемъ, въ этомъ нѣтъ ничего дурного, если устройство для пользы людей. Въ нашей общинѣ есть же устройство. Безъ этого бы не было распорядковъ.

Рѣчи его относились къ предстоящему полученію правъ гражданства, котораго самые строгіе духоборы все еще страшились и называли канадскимъ подданствомъ.

Надо, однако, сказать, что по соглашенію съ канадскимъ правительствомъ Духоборія уже принимала мѣры для лучшаго осуществленія своихъ гражданскихъ правъ. Духоборская земля лежала въ углу между тремя округами канадскаго союза: Манитобой, Ассинибоей и Саскачеваномъ. Было условлено, что всѣ духоборскіе голоса для выбора мировыхъ судей, шерифовъ [1]) и депутатовъ сосредоточатся вмѣстѣ и будутъ принадлежать къ Ассинобойѣ.

— А какъ у васъ русскій языкъ не испортится, если англичане будутъ кругомъ?—спросилъ я.

— По-моему не испортится, а исправится, — возразилъ Гриша. — Вы слушайте, какъ наши говорятъ. Половину по-русски, а половину по-хохлацки прихватываютъ: *швыдко* да *черевики*, да *нехай*. А тутъ наши молодые ребята станутъ доходить до всего, мы научимся грамотѣ по настоящему, и станетъ нашъ языкъ чище и краше прежняго.

— А какъ вы думаете, какой языкъ пересилитъ, — спросилъ я,— англійскій или русскій?

— Да мнѣ все равно! — сказалъ Гриша. — Какой пересилитъ, тотъ и пускай. Всѣ языки равно отъ Бога. Но, конечно, по-моему, русскій языкъ не отмѣнится, потому онъ нашъ природный.

Другой Григорій, братъ Павла Планидина, тоже бывшій вмѣстѣ съ нами, вмѣшался въ разговоръ въ качествѣ знающаго старожила сравнительно съ этими недавними пришельцами.

— Намъ теперь не о томъ надо думать, какой языкъ пересилитъ,— замѣтилъ онъ,—а о томъ, чтобы научиться хоть понемногу англійскому чтенію и разговору. Да изъ нашихъ есть кое-которые, кои сильно обучились, тоже ребята не очень тупые. Дюже учиться намъ ненужно, а впослѣдствіи, можетъ, и научимся...

— Ну, ну!—сказалъ Голубевъ.—Я думаю, русскій языкъ ни въ жисть не уступитъ англійскому.

— Я вижу, — продолжалъ онъ, — тутъ русскихъ много пріѣзжаетъ. Пускай, разселяются вокругъ насъ. Рѣдьку чѣмъ рѣже сажаютъ, тѣмъ она толще растетъ.

— Вишь ты, какой прыткій!—разсмѣялся Планидинъ.

---

[1]) Шерифъ завѣдуетъ полиціей. Въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ Америки всѣ власти выбираются жителями съ всеобщей подачей голосовъ.

— А то,—увлекался Голубевъ,—мы впослѣдствіи времени еще англиковъ пріучимъ по-русски. Вонъ въ Іорктонѣ же научились многіе. Заведемъ свою «типографію», станемъ русскія книжки печатать безъ перевода, газету устроимъ.

— Во что вы цѣните имущество общины?—спросилъ я Гришу, когда мы осматривали амбары и склады Отраднаго.

— Вмѣстѣ съ воздѣланной землей, близъ полмилліона долларовъ,—отвѣтилъ онъ.

— Черезъ десять лѣтъ у васъ будетъ десять милліоновъ.

— Мы большихъ богатствъ заводить не будемъ,—живо возразилъ Гриша,—а лишь сколько намъ нужно для жизни.

Онъ уловилъ въ моихъ словахъ намекъ, что ростъ духоборскаго богатства можетъ представить опасность для прочнаго существованія общины.

— Это все обдумано!—прибавилъ онъ.—Неужто все время работать? Можно и такъ посидѣть. А къ тому же намъ еще надо долги платить.

— Велики ли ваши долги?—замѣтилъ я, думая, что онъ имѣетъ въ виду кредитъ, который община забирала у крупныхъ торговцевъ.

— По-нашему,—горячо заговорилъ Гриша,—чтобы наши долги заплатить, всей жизни не хватитъ. Вы думаете, мы забыли, какъ насъ люди вызволяли изъ бѣды? Дай намъ Богъ заплатить, хоть не тѣмъ самымъ, такъ другимъ бѣднымъ людямъ.

Такія рѣчи о «платежѣ долговъ» раздаются повсемѣстно среди духоборовъ.

— Дай-ка опериться,—повторяютъ они,—мы не забыли, какъ насъ все «человѣчество» изъ бѣды выручило. Совсѣмъ чужіе люди собирали для насъ деньги, даже въ Африкѣ и Австраліи. Дастъ Богъ, мы поднимемся, разбогатѣемъ, мы еще не такъ будемъ дѣлать, сотельною мѣрой. Гдѣ только бѣдствіе, туда хлѣбъ вагонами, деньги—тысячами. На что ихъ копить? Лучше отдать...

Удастся ли имъ осуществить эти благородныя мечты? Въ моемъ умѣ мелькнуло сомнѣніе и, видимо, отразилось даже въ выраженіи моего лица.

Гриша замѣтилъ мое сомнѣніе и тотчасъ же обидѣлся.

— Почему вы не вѣрите, что это можетъ прочно стоять?—спросилъ онъ безъ обиняковъ.

— Я не знаю,—отвѣтилъ я такъ же прямо.—Такіе опыты бывали, но всегда распадались.

— Распадались!—повторилъ Гриша съ сомнѣніемъ въ голосѣ.—Такъ надо ихъ повторять, пока перестанутъ распадаться.

— Теперь, кажется, всѣ образованные люди приходятъ къ убѣжденію, что такъ надо жить,—привелъ онъ уже слышанный мною доводъ.—Это называется соціализмъ.

— Мы тоже попробуемъ,—прибавилъ онъ твердо.—Можетъ, намъ лучше удастся.

Этими словами Гриши я закончу свои очерки.

Изданія „Сѣятель“.

Ниж.-Новгородъ, Покровка, Книжный музей, для „Сѣятеля“.

В. Черновъ—Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ. 20 коп.
Вандервельде, Идеализмъ въ марксизмѣ, съ предисловіемъ В. Чернова. 15 коп.
Ламенне—Современное рабство, 8 к.
Цадикъ—Рабочій день и вырожденіе. 9 коп.
Новый пѣсенникъ. 4 коп.

Изданія «Молодой Россіи».

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, кв. 2. Тел. № 122—75.

К. Качоровскій. Народное право, 90 коп.
Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.
А. Рудинъ. На ту же тему 20 коп.
Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма, 10 коп.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторжествующаго капитализма, 10 коп.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ, 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы, 10 коп.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма, 10 коп.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа, 25 коп.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія, 20 коп.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма, 10 коп.
Амари. Стихотворенія, 10 коп.
П. Поливановъ «Кончился». Разск. Съ порт. и біогр. авт. 8 к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе, 4 коп.
Н. Максимовъ. Праздникъ труда, 3 коп.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургск. крѣпости 30 к.

Изданія Вл. Распопова.

С. Ан-скій.—Семидесятникъ. 7 коп.
Его-же. На конспиративной квартирѣ. Комедія, 10 коп.
А. Бахъ—Экономическіе очерки, 15 коп.
Е. Брешковская.—Изъ моихъ воспоминаній. 8 коп.
С. Вандервельде—Идеализмъ въ марксизмѣ, съ пред. Гарденина. 7 коп.
Крестьянскіе союзы въ Сициліи, 6 коп.
Г. Новоторжскій. Соціализація земли, 7 коп.
Поливановъ.—Алексѣевскій равелинъ, съ портрет. автора 20 коп.
Р. Р. Соціализація земли, 5 коп.
Н. Чайковскій. Чартизмъ, 10 коп.
В. Черновъ. Къ вопросу о выкупѣ земли, 10 коп.
В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ, 25 коп.
В. Черновъ. Конечный идеалъ соціализма и повседневн. борьба.
Л. Шишко. С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ, 12 к.
Шефле. Сущность соціализма съ примѣч. П. Лаврова, 20 к.
Революціонные кружки въ Саратовѣ, 10 коп.